3
том 6
2021

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета

ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2500-3372 (print) 2542-1190 (online)

Bulletin of Kemerovo State University. Political, Sociological and Economic Sciences. 2021, 6(3):289–434

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОЛИТОЛОГИЯ • СОЦИОЛОГИЯ • ЭКОНОМИКА

2021
том 6 № 3

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят двойное слепое рецензирования (Double-blind review).

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания https://vestnik-pses.kemsu.ru

16+

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:
Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., ТюмГУ (Тюмень, Россия).
Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, проф, чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова М. В., д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун С. Н., д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

© Кемеровский государственный университет, 2021
© Авторы научных статей, 2021

BULLETIN

KEMEROVO STATE UNIVERSITY

POLITICAL • SOCIOLOGICAL • ECONOMIC

2021
vol. 6 no 3

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

16+

© Kemerovo State University, 2021
© The authors of scientific articles, 2021

Editor-in-Chief: *Morozova E. A.,* Dr.Sc. (Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:
Baranova I. V., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Bychkova S. M., Dr.Sc. (Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
Glushakova O. V., Dr.Sc. (Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
Kapoguzov E. A., Dr.Sc. (Econ.), Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).
Kislyakov M. M., Dr.Sc. (Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management – branch of he Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia).
Kravchenko S. A., Dr.Sc. (Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Krämer Raimund, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
Nemirovskiy V. G., Dr.Sc. (Sociol.), Prof., Tyumen State University (Tyumen, Russia).
Nekhoda E. V., Dr.Sc. (Econ.), Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).
Ozernikova T. G., Dr.Sc. (Econ.), Prof., doctor of economic sciences, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Reznik S. D., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
Silin A. N., Dr.Sc. (Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).
Slinkova O. K., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
Solodova G. S., Dr.Sc. (Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
Suslov V. I., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Udaltsova M. V., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
Chirun S. N., Dr.Sc. (Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Shashkova Ya. Yu., Dr.Sc. (Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).
Shabashev V. A., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Политология
Социальные сети в современных политических коммуникациях: контент-анализ научных статей в зарубежной периодике
Писарева А. Н. 289

Социология
Оценка как социологический концепт: к постановке проблемы
Григорик Н. Н. 304

Аналитические результаты использования электронной обучающей системы в организации горно-металлургического комплекса России
Казакова М. И., Селиванова Т. В. 315

Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса
Морозова Е. А, Кочнева О. П 326

Мотивация олимпийских волонтеров в России и Китае
Сухарькова М. П. 339

Состояние и тенденции развития теневого академического предпринимательства
Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В. 347

Экономика
Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона
Бабина С. И., Егорова Н. М. 357

Тенденции институциональной трансформации экономики России и их влияние на качество рабочей силы с позиции производительности труда
Бельчик Т. А. 374

Влияние адаптационных мероприятий и профессионального обучения на результативность деятельности организаций с многонациональным персоналом
Васин С. М., Прохорова Ю. Е. 382

Развитие академического технологического предпринимательства в России
Корчагин Р. Л. 390

Методические подходы к формированию индикаторов устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров
Краковская И. Н., Гуськова Н. Д. 401

Корпоративная социальная ответственность в малом бизнесе: сильные стороны и проблемы развития
Надтока Т. Б., Алистратова Д. О. 408

Оценка причин завершения предпринимательской деятельности: данные за 2020 год по различным странам
Пиньковецкая Ю. С. 418

К вопросу значимости формирования структуры финансирования программ корпоративной социальной ответственности
Чудинов О. О. 427

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3

Political Science
Social Networks in Modern Political Communications: a Concept Analysis of Foreign Periodicals
Pisareva A. N. 301

Sociology
Evaluation as a Sociological Concept: Problem Statement
Grigorik N. N. 312

E-learning Systems in the Russian Mining and Metallurgical Sector
Kazakova M. I., Selivanova T. V. 324

Youth Migration in the Kemerovo Region (Kuzbass)
Morozova E. A., Kochneva O. P. 337

Motivation of Olympic Volunteers in Russia and China
Sukharkova M. P. 344

Informal Academic Entrepreneurship: Current State and Development Trends
Yurasov I. A., Tanina M. A., Yudina V. A., Kuznetsova E. V. 355

Economic
Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region
Babina S. I., Egorova N. M. 371

Trends in the Institutional Transformation of the Russian Economy and Their Impact on the Quality of the Labor Force from the Perspective of Workforce Productivity
Belchik T. A. 380

The Impact of Adaptation Measures and Vocational Training on the Effectiveness of Organizations with Multinational Personnel
Vasin S. M., Prokhorova Yu. E. 388

Development of Academic Technological Entrepreneurship in Russia
Korchagin R. L. 398

Methods of Developing Sustainable Competitiveness Indicators for Innovative Industrial Clusters
Krakovskaya I. N., Guskova N. D. 406

Corporate Social Responsibility in Small Business: Strengths and Development Challenges
Nadtoka T. B., Alistratova D. O. 415

Assessment of the Reasons for the Termination of Entrepreneurial Activity: Data for Various Countries in 2020
Pinkovetskaia Iu. S. 424

Development of the Financing Structure of Corporate Social Responsibility Practices
Chudinov O. O. 433

оригинальная статья

Социальные сети в современных политических коммуникациях: контент-анализ научных статей в зарубежной периодике

Александра Николаевна Писарева
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Россия, г. Санкт-Петербург; https://orcid.org/0000-0001-7930-3749; al.pisareva@gmail.com

Поступила в редакцию 14.07.2021. Принята после рецензирования 20.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: Отечественные и зарубежные исследователи на протяжении последних двух десятилетий фиксируют возрастающее влияние социальных сетей в политической коммуникации. Значительную роль играют технологические трансформации. Стремительная эволюция устройств, проникновение мобильной связи превратили Интернет в новое средство массовой информации (доказательством тому служит признание в России блогеров с числом подписчиков свыше 3000 средством массовой информации с присвоением определенной степени ответственности). Получатели сообщений теперь не только принимают их, но способны распространять, а иногда и создавать их самостоятельно, что вызывает лавинообразное появление фейков. В Интернете сформировалась новая реальность – виртуальная, где этот факт зачастую не учитывается потребителями. Возросла скорость обмена информацией: традиционные средства массовой информации проигрывают интернет-СМИ в оперативности предоставления новостей. По совокупности всех этих факторов и в связи с масштабным ростом аудитории Интернет и социальные сети все чаще используют в процессе политического взаимодействия, как в предвыборный период, так и в повседневности. Пандемия COVID-19, повлекшая форсирование цифровизации коммуникаций, сделала этот процесс необратимым. В предлагаемой статье рассматриваются результаты контент-анализа публикаций в иностранных научных журналах ведущих мировых издательств за январь 2020 – июнь 2021 г. с целью определения степени привлекательности темы политической коммуникации в социальных сетях для зарубежных исследователей, наиболее актуальных аспектов ее изучения, а также использования концептуальной базы интерпретации данных. Проанализированы 250 статей, опубликованных в журналах издательств Taylor and Francis, Oxford University Press, SAGE Publications. Непосредственно тема социальных сетей в контексте политической коммуникации рассматривается в 12 % изученных статей. Наибольшей популярностью у исследователей пользуется глобальная социальная сеть Facebook. Примерно равное число работ посвящено изучению поведения сетевых пользователей и месту государства в управлении социальными сетями. Используемый зарубежными исследователями терминологический аппарат для описания и интерпретации интересующей нас темы отличается от принятого в российских публикациях. Одно из ключевых понятий *социальные медиа* зарубежные авторы чаще используют как синоним концепта *сайты социальных сетей*, тогда как в отечественных источниках это понятие трактуется более широко. Распространенные в иностранных статьях дополнительные термины и аббревиатуры, такие как SNSa – social networks sites and apps (сайты и приложения социальных сетей), практически отсутствуют в работах отечественных авторов. Основной интерес авторов статей рассматриваемого периода связан с проблемами формирования и распространения политического контента, влияния социальных сетей на протестные движения, расовых противоречий, задействования новых медиа в избирательном процессе. Методологические предпочтения зарубежных авторов обращены к классическим политологическим теориям. Применяемые российскими исследователями для анализа эмпирических данных теории слабых связей, тесного мира, двухступенчатого потока коммуникации, концепция *третьего места* в статьях, попавших в выборку, даже не упоминаются.

Ключевые слова: сайты социальных сетей, общественное мнение, Интернет, новые медиа, социальные медиа

Цитирование: Писарева А. Н. Социальные сети в современных политических коммуникациях: контент-анализ научных статей в зарубежной периодике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 289–303. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-289-303

Введение

Интернет в целом и социальные сети в частности приобретают все большее влияние в современном обществе. В 2021 г. число пользователей интернет-медиа достигло без малого 4 млрд человек, причем за одно десятилетие, т. е. с 2010 г., эта цифра возросла втрое[1]. Лавинообразный рост числа потребителей интернет-СМИ прямо связан с распространением мобильных устройств: подавляющее большинство пользователей заходят в Интернет при

[1] Шайжанов Ф. На десерт – самые вкусные цифры из мира социальных сетей. 02.09.2021. Режим доступа: https://vc.ru/social/288922-na-desert-samye-vkusnye-cifry-iz-mira-socialnyh-setey (дата обращения: 14.09.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-289-303

помощи беспроводного доступа, а именно мобильной сети или технологии wi-fi. Онлайн изменил характер коммуникации – выросла оперативность передачи данных, активность всех участников. Можно утверждать, что Интернет все более явно выполняет функции своеобразного социального лифта, сокращая социальное расстояние между его пользователями. Дополнительный толчок к разноплановому развитию (в том числе техническому – с точки зрения предоставления новых возможностей участникам) и росту популярности социальных сетей придала пандемия коронавируса COVID-19. Вспышка заболевания, зафиксированная в декабре 2019 г. в Китае, 30.01.2020 привела к объявлению Всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения и 11.03.2020 – к признанию пандемии. Локдауны, объявленные в разных странах мира, активизировали цифровизацию различных сфер жизни, что в свою очередь сопровождалось серьезной трансформацией общественной жизни в онлайн.

Социальные сети предоставляют дополнительные, расширенные возможности коммуникации для своих участников и одновременно могут быть использованы для изучения общественного мнения по различным вопросам. Первыми потенциал инструмента оценили маркетологи, но в настоящее время интернет-поведение активно исследуется социологами, антропологами, психологами, политологами.

Среди социологических и политологических теорий, ключевые концепты и методологические принципы которых наиболее близки предмету нашего исследования, можно назвать теорию слабых связей [1], концепцию третьего места [2], концепцию политических сетей [3], модель гражданского волюнтаризма [4], ресурсную теорию политического участия [5], теорию тесного мира (известную как теорию шести рукопожатий) [6], концепцию двухступенчатого потока коммуникации [7], а также новых медиа [8]. Для новых медиа характерны четыре ключевых признака: конвергенция, дигитализация, интерактивность и принадлежность к сетевому пространству [9]. Контент в них может быть создан любым участником. При этом любая информация может быть оценена и стать коммуникативным ресурсом, а пользователи приобретают значительно больший контроль над информационной средой, чем создатели контента (по сравнению с традиционными медиа). Помимо социальных сетей к новым медиа относят интернет-СМИ, подкасты, блогосферу, фильмы и сериалы, созданные для распространения в Интернете, виртуальные игры и иные площадки.

В социальных сетях Интернета социальный статус пользователя больше не является решающим фактором поведения, поскольку любой может написать популярному лицу, социальное расстояние между акторами сократилось. В то же время нет никакой гарантии взаимности этой связи. Вместе с тем социальное поведение сетевых акторов вызывает вполне определенные последствия уже не в виртуальном мире. Напомним о скандале с увольнением сотрудника Роскосмоса после резких высказываний во время обсуждения в одной из социальных сетей[2]. Особую роль начинают играть лидеры мнений, которых в социальных сетях называют инфлюенсерами. В глазах рядовых пользователей они обладают высоким социальным статусом и лучшей информированностью, тем самым способны оказывать влияние на восприятие информации.

Термин *лидеры общественного мнения* был впервые использован в книге Пола Лазарсфельда и Элиху Каца «Личное влияние» в 1955 г., хотя, разумеется, он не был связан с социальными сетями. Тем не менее данное понятие сохраняет свою ценность для анализа виртуальной реальности, поскольку фиксирует механизм передачи информации через фильтр восприятия влияющих на конечного потребителя людей. Свое исследование П. Лазарсфельд начал во время президентских выборов в США в конце 1940-х гг. Его гипотеза основывалась на материалах, полученных в ходе Второй Мировой войны, которые доказывали, что солдаты испытывали больше доверия к информации, поступающей от офицеров, чем из СМИ. Исследование послужило толчком к разработке двухступенчатой модели коммуникации, которая заменила популярную в то время одноступенчатую, поскольку она обеспечивала более разработанное описание влияние канала получения информации на адресата.

Российский политолог Ю. В. Ирхин [10] обратил внимание на то, что влияние пользователей в интернет-сообществах различается по своей силе – пользователи опираются на мнение лидеров общественного мнения. Как отмечает исследователь, в информационном поле участник сети может ориентироваться как на одного, так и на нескольких лидеров, отбирая наиболее близких по взглядам. Политический сектор в социальных сетях активно развивается, хотя пока уступает другим темам[3]. При этом исследователи определяют национальную специфику интернет-сообществ. Так, российские эксперты отечественную блогосферу называют открытой, т. е. сообщества готовы принимать информацию извне, тогда как в США нередко существуют т. н. эхо-камеры, замкнутые внутри себя. Тем не менее социальные сети Интернета привели к сокращению числа связей между акторами, что подтверждают современные исследования, проводимые на основе теории шести рукопожатий. Первоначальный эксперимент был проведен в 1967 г. Стенли Милгрэмом.

[2] Сотрудника Роскосмоса порекомендовали уволить после слов о «скотобазе». 04.03.2019. Режим доступа: https://ria.ru/20190304/1551535486.html (дата обращения: 01.07.2021).

[3] Зачем россиянам социальные сети? 25.01.2019. Режим доступа: https://iom.anketolog.ru/2019/01/25/zachem-rossiyanam-social-nye-seti (дата обращения: 19.09.2021).

Для проверки ученым были выбраны максимально удаленные как географически, так и социально города США. Местным жителям раздали 300 конвертов, которые должны были дойти до конкретного адресата в другом городе. Передавать следовало только через родных и друзей. В результате до точки назначения дошли 60 конвертов. Подсчеты показали, что длина цепочки, связывающей любых членов офлайн социальной сети, составила 5,2 человека (из чего родилась известная теория шести рукопожатий). Эксперимент, проведенный в социальных сетях Интернета в 2011 г. исследователями университета Милана и представителями социальной сети Facebook, показал, что в современном мире длина такой цепочки сократилась и составляет 4,74 человека, а если рассматривать только пользователей США, то еще короче.

Социальные сети стали площадкой, на которой локализуются слабые связи. Создатель концепции силы слабых связей, американский социолог Марк Грановеттер утверждал, что актуальной проблемой социологии является отсутствие механизма, позволяющего связать структуры макроуровня с микроуровнем. Ребра в сети, которые обеспечивают единственную связь между двумя точками (без опосредований), называются мостами. Можно было предположить, что мостами в основном являются сильные связи. Между тем исследователь обратил внимание на то, что сильная связь может являться мостом только в случае, если никто из акторов не имеет иных сильных связей. Хотя это маловероятно, за исключением случаев небольших социальных групп. Таким образом, слабые связи играют в сплочении группы и передачи информации более весомую роль, нежели сильные. Аналогию о силе связей автор проводит с друзьями и знакомыми. В отношении социальных сетей применимы будут термины friends (друзья) и subscribers (подписчики).

Автором термина *третье место* является Р. Ольденбург [2]. Характеристиками третьего места является его нейтральность (люди приходят по своему свободному выбору и могут оставаться, сколько захотят), уравнивание (статус посетителей не имеет значения), коммуникативность (основная цель посещения – неформальное общение), доступность, наличие завсегдаев (некоторые члены являются постоянными посетителями), неприметность. Исходя из этого, социальные сети можно назвать виртуальным третьим местом. Доступ в них осуществляется свободно после регистрации, общение пользователи ведут на равных, основная цель появления в социальных сетях имеет коммуникативный характер. Третьи места – это чрезвычайно важные политические форумы, на которых актуализируются слабые сетевые связи, что, в соответствии с теорией о силе слабых связей М. Грановеттера, оказывает большое влияние на коммуникацию как в обществе, так и в социальной сети. В результате веб-сайты, существующие для построения, отражения и организации социальных связей, удовлетворяют потребность пользователей в коммуникации, что позволяет отождествлять их с социальными институтами.

В то же время исследователи из разных стран отмечают, что с разрастанием и развитием социальных сетей пользователи перегружены информацией, в которой не успевают ориентироваться. В этом свете важным является рассмотрение феномена *фейк-ньюс*: принципы их распространения, возможные риски и способы противодействия. Явление характерно для эпохи постправды – современного общества, в котором факты имеют меньшее значение, чем эмоции, которые они вызывают (если говорить в свете социальных сетей, лайки и репосты) [11]. Например, в России каждый третий россиянин сталкивался с ложными новостями, размещенными в сети[4].

Концепция политических сетей, ключевые идеи которой заложены в работах А. Ф. Бентли, в настоящее время трактуется исследователями более широко. Сам автор в начале XX в. описывал прочные связи между комитетами конгресса США, правительственными агентствами, представителями бизнеса и т. д. В современных условиях число акторов политической коммуникации значительно увеличилось. В последние годы все более отчетливо выявляются два подхода к изучению социальных сетей: сторонники первого воспринимают социальную сеть в политологическом понимании как структуру организации гражданского общества, находящегося во взаимодействии с органами власти. К ее приверженцам можно отнести Р. Родса и Д. Марша, среди отечественных исследователей – Л. В. Сморгунова. По мнению данных авторов, участники сети действуют нецентрализованно, на основе добровольных договоренностей. Адепты второго подхода определяют сетевую структуру как одну из возможных форм государственного управления, наряду с иерархической и рыночной моделями. Связи, в их понимании, стабильны, взаимодействия направлены на реализацию конкретной цели.

Ресурсная теория политического участия основана на предположении о том, что высокие издержки офлайн-участия (время, деньги, навыки гражданского участия и т. д.) способствуют активизации индивидов в онлайне. Социально-экономические характеристики перестают иметь значение. В виртуальном пространстве формируется горизонтальная сеть акторов – пользователей, политических и государственных институтов, которая нивелирует неравенство между участниками, расширяя спектр групп, участвующих в политическом процессе. К примеру, активность в Интернете, в том числе в электоральный период, проявляет молодежь, которая в реальности, как правило, менее активна, чем люди

[4] «Фейк-ньюс»: масштаб проблемы // ВЦИОМ. 18.04.2019. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejk-nyus-masshtab-problemy- (дата обращения: 03.07.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-289-303

среднего и старшего возраста, хотя в последнее время ситуация в офлайн-среде меняется[5].

Модель цифрового неравенства, напротив, фиксирует, что люди с более высоким статусом быстрее адаптируются к появляющимся технологиям, могут быстрее получать и использовать информацию. Основными параметрами для анализа такого неравенства, как правило, являются возраст, пол, образование, уровень дохода и социальный статус. Модель гражданского волюнтаризма, в рамках которой также рассматривают социальные сети, включает в себя 3 составляющие: ресурсную, мотивационную и мобилизационную. К мотивационной относят внутреннюю политическую эффективность, т. е. уверенность индивида в том, что он может повлиять на политическую жизнь. Мобилизационная включает в себя принадлежность к политическим движениям и организациям.

Когнитивный подход сконцентрирован на том, откуда индивид получает политическую информацию. Пользователи социальных сетей проактивны – они сами формируют свои сети для получения информации. Среда предлагает потребителям медиаполе, из которого они могут вычленять необходимые сообщения. У пользователей на основе уникального набора информации формируется свое отношение к происходящему, которое они выражают, оказывая влияние на других. Когнитивный подход основан на возможности получения информации и желании использовать ее в политическом поведении. Ключевыми параметрами для оценки политического участия в рамках этой теории являются медиаактивность и интерес к политике.

В настоящее время существует множество классификаций социальных сетей на основе различных признаков, имеющих значение для исследователей. К примеру, выделяют глобальные (Facebook, Twitter и др.) и локальные (RenRen в КНДР и др.) социальные сети; открытые (без ограничений для регистрации) и работающие по приглашению; сети с возможностью публикации различного контента (фото, видео, тексты, микроблоги), сети с различным временем доступа к контенту (возможность архивного хранения – Вконтакте, удаление роликов спустя короткое время – Snapchat), контактные (предполагают взаимодействие разной степени активности) и контекстные (сфокусированы на размещение контента и предоставление реакций на него), синхронизированные (как Facebook и Instagram, где контент появляется одновременно, если выбрана данная опция) и уникальные сети (Вконтакте) [12]. Наибольший интерес представляют именно контактные сети. Так как социальные сети, безусловно, стали частью повседневной жизни, исследовать социальные сети в этом контексте возможно в рамках феноменологического подхода, разработанного А. Шюцем. Концепт, получивший продолжение в социальном конструировании реальности Т. Лукмана и П. Бергера, позволяет описать деятельность пользователей в рамках соотнесения их представления себя в онлайн- и офлайн-пространствах. При этом содержание обеих реальностей – виртуальной и физической – рассматривается как дополняющие друг к другу, а не противоположные.

Описанные выше теории и концепции часто упоминаются в русскоязычных публикациях. Нас интересовало: какие темы в контексте изучения социальных сетей в политических коммуникациях являются наиболее популярными в англоязычных публикациях за январь 2020 – июнь 2021 г.; используются ли в зарубежных эмпирических исследованиях описанные выше теории и концепции как методологическая база.

Методы и материалы

Эмпирические данные для решения исследовательской задачи были получены путем поиска на Интернет-сайтах наиболее крупных мировых издательств научной литературы. В их число вошли: международное издательство Taylor and Francis[6] – было основано в 1852 г., имеет 8 офисов по всему миру, в настоящее время специализируется на публикации академической литературы и научных журналов, ежегодно публикуя более 1800 книг и 1000 журналов; одно из крупнейших университетских изданий в мире (и крупнейшее в Великобритании) Oxford University Press[7] (OUP) – Университетское издательство Оксфорда, имеет филиалы в 60 странах; американское независимое издательство SAGE Publications[8], публикующее научную литературу, основано в 1965 г., ежегодно выпускает более 1000 научных журналов.

Первоначально отбор материала по теме предполагался по наличию в статьях (заголовке, аннотации, ключевых словах, тексте) сочетания терминов ***social networks*** (социальные сети) и ***political behavior*** (политическое поведение). Однако пилотное исследование показало, что данных терминов недостаточно. В зарубежной научной литературе исследователи чаще используют иные формулировки, а именно ***social media*** (социальные медиа), ***political activity*** (политическая активность), ***political participation*** (политическое участие), ***political expression*** (политическое выражение) и т. д. По итогам пилотного исследования было принято решение в качестве поисковых слов использовать сочетание ***social media*** (социальные медиа) и ***political*** (политический). Период публикаций был задан с января 2020 по июнь 2021 г. (период охватывает зарождение и развитие пандемии коронавируса). Объем выборки составил 250 статей.

[5] ВЦИОМ: молодежь до 34 лет голосовала на выборах не менее активно, чем старшее поколение. 22.03.2018. Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/5055270 (дата обращения: 16.09.2021).

[6] Taylor and Fransis – informal business. Режим доступа: https://taylorandfrancis.com (дата обращения: 30.06.2021).

[7] Oxford University Press. Режим доступа: https://global.oup.com (дата обращения: 30.06.2021).

[8] Sage Publishing. Режим доступа: https://us.sagepub.com (дата обращения: 30.06.2021).

В соответствии с задачей нашего исследования *категориями анализа* были выбраны:

- упоминание вышеприведенных терминов в названии статьи;
- функциональное описание социальных сетей в контексте политической деятельности (какое назначение имеют в политической жизни);
- контекст изучения социальных сетей в политической активности:
  - рассматривается со стороны государства и органов власти (с точки зрения использования госорганами);
  - рассматривается со стороны пользователей (граждан) (с точки зрения изменения поведения).

Единицей анализа стали опубликованные авторские аннотации к исследовательским статьям.

Единицей счета послужила упоминаемая в аннотации функциональная связь социальных сетей и политических коммуникаций.

Результаты

Из 250 просмотренных статей в 31 (12 %) предметом рассмотрения являются *социальные сети в контексте политической коммуникации,* что говорит о достаточном интересе к данной теме среди исследователей. В таблице представлено количество упоминаний выделенных категорий в проанализированных статьях.

1. Упоминание терминов в заголовке статьи

Проведенный контент-анализ продемонстрировал, что непосредственно в заголовке публикаций сочетание терминов ***social media*** и ***political*** исследователи используют лишь в 19 % статей на данную тематику, предпочитая раскрывать цели исследования в аннотациях и полных текстах. Наименование конкретных социальных сетей авторы используют редко (6 %), это относится к глобальным и известным социальным сетям. Отчасти отсутствие указания на конкретную социальную сеть в названиях публикаций связано с тем, что во многих работах описывается исследование не одной социальной сети, а сразу нескольких, сравнивается активность акторов в сетях различных типов (видеохостингах, мессенджерах, блогах, микроблогах и т. д.). Примеры заголовков:

- *Algorithmic* ***social media*** *use and its relationship to attitude reinforcement and issue-specific political participation – The case of the 2015 European immigration movements* [13] – Алгоритмическое использование ***социальных сетей*** и его связь с укреплением отношения и участием в политической жизни по конкретным вопросам – на примере европейских иммиграционных движений 2015 года[9].

Табл. Количественный анализ по категориям

Tab. Quantitative analysis by category

Категории анализа	Количество упоминаний
Упоминание терминов в заголовке статьи	
Social media (социальные медиа), political participation (политическое участие)	2
Social media, Political expression (политическое выражение)	1
Political Polarization (политическая поляризация), social media	1
Name of social network (имя конкретной социальной сети), political (политический)	2
Функциональное описание социальных сетей в контексте политической деятельности	22
Контекст изучения социальных сетей в политической активности	
Со стороны органов государственной и муниципальной власти	7
Со стороны пользователей (с точки зрения изменения поведения)	7

- *Race,* ***social media*** *news use, and* ***political*** *participation* [14] – Раса, использование новостей в ***социальных сетях*** и участие в ***политической*** жизни.
- *Testing inequality and identity accounts of racial gaps in* ***political expression*** *on* ***social media*** [15] – Изучение неравенства и представления личных аккаунтов различных рас в ***политическом выражении*** в ***социальных сетях***.
- ***Political polarization*** *on the digital sphere: a cross-platform, over-time analysis of interactional, positional, and affective polarization on* ***social media*** [16] – ***Политическая поляризация*** в цифровой сфере: кроссплатформенный анализ взаимодействия, позиционной и аффективной поляризации в ***социальных сетях*** с течением времени.
- ***Political participation*** *of Afghan youths on* ***Facebook****: a case study of Northeastern Afghanistan* [17] – ***Политическое участие*** Афганской молодежи в ***Facebook***: кейс-стади на примере северо-восточного Афганистана.
- ***YouTube*** *and* ***political ideologies****: technology, populism and rhetorical form* [18] – ***YouTube*** и ***политические идеологии***: технологии, популизм и формы риторики.

2. Функциональное описание социальных сетей в контексте политической деятельности

Авторы подавляющего числа работ (29 из 31) констатируют важную роль социальных сетей Интернета в современных политических коммуникациях, а также большой

[9] Здесь и далее по тексту перевод автора.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-289-303

потенциал их использования как пользователями, так и органами государственной и муниципальной власти, представителями политических движений, исследователями сетевой политической коммуникации. Наиболее актуальные теоретические и практические проблемы:

1. Формирование политической повестки дня в социальных сетях (с точки зрения доверия к информации, распространения фейк-ньюс, влияния алгоритмов социальных сетей для демонстрации публикаций и публикаций соцсетей на формирование политической повестки, взаимосвязи с сообщениями традиционных медиа) – 9 работ (28 %):

- *His sometimes works for Twitter as well, but tweets receive especially more coverage when they are published at times when journalists need additional viewpoints about existing stories (e.g., when they deal with an ongoing big event or when they are sent out in the middle of the day). All in all, this paper puts "timing" on the map as a non-negligible factor of the political news selection process* [19, p. 260] – Иногда это также работает в Твиттере, но твиты получают гораздо больший охват, если они публикуются в то время, когда журналистам нужны дополнительные точки зрения на существующие истории (например, когда они имеют дело с текущим крупным событием или когда они рассылаются в течение дня). В целом в этой статье время отображается на карте как немаловажный фактор процесса отбора политических новостей.
- *We find no evidence that social endorsement affects people's news selection behavior* [20, p. 222] – Мы не нашли доказательств того, что социальное одобрение (*прим.* – в социальных сетях) влияет на поведение людей при выборе новостей.
- *The results show that participants assigned to conditions that were agreeable to their political world view found fake stories more believable compared to participants who received a heterogeneous mix of news stories complementary to both world views* [21] – Результаты показали, что участники, которым представлены статьи (*прим.* – фейковые статьи), соответствующие их политическому мировоззрению, сочли поддельные истории более правдоподобными по сравнению с теми участниками, которые получили различные истории (*прим.* – фейковые новости), представляющие различные точки зрения.
- *Most people receive political news from social media platforms. Unlike traditional media, these platforms algorithmically determine the order in which news is presented, in part relying on an article's popularity (i.e. number of likes, shares, and comments) to determine its ranking. To what extent does sorting the news by popularity influence people's attitudes toward politics?* [22, p. 423] – Большинство людей получают политические новости с платформ социальных сетей. В отличие от традиционных СМИ, эти платформы алгоритмически определяют порядок представления новостей, частично полагаясь на популярность статьи (т. е. учитывая количество лайков, просмотров и комментариев) для определения ее рейтинга. В какой степени сортировка новостей по популярности влияет на отношение людей к политике?
- *The COVID-19 pandemic has been paired with a global misinformation "infodemic." Citizens in authoritarian countries, where most media are state controlled, often do not have access to credible information sources to help combat misinformation. In fact, the news media in these countries may be the primary drivers of misinformation while digital media may be sources of more accurate information* [23] – Пандемия COVID-19 была сопряжена с глобальной дезинформационной «инфодемией». Граждане в авторитарных странах, где большинство средств массовой информации контролируется государством, часто не имеют доступа к достоверным источникам информации, чтобы помочь бороться с дезинформацией. Фактически средства массовой информации в этих странах могут быть основными источниками дезинформации, в то время как цифровые средства массовой информации могут быть источниками более достоверной информации.
- *Findings reveal that news use via television, newspapers, online news sites, and social media is positively associated with political knowledge. Furthermore, press freedom and strong public broadcasting strengthen the association between news use (via both mass and social media) and political knowledge* [24] – Результаты показывают, что использование новостей по телевидению, газетам, новостным сайтам в Интернете и социальным сетям положительно влияет на политические знания. Кроме того, свобода прессы и активное общественное вещание укрепляют связь между использованием новостей (как в средствах массовой информации, так и в социальных сетях) и политическими знаниями.
- *We suggest that, because online messages are targeted to specific viewer profiles much more than television messages, television ads should be more likely to discuss highly salient issues and valance issues than online ads. To test these ideas, we rely upon data from the Wesleyan Media Project, which tracked all televised political ads that aired in 2016, and our coding of data from Pathmatics, a company that tracks online advertising. We find, contrary to our expectations, that the predictors of issue discussion online and on television are largely similar* [25, p. 175] – Мы предположили, что, поскольку онлайн-сообщения в большей степени ориентированы на конкретные профили зрителей, чем телевизионные сообщения, телевизионная реклама должна с большей вероятностью обсуждать более широкие проблемы, чем онлайн-реклама. Чтобы проверить эту гипотезу, мы использовали данные проекта Wesleyan Media, который отслеживал всю телевизионную политическую рекламу, вышедшую в эфир в 2016 г., и данные от Pathmatics, компании, которая отслеживает онлайн-рекламу. Вопреки нашим ожиданиям, мы обнаружили, что тематика обсуждения проблем в Интернете и на телевидении во многом схожа.

- *Forms of disagreement and their respective consequences deserve more empirical and normative attention, not only to advance debates on deliberation but also to critically understand the communicative complexities in a new media landscape* [26, p. 108] – Формы разногласий и их последствия заслуживают большего эмпирического и нормативного внимания не только для продвижения дискуссий, но и для критического понимания коммуникативных сложностей в новом медиа-ландшафте.
- *Such media have increased the number and political range of 'ideological entrepreneurs' promoting forms of political thought, while also giving rise to distinct genres of political rhetoric and communication. All of this is affecting how people come to be persuaded by and to identify with political ideas* [18] – Такие средства массовой информации увеличили число и политический спектр идеологических антрепренеров, продвигающих формы политической мысли, а также породили различные жанры политической риторики и коммуникации. Все это влияет на то, как люди приходят к убеждению и отождествлению себя с политическими идеями.

2. Влияние социальных сетей на активность протестных и террористических движений – 3 (9 %). В статьях, отнесенных нами к этой категории, рассматривается как роль социальных сетей в протестных мероприятиях, так и меры (потенциально возможные или принимаемые) со стороны органов власти для сдерживания и нормализации этого процесса. Примеры описания подобной функциональной связи:

- *This study examines the Pakistan military's strategic use of social media in encouraging and sustaining public support for the ongoing war against terrorism in Pakistan* [27] – В этом исследовании рассматривается стратегическое использование пакистанскими военными социальных сетей для поощрения и получения общественной поддержки продолжающейся войны с терроризмом в Пакистане.
- *On the one hand, the use of social media as a means of recruitment by terrorists and, on the other hand, the use of Facebook, Twitter, etc. to gain the support of the population during insurgencies* [28] – С одной стороны, социальные сети используются террористами как средство вербовки. С другой – Facebook, Twitter и т. д. используются для получения поддержки населения во время мятежей.
- *Digital platforms have reduced the gatekeeping power of traditional media and, potentially, they have increased the capacity of various kinds of actors to shape the agenda* [29] – Цифровые платформы ослабили контролирующую силу традиционных средств массовой информации и потенциально увеличили возможности различных субъектов формировать повестку дня.

3. Расовые противоречия в контексте различного поведения пользователей в социальных сетях – 3 (9 %). Наиболее часто данная тема поднимается в работах ученых из США, что может быть связано с активной поддержкой в социальных сетях движения Black Lives Matter. Названное общественное движение против полицейского произвола возникло в США еще в 2013 г., однако новый толчок к развитию получило после событий в мае 2020 г., когда темнокожий гражданин Джордж Флойд был убит офицером полиции при задержании. Последовавшие за этим беспорядки, согласно некоторым данным, стали наиболее массовыми в истории страны[10]. Вместе с тем к теме особенности поведения в социальных сетях пользователей различных национальностей обращаются исследователи не только США.

- *Do social media simply reproduce political inequality between racial groups or are they powerful tools for marginalized racial groups to contest the status quo?* [15] – Воспроизводят ли социальные сети политическое неравенство между расовыми группами или являются мощным инструментом для оспаривания статуса-кво маргинальных расовых групп?
- *The findings showed that Afghan youths did not actively participate in political activities on Facebook although they spent at least half an hour on Facebook every day* [17] – Результаты показали, что афганская молодежь не принимала активного участия в политической деятельности в Facebook, хотя они проводили в Facebook не менее получаса каждый день.
- *By allowing users to unfriend, unfollow, and block political and cultural 'others,' Facebook facilitates the discouragement of dialog between those holding different views on political issues* [30, p. 104] – Предоставляя пользователям возможность «отфрендить» (*прим.* – не «дружить» аккаунтами), не подписываться и блокировать политически и культурно «иных» пользователей, Facebook способствует прекращению диалога между теми, кто придерживается разных взглядов на политические вопросы.

4. Социальные сети в избирательном процессе – 3 (9 %). К данной категории мы отнесли статьи, в которых исследователи рассматривают аккаунты политических деятелей и особенности их ведения в период избирательных кампаний; различие подачи предвыборных материалов в традиционных и новых медиа; роль социальных медиа в формировании общественного мнения в период избирательных кампаний; особенности социальных сетей как нового канала общения с избирателями.

- *Social media has an undeniable role in presidential campaigns. Starting with Barack Obama's first presidential campaign in 2008, on one hand, scholars and practitioners have embraced the potential and importance of these platforms. The 2016 presidential elections, on the other*

[10] Black lives matter may be the largest movement in US History // The New York Times. 03.07.2020. Режим доступа: https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html (дата обращения: 22.07.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-289-303

hand, raised concerns about social media's role in democratic processes as debates about how the platforms can sow misinformation have become mainstream. I argue that there has been a positive outcome of such debates: new data sources [31] – Начиная с первой президентской кампании Барака Обамы в 2008 г., с одной стороны, ученые и практики осознали потенциал и важность этих платформ. С другой стороны, президентские выборы 2016 г. вызвали обеспокоенность по поводу роли социальных сетей в демократических процессах, поскольку дебаты о том, как платформы могут сеять дезинформацию, стали мейнстримом. Я утверждаю, что такие дебаты дали положительный результат: появились новые источники данных.

- *Selective exposure to likeminded political viewpoints on algorithmic social media platforms is considered a potential source of polarization of public opinion* [13, p. 36] – Избирательное воздействие на политические точки зрения единомышленников на алгоритмических платформах социальных сетей считается потенциальным источником поляризации общественного мнения.
- *One of the not-so-minimal effects of media exposure is the ability of the media to set the agenda for political discussion and debate, to tell voters what to think about, if not what to think* [32, p. 199] – Одним из немаловажных эффектов воздействия средств массовой информации является способность средств массовой информации задавать повестку дня для политических дискуссий и дебатов, указывать избирателям, о чем думать или не думать.

5. Цифровая дипломатия – 4 (12 %). Отдельный и достаточно объемный блок публикаций посвящен использованию современных цифровых технологий при решении дипломатических задач. В процессе задействованы не только государственные ведомства (главным образом внешнеполитические), но и неправительственные организации, участвующие в реализации внешнеполитической повестки. Исследования, отнесенные к данной категории, рассматривают влияние цифровой дипломатии на внешнюю политику государства, активность, частоту и эффективность использования интернет-технологий.

- *Digital diplomacy poses a number of challenges for international relations scholarship that are only beginning to be addressed. Digitalization is both a process and a result, and provokes key questions regarding continuity, change, agency, space, and materiality in diplomacy* [33] – Цифровая дипломатия создает ряд проблем для международных отношений, которые еще только начинают решаться. Цифровизация – это одновременно процесс и результат, и она провоцирует ключевые вопросы, касающиеся преемственности, изменений, участников, пространства и сущности в дипломатии.
- *The pandemic has accelerated the ongoing transformation of diplomacy from "naked" face-to-face interactions to digitally mediated "synthetic situations," producing new interpretations of who is "essential" in diplomacy. We conclude by questioning the term "digital diplomacy, " suggesting that virtual practices are in fact not simply "online" but embodied offline* [34] – Пандемия ускорила продолжающуюся трансформацию дипломатии от неопосредованных личных взаимодействий к «синтетическим ситуациям», опосредованным цифровыми средствами, что привело к новым интерпретациям того, кто необходим в дипломатии. Мы пришли к выводу, что термин «цифровая дипломатия» сомнителен: что виртуальные практики на самом деле существуют не просто «онлайн», а являются воплощением офлайна.
- *Drawing on 23 interviews with key actors and building on recent advancements in international practice theory, the article shows how change and transformation can be studied in practices that have resulted from digitalization in international politics* [35, p. 841] – Опираясь на 23 интервью с ключевыми акторами и на последние достижения в теории международной практики, статья показывает, как можно изучать изменения и трансформации в практике, которые стали результатом цифровизации в международной политике.
- *We explore how power dynamics are evolving in cyberspace, as well as how established norms, values and institutions are contested. The article then looks at the emergence of cyber diplomacy as a consequence and response to the post-liberal transition* [36, p. 749] – Мы исследуем, как развивается динамика задействования киберпространства властью, а также как оспариваются устоявшиеся нормы, ценности и институты. Затем в статье рассматривается возникновение кибердипломатии как следствие и реакция на постлиберальный переход.

3. Контекст изучения социальных сетей в политической активности

Изучение социальных сетей с точки зрения пользователей (изменение их активности, взаимосвязь с политическим поведением в офлайн и т. д.) для исследователей представляет такой же интерес, как и изучение позиции государства в использовании социальных сетей Интернета как нового канала взаимодействия с гражданами. Приведем примеры, иллюстрирующие оба аспекта.

Изучение со стороны органов государственной и муниципальной власти. В публикациях, посвященных этому вопросу, чаще говорится о применении социальных сетей как средства коммуникации государственных органов и граждан стран, однако встречаются статьи, в которых поднимаются вопросы контроля социальных сетей со стороны государства, а также материалы, описывающие процессы цифровизации дипломатии.

- *We randomly varied the opportunity to learn particular policy stands from competing gubernatorial, House, and Senate candidates in a mock off-year election campaign* [32, p. 199] – Мы случайным образом изучали конкретные политические позиции конкурирующих кандидатов

в губернаторы, Палаты представителей и Сенат в ходе имитационной избирательной кампании в межсезонье.

- *Not only do the traditional media agenda, the social media agenda of parties, and the social media agenda of politician's influence one another but, overall, no agenda leads the others more than it is led by them. There is one important exception: for the environment issue, the social media agenda of parties is more predictive of the traditional media agenda than vice-versa* [29] – Не только традиционная повестка дня в средствах массовой информации, повестка дня партий в социальных сетях и повестка дня политиков в социальных сетях влияют друг на друга, но в целом ни одна повестка дня не доминирует (*прим.* – они являются самостоятельными). Есть одно важное исключение: в отношении проблемы окружающей среды повестка дня партий в социальных сетях в большей степени отражает повестку дня традиционных средств массовой информации, чем наоборот.
- *The proliferation of social media and digital technologies has made it necessary for governments to expand their focus beyond propaganda content in order to disseminate propaganda effectively* [37] – Распространение социальных сетей и цифровых технологий обусловило необходимость того, чтобы правительства расширяли фокус пропагандистского контента для эффективного распространения продвижения пропаганды.
- *The article highlights three dimensions of change and investigates how these can be explored in future analyses of digital diplomacy* [33] – В статье выделяются три аспекта изменений и исследуется, как они могут быть изучены в будущих анализах цифровой дипломатии.
- *Utilizing state–society relations as a theoretic framework, this study investigates whether the Internet is used to facilitate or impede democratization in authoritarian regimes. The present paper uses governance practice as the mediating mechanism, along with a regime's degree of authoritarianism as a moderator, to measure the direct and indirect effects of the Internet on democratization* [38] – Используя отношения между государством и обществом в качестве теоретической основы, это исследование рассматривает, используется ли Интернет для усиления или ослабления демократизации в авторитарных режимах. В статье рассматриваются правительственные практики для медиации в соответствии со степенью авторитаризма режима в качестве модератора для измерения прямого и косвенного влияния Интернета на демократизацию.
- *Political significance of new technologies, new actors, and new practices that shape "Militarization 2.0" and normalize political violence in the digital age* [39, p. 1046] – Политическое значение новых технологий, новых акторов и новых практик, которые формируют «Милитаризацию 2.0» и нормализуют политическое насилие в цифровую эпоху.
- *This study also indicates that different frames used by Pakistan's military on social media significantly mediated military engagement with different segments of society during the critical phases of Pakistan's ongoing war against terrorism* [27] – Это исследование также показывает, что различные снимки, используемые пакистанскими военными в социальных сетях, в значительной степени способствовали взаимодействию военных с различными слоями общества на критических этапах продолжающейся войны Пакистана с терроризмом.

Исследование социальных сетей с точки зрения пользователей (сетевых акторов). Статьи, изучающие социальные сети в контексте их использования участниками, чаще всего рассматривают влияние контента социальных сетей на общественное мнение по политическим вопросам. Примеры функциональной связи между активностью пользования социальными сетями и политическим поведением граждан:

- *A panel study conducted among Danish citizens (n=847) reveals that frequent social media usage reinforces existing attitudes and mobilizes political participation. However, citizens who become more extreme in their attitude toward immigration over time are found to be less likely to become politically active regarding this specific issue* [13, p. 36] – Панельное исследование, проведенное среди граждан Дании (n=847), показало, что частое использование социальных сетей укрепляет существующие взгляды и мобилизует участие в политической жизни. Однако граждане, которые со временем становятся более радикальными в своем отношении к иммиграции, с меньшей вероятностью станут политически активными в этом конкретном вопросе.
- *The findings showed that Afghan youths did not actively participate in political activities on Facebook although they spent at least half an hour on Facebook every day. They were engaged in low-cost and low-risk political activities, e.g., following Afghan politicians. Likewise, their engagement in the 2019 presidential elections was superficial; they were engaged in electoral activities on Facebook that required low efforts and commitment, e.g., following presidential candidates. Moreover, the gender, age, and employment status of the participants did not have any significant impact on their frequency of Facebook use, political participation, and engagement in the 2019 presidential elections on Facebook* [17] – Результаты показали, что афганская молодежь не принимала активного участия в политической деятельности в Facebook, хотя они проводили в Facebook не менее получаса каждый день. Они занимались малорискованной политической деятельностью, например, следили за афганскими политиками. Аналогичным образом их участие в президентских выборах 2019 г. было поверхностным; они занимались предвыборной деятельностью в Facebook, которая требовала небольших усилий, например, следили за кандидатами в президенты. Кроме того, пол, возраст и статус занятости участников не оказали существенного влияния на частоту их использования Facebook,

участие в политической жизни и участие в президентских выборах 2019 года в Facebook.

- *Across 4 nationally representative surveys collected in the United States (2016 & 2018), we found that White people (vs. Black, Asian, and sometimes Hispanic people) had a slightly higher probability of engaging in different forms of political expression on social media. However, Black people and people from some numerically smaller racial / ethnic groups were more likely than White people to engage in symbolic behaviors such as using hashtags and changing their profile picture* [15] – В ходе 4 национальных репрезентативных опросов, проведенных в Соединенных Штатах (2016 и 2018 г.), мы обнаружили, что белые люди (по сравнению с чернокожими, азиатами и иногда латиноамериканцами) имели несколько более высокую вероятность участия в различных формах политического выражения в социальных сетях. Однако чернокожие и представители некоторых численно меньших расовых / этнических групп с большей вероятностью, чем белые, будут участвовать в символическом (*прим.* – акционном) поведении, таком как использование хэштегов и изменение изображения своего профиля.
- *While scholarly attention has been devoted to social media's potential mobilizing function, they may also contribute to demobilization discourses: social communication actively promoting nonvoting* [40] – В то время как научное внимание уделяют потенциальной мобилизующей функции социальных сетей, они также могут способствовать дискурсам демобилизации: социальная коммуникация активно способствует отказу от голосования.
- *This study finds that social networking sites (SNS) are crucial for racial minorities' political participation. Racial minorities showed a higher level of SNS usage for news consumption, and Black people exhibited significantly higher levels of online political participation than White people, especially when SNS news consumption was at a low frequency* [14] – Это исследование показывает, что сайты социальных сетей (SNS) имеют решающее значение для участия расовых меньшинств в политической жизни. Расовые меньшинства продемонстрировали более высокий уровень использования социальных сетей для потребления новостей, а чернокожие демонстрировали значительно более высокий уровень участия в политической жизни в Интернете, чем белые, особенно когда потребление новостей социальных сетей было низким.
- *The respondents often shunned political "others" out of suspicion that they were trolls. As this paper suggests, whether real or imagined, trolling has turned out to be a real force influencing people's decisions to withdraw from communication on the most important issues of public life* [29] – Респонденты часто избегали политических «других» из-за подозрений, что они были троллями. Как предполагается в данной статье, реальный или воображаемый троллинг оказался реальной силой, влияющей на решения людей отказаться от общения по наиболее важным вопросам общественной жизни.
- *Social media (SM) allow citizens to not only read news but also express their political opinions. Drawing from cognitive appraisal and affective intelligence theory, this study investigated the affective foundation of political opinion expression on social media (POESM) using two-wave panel data. The results indicate that enthusiasm and anger stimulated POESM but only for individuals with a minimum threshold motivation to use SM for political purposes. Among the politically motivated, anxiety increased POESM for individuals with low political knowledge but lessened POESM for ones with high political knowledge* [41, p. 57] – Социальные сети позволяют гражданам не только читать новости, но и выражать свои политические мнения. Опираясь на теорию когнитивной оценки и аффективного интеллекта, в этом исследовании изучалась аффективная основа выражения политических мнений в социальных сетях с использованием двухволновых панельных данных. Результаты показывают, что энтузиазм и гнев стимулировали выражение политических мыслей в социальных сетях, но только для людей с минимальной пороговой мотивацией использовать социальные медиа в политических целях. Среди политически мотивированных тревога увеличила выражение политических мыслей для лиц с низкими политическими знаниями, но уменьшила выражение политических мыслей для лиц с высокими политическими знаниями.

4. Ключевые слова

Пул наиболее часто встречающихся ключевых слов обусловлен основными темами исследований. Он включает такие понятия и концепты, как установление повестки, эффект кампании, выборы, потребление новостей, голосование, что отражает основную тематику публикаций. Среди ключевых слов можно отметить названия конкретных социальных сетей – Facebook и Twitter. Значительная доля исследований базируется именно на использовании данных американской социальной сети Facebook, которая является крупнейшей социальной сетью в мире. Платформа входит в пятерку наиболее посещаемых сайтов мира, что объясняет ее популярность среди исследователей. Тем не менее налицо недостаток данных по локальным социальным сетям, которые в ряде стран популярнее Facebook (к примеру, в России социальная сеть Вконтакте распространена больше американского аналога). Ниже представлен перечень основных ключевых слов в порядке уменьшения частоты использования:

- *social media* (социальные медиа);
- *political participation* (политическое участие);
- *Facebook*;
- *agenda-setting* (установление повестки);
- *campaign effect* (эффект кампании);
- *social networking site* (сайт социальных сетей);

- *elections* (выборы);
- *news consumption* (потребление новостей);
- *Twitter*;
- *voting* (голосование);
- *political news acquisition* (получение политических новостей).

Отдельного внимания заслуживает лексика. Так, принятые среди отечественных исследователей термины, такие как *социальные сети* или *социальные сети Интернета*, крайне редко используются зарубежными учеными. В отношении платформ общепринятым является термин *social media* (или аббревиатура *SM*). В работах российских исследователей понятие *социальные медиа*, как правило, трактуется более широко и включает в себя не только социальные сети, но и микроблоги, видеохостинги и другие виды современных цифровых площадок для коммуникации. В иностранных исследованиях под социальными сетями чаще подразумеваются социальные сети в классическом понимании. Для интернет-порталов существуют дополнительные термины: *digital media* (цифровые медиа), *media platform* (медиаплатформа), *social networking site* (сайты социальных сетей), *social networks sites and apps – SNSa* (сайты и приложения социальных сетей). Такой словарь сам по себе является серьезным материалом для дальнейшей разработки и использования.

Заключение

Понимание политической коммуникации как части политического маркетинга в значении средства формирования общественного доверия и определенного социального порядка восходит к представлениям французского социолога П. Бурдье, который первым ввел понятие политического поля, пространства, где формируются и распространяются политические идеи. И социальные сети являются виртуальным полем [42]. Проведенный контент-анализ публикаций в иностранных научных журналах, посвященных использованию социальных сетей Интернета в политической коммуникации, позволяет сделать вывод, что изучаемая тема приобретает все большую популярность. Рост значения сетевых платформ отмечают многие специалисты. Политические продвижение и маркетинг остаются наиболее употребляемыми в литературе понятиями, при этом исследователи нередко вкладывают в него разный смысл, по-разному воспринимая масштаб явления. Поэтому данный термин, как и термины *социальные медиа* и *социальные сети*, нуждается в уточнении.

Полученные данные показывают, что большинство материалов рассматривают сетевую активность в контексте манипулирования общественным мнением, зарождения и распространения фейк-ньюс, задействования ресурсов в избирательном и протестном процессах. Как следствие, многие аспекты использования соцсетей остаются малоизученными, включая поведение пользователей и представителей власти в локальных социальных сетях. Доминирующее место среди методологических предпочтений авторов анализируемых статей занимают классические политологические теории политической власти и политических институтов, тогда как социологические и социально-политические теории, раскрывающие специфику сетевой активности и принятия решения в социальных сетях, остаются невостребованными, что, на наш взгляд, может снизить научную ценность получаемых исследовательских результатов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Granovetter M. S. The strength of weak ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380.
2. Oldenburg R. The great good place: cafes, coffee shops, community centers, beauty parlors, general stores, bars, hangouts, and how they get you through the day. N. Y.: Paragon House, 1989. 312 p.
3. Bentley A. F. The process of government. Chicago: University of Chicago Press, 1908. 501 p.
4. Малиновский С. С. Политическая коммуникация в Рунете как фактор российского политического процесса: дис. … канд. полит. наук. М., 2013. 195 с.
5. Зубков В. И., Сушенков В. А. Основные теоретико-методологические подходы к изучению политического участия // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 5. С. 261–272.
6. Milgram S. The small world problem // Psychology Today. 1967. Vol. 1. № 1. P. 61–67.
7. Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. The people's choice. How the voiter makes up his mind in a presidential campaign. N. Y.: Columbia University press, 1944. 384 p.
8. Брекенридж Д. К. PR 2.0: Новые медиа, новые аудитории, новые инструменты. М.: Эксмо, 2010. 272 с.
9. Карякина К. А. Актуальные формы и типологические модели новых медиа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 3. С. 128–137.
10. Ирхин Ю. В. Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 5. С. 6–17.
11. Милецкий В. П., Никифорова О. А. Эволюция политических симулякров в цифровом обществе (на примере «фейк-ньюс» и «постправды») // Дискурс. 2020. Т. 6. № 3. С. 64–77. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-64-77

12. Кураева С. В. К методологии исследования социальных сетей // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 5. С. 38–46. https://doi.org/10.17805/trudy.2017.5.5
13. Ohme J. Algorithmic social media use and its relationship to attitude reinforcement and issue-specific political participation – The case of the 2015 European immigration movements // Journal of Information Technology & Politics. 2021. Vol. 18. № 1. P. 36–54. https://doi.org/10.1080/19331681.2020.1805085
14. Wang L. Race, social media news use, and political participation // Journal of Information Technology & Politics. 2021. https://doi.org/10.1080/19331681.2021.1923497
15. Lane D. S., Do K., Molina-Rogers N. Testing inequality and identity accounts of racial gaps in political expression on social media // Political Communication. 2021. https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1919808
16. Yarhi M., Baden C., Kligler-Vilenchik N. Political polarization on the digital sphere: a cross-platform, over-time analysis of interactional, positional, and affective polarization on social media // Political Communication. 2021. Vol. 38. № 1. P. 98–139. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1785067
17. Orfan S. N. Political participation of Afghan youths on Facebook: a case study of Northeastern Afghanistan // Cogent Social Sciences. 2021. Vol. 7. № 1. https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1857916
18. Finlayson A. YouTube and political ideologies: technology, populism and rhetorical form // Political Studies. 2020. https://doi.org/10.1177/0032321720934630
19. Ketelaars P., Sevenans J. It's a matter of timing. How the timing of politicians' information subsidies affects what becomes news // Political Communications. 2021. Vol. 38. № 3. P. 260–280. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1763528
20. Mukerjee S., Yang T. Choosing to avoid? A conjoint experimental study to understand selective exposure and avoidance on social media // Political Communication. 2021. Vol. 38. № 3. P. 222–240. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1763531
21. Rhodes S. C. Filter bubbles, echo chambers, and fake news: how social media conditions individuals to be less critical of political misinformation // Political Communication. 2021. https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1910887
22. Shmargad Y., Klar S. Sorting the news: how ranking by popularity polarizes our politics // Political Communication. 2020. Vol. 37. № 3. P. 423–446. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1713267
23. Nisbet E. C., Kamenchuk O. Russian news media, digital media, informational learned helplessness, and belief in COVID-19 misinformation // International Journal of Public Opinion Research. 2021. https://doi.org/10.1093/ijpor/edab011
24. Park S., Zuniga H. Learning about politics from mass media and social media: moderating roles of press freedom and public service broadcasting in 11 countries // International Journal of Public Opinion Research. 2020. Vol. 33. № 3. https://doi.org/10.1093/ijpor/edaa021
25. Franz M. M., Franklin Fowler E., Ridout T., Wang M. Y. The issue focus of online and television advertising in the 2016 presidential campaign // American Politics research. 2020. Vol. 48. № 1. P. 175–196. https://doi.org/10.1177/1532673X19875722
26. Maia R. C. M., Hauber G., Choucair T., Crepalde N. J. B. What kind of disagreement favors reason-giving? Analyzing online political discussions across the broader public sphere // Political Studies. 2021. Vol. 69. № 1. P. 108–128. https://doi.org/10.1177/0032321719894708
27. Khan M. K., Pratt C. B. Strategic communications: the Pakistan military's use of social media against terrorism // Media, War & Conflict. 2020. https://doi.org/10.1177/1750635220972127
28. Gabel S., Reichert L., Reuter C. Discussing conflict in social media: the use of Twitter in the Jammu and Kashmir conflict // Media, War & Conflict. 2020. https://doi.org/10.1177/1750635220970997
29. Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social media and political agenda setting // Political Communication. 2021. https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1910390
30. Baysha O. Dividing social networks: Facebook unfriending, unfollowing, and blocking in turbulent political times // Russian Journal of communication. 2020. Vol. 12. № 2. P. 104–120. https://doi.org/10.1080/19409419.2020.1773911
31. Sevin E. New data sources and presidential campaigns // American Behavioral Scientist. 2021. https://doi.org/10.1177/00027642211021634
32. Lau R. R., Rogers K., Love J. Media effects in the viewer's choice era: testing revised agenda-setting and priming hypotheses // Political Communication. 2021. Vol. 38. № 3. P. 199–221. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1763526
33. Hedling E., Bremberg N. Practice approaches to the digital transformations of diplomacy: toward a new research agenda // International Studies Review. 2021. https://doi.org/10.1093/isr/viab027/6309155
34. Eggeling K. A., Adler-Nissan R. The synthetic situation in diplomacy: scopic media and the digital mediation of estrangement // Global Studies Quarterly. 2021. Vol. 1. № 2. https://doi.org/10.1093/isagsq/ksab005
35. Hedling E. Transforming practices of diplomacy: the European External Action Service and digital disinformation // International Affairs. 2021. Vol. 97. № 3. P. 841–859. https://doi.org/10.1093/ia/iiab035

36. Barrinha A., Renard T. Power and diplomacy in the post-liberal cyberspace // International Affairs. 2020. Vol. 96. № 3. P. 749–766. https://doi.org/10.1093/ia/iiz274
37. Lu Y., Pan J. Capturing clicks: how the Chinese government uses clickbait to compete for visibility // Political Communication. 2021. Vol. 38. № 1. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1765914
38. Choi C., Jee S. H. Differential effects of information and communication technology on (de-) democratization of authoritarian regimes // International Studies Quarterly. 2021. https://doi.org/10.1093/isq/sqab053
39. Jackson S. T., Grilley R., Manor I., Baker C., Oshikoya M., Joachim J., Robinson N., Schneiker A., Grove N. S., Enloe C. Forum: Militarization 2.0: communication and the normalization of political violence in the digital age // International Studies Review. 2021. Vol. 33. № 3. P. 1046–1071. https://doi.org/10.1093/isr/viaa035
40. Kligler-Vilenchik N., de Vries Kedem M., Maier D., Stoltenberg D. Mobilization vs. demobilization discourses on social media // Political Communication. 2020. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1820648
41. Heiss R. The affective foundation of political opinion expression on social media: a panel analysis // International Journal of public opinion research. 2021. Vol. 33. № 1. P. 57–75. https://doi.org/10.1093/ijpor/edaa009
42. Лысак И. В. Концепция политических сетей в системе социального знания // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 4. С. 379–382.

original article

Social Networks in Modern Political Communications: a Concept Analysis of Foreign Periodicals

Aleksandra N. Pisareva
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI" (ETU), Russia, St. Petersburg; https://orcid.org/0000-0001-7930-3749; al.pisareva@gmail.com

Received 17 Jul 2021. Accepted after peer review 20 Sep 2021. Accepted for publication 20 Sep 2021.

Abstract: Over the past two decades, Russian and foreign researchers have documented the growing influence of social networks on political communication. The Internet has become a new mass media. In Russia, bloggers with more than 3,000 subscribers acquire a mass media status. Internet users are not passive recipients of messages: they distribute them and generate their own content. The Internet is a different kind of reality, where anything is possible. Traditional mass media are less efficient than the Internet in providing news. As a result, the Internet and social networks have become a new means of political interaction. The COVID-19 pandemic boosted the digitalization of mass communications and made this process irreversible. The present article reviews 250 foreign research papers published by Taylor and Francis, Oxford University Press, and SAGE Publications in 2020–2021. The objective was to determine the attractiveness of political communication in social networks as a research topic. 12 % of the articles featured the role of social nets in political communication, Facebook being the most popular research material. A similar amount of papers focused on the behavior of network users and the role of the state in the management of social networks. Foreign terms used to describe the research topic appeared to be different from those used by Russian linguists. For instance, foreign authors use "social media" as a synonym for "sites of social networks", while Russian scientists prefer a much broader interpretation. Some terms and acronyms, such as SNSa, are absent from Russian works. Foreign authors exploit classical political science theories to study the issues of political content, the effect of social networks on protest movements and racial conflicts, and the use of new media in election campaigns. They are unfamiliar with Russian approaches to empirical data analysis, e.g. theory of "weak ties", "close world", two-stage flow of communication, the concept of "third place", etc.
Keywords: social networking sites, public opinion, Internet, new media, social media

Citation: Pisareva A. N. Social Networks in Modern Political Communications: a Concept Analysis of Foreign Periodicals. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 289–303. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-289-303
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

1. Granovetter M. S. The strength of weak ties. *American Journal of Psychology,* 1973, 78(6): 1360–1380.
2. Oldenburg R. *The great good place: cafes, coffee shops, community centers, beauty parlors, general stores, bars, hangouts, and how they get you through the day*. N. Y.: Paragon House, 1989, 312.
3. Bentley A. F. *The process of government.* Chicago: University of Chicago Press, 1908, 501.
4. Malinovsky S. S. *Political communication in the Runet as a factor of Russian political process*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2013, 195. (In Russ.)
5. Zubkov V. I., Sushenkov V. A. Main theoretical and methodological approaches to political participation's research. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia*, 2011, (5): 261–272. (In Russ.)
6. Milgram S. The small world problem. *Psychology Today*, 1967, 1(1): 61–67.
7. Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. *The people's choice. How the voiter makes up his mind in a presidential campaign.* N. Y.: Columbia University press, 1944, 384.
8. Breakenridge D. K. *2.0: new media, new tools, new audiences.* Moscow: Eksmo, 2010, 272. (In Russ.)
9. Karyakina K. A. Current forms and typology models for new media. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2010, (10): 128–137. (In Russ.)
10. Irkhin Y. V. Communicative, political and managerial capacity of the blogosphere. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2015, 8(5): 6–17. (In Russ.)
11. Miletskiy V. P., Nikiforova O. A. Evolution of political simulacra in digital society (on the example of "fake news" and "post-truth"). *Discourse*, 2020, 6(3): 64–77. (In Russ.) https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-64-77
12. Kuraeva S. V. About the methodology of social networks research. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta,* 2017, (5): 38–46. (In Russ.) https://doi.org/10.17805/trudy.2017.5.5
13. Ohme J. Algorithmic social media use and its relationship to attitude reinforcement and issue-specific political participation – The case of the 2015 European immigration movements. *Journal of Information Technology & Politics*, 2021, 18(1): 36–54. https://doi.org/10.1080/19331681.2020.1805085
14. Wang L. Race, social media news use, and political participation. *Journal of Information Technology & Politics*, 2021. https://doi.org/10.1080/19331681.2021.1923497
15. Lane D. S., Do K., Molina-Rogers N. Testing inequality and identity accounts of racial gaps in political expression on social media. *Political Communication*, 2021. https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1919808
16. Yarhi M., Baden C., Kligler-Vilenchik N. Political polarization on the digital sphere: a cross-platform, over-time analysis of interactional, positional, and affective polarization on social media. *Political Communication*, 2021, 38(1): 98–139. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1785067
17. Orfan S. N. Political participation of Afghan youths on Facebook: a case study of Northeastern Afghanistan. *Cogent Social Sciences*, 2021, 7(1). https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1857916
18. Finlayson A. YouTube and political ideologies: technology, populism and rhetorical form. *Political Studies*, 2020. https://doi.org/10.1177/0032321720934630
19. Ketelaars P., Sevenans J. It's a matter of timing. How the timing of politicians' information subsidies affects what becomes news. *Political Communications*, 2021, 38(4): 260–280. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1763528
20. Mukerjee S., Yang T. Choosing to avoid? A conjoint experimental study to understand selective exposure and avoidance on social media. *Political Communication*, 2021, 38(1): 222–240. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1763531
21. Rhodes S. C. Filter bubbles, echo chambers, and fake news: how social media conditions individuals to be less critical of political misinformation. *Political Communication*, 2021. https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1910887
22. Shmargad Y., Klar S. Sorting the news: how ranking by popularity polarizes our politics. *Political Communication*, 2020, 37(3): 423–446. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1713267
23. Nisbet E. C., Kamenchuk O. Russian news media, digital media, informational learned helplessness, and belief in COVID-19 misinformation. *International Journal of Public Opinion Research*, 2021. https://doi.org/10.1093/ijpor/edab011
24. Park S., Zuniga H. Learning about politics from mass media and social media: moderating roles of press freedom and public service broadcasting in 11 countries. *International Journal of Public Opinion Research*, 2020, 33(3). https://doi.org/10.1093/ijpor/edaa021
25. Franz M. M., Franklin Fowler E., Ridout T., Wang M. Y. The issue focus of online and television advertising in the 2016 presidential campaign. *American Politics research*, 2020, 48(1): 175–196. https://doi.org/10.1177/1532673X19875722
26. Maia R. C. M., Hauber G., Choucair T., Crepalde N. J. B. What kind of disagreement favors reason-giving? Analyzing online political discussions across the broader public sphere. *Political Studies,* 2021, 69(1): 108–128. https://doi.org/10.1177/0032321719894708

27. Khan M. K., Pratt C. B. Strategic communications: the Pakistan military' use of social media against terrorism. *Media, War & Conflict*, 2020. https://doi.org/10.1177/1750635220972127
28. Gabel S., Reichert L., Reuter C. Discussing conflict in social media: the use of Twitter in the Jammu and Kashmir conflict. *Media, War & Conflict*, 2020. https://doi.org/10.1177/1750635220970997
29. Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social media and political agenda setting. *Political Communication*, 2021. https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1910390
30. Baysha O. Dividing social networks: Facebook unfriending, unfollowing, and blocking in turbulent political times. *Russian Journal of communication*, 2020, 12(2): 104–120. https://doi.org/10.1080/19409419.2020.1773911
31. Sevin E. New data sources and presidential campaigns. *American Behavioral Scientist*, 2021. https://doi.org/10.1177/00027642211021634
32. Lau R. R., Rogers K., Love J. Media effects in the viewer's choice era: testing revised agenda-setting and priming hypotheses. *Political Communication*, 2021, 38(3): 199–221. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1763526
33. Hedling E., Bremberg N. Practice approaches to the digital transformations of diplomacy: toward a new research agenda. *International Studies Review*, 2021. https://doi.org/10.1093/isr/viab027/6309155
34. Eggeling K. A., Adler-Nissan R. The synthetic situation in diplomacy: scopic media and the digital mediation of estrangement. *Global Studies Quarterly,* 2021, 1(2). https://doi.org/10.1093/isagsq/ksab005
35. Hedling E. Transforming practices of diplomacy: the European External Action Service and digital disinformation. *International Affairs*, 2021, 97(3): 841–859. https://doi.org/10.1093/ia/iiab035
36. Barrinha A., Renard T. Power and diplomacy in the post-liberal cyberspace. *International Affairs*, 2020, 96(3): 749–766. https://doi.org/10.1093/ia/iiz274
37. Lu Y., Pan J. Capturing clicks: how the Chinese government uses clickbait to compete for visibility. *Political Communication,* 2021, 38(1). https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1765914
38. Choi C., Jee S. H. Differential effects of information and communication technology on (de-) democratization of authoritarian regimes. *International Studies Quarterly*, 2021. https://doi.org/10.1093/isq/sqab053
39. Jackson S. T., Grilley R., Manor I., Baker C., Oshikoya M., Joachim J., Robinson N., Schneiker A., Grove N. S., Enloe C. Forum: Militarization 2.0: communication and the normalization of political violence in the digital age. *International Studies Review*, 2021, 33(3): 1046–1071. https://doi.org/10.1093/isr/viaa035
40. Kligler-Vilenchik N., de Vries Kedem M., Maier D., Stoltenberg D. Mobilization vs. demobilization discourses on social media. *Political Communication*, 2020. https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1820648
41. Heiss R. The affective foundation of political opinion expression on social media: a panel analysis. *International Journal of public opinion research*, 2021, 33(1): 57–75. https://doi.org/10.1093/ijpor/edaa009
42. Lysak I. V. Concept of political networks in the system of social knowledge. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2018, 7(4): 379–382. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-304-314

оригинальная статья

Оценка как социологический концепт: к постановке проблемы

Никита Николаевич Григорик
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; https://orcid.org/0000-0002-8868-0244; nikita_grigorik@mail.ru

Поступила в редакцию 11.06.2021. Принята после рецензирования 31.08.2021. Принята в печать 13.09.2021.

Аннотация: Актуальность рассмотрения оценки как социологического концепта связана с возрастающей сложностью социальной реальности, которая детерминируется необходимостью учета особенностей взаимодействия субъектов деятельности. Цель – анализ компонентов оценки с точки зрения социологии. Показано, что оценка является сложной процедурой восприятия материальных предметов, общественных процессов. Рефлексия окружающего мира обусловлена существованием человека, который формирует действительность через оценивание, включающее в себя познание, ценностное сравнение и реализацию знания в актах социального взаимодействия. Сначала человек составляет первичные представления, скалывающиеся в совокупность знаний о социальной реальности. Затем наступает этап преобразования восприятия в умственно-сравнительный акт, на основании которого человек совершает действия и выборы, соотнесенные с усвоенными ценностями. При этом ориентиры поведения (нормы) определяют соответствующий характер восприятия и оценивания. Следовательно, воплощая свои функции в обществе через социальное поведение, отношения и взаимодействия, личность познает мир и дает оценку тем или иным явлениям, социальным фактам на основе предпосылок мышления через соотнесение с принятыми ценностями. При оценивании вырабатываются устойчивые формы восприятия, порождающие и закрепляющие систему социального контроля. Кроме того, оценка может воплощаться в качестве измерителя характеристик, свойств какого-либо объекта в ходе социологического исследования – средства изучения социальной реальности. В итоге взаимосвязь *оценка – познание – ценность – норма – общественное мнение* становится очевидной и закладывается в качестве методологической основы изучения социальной реальности.

Ключевые слова: общественное мнение, познание, регуляция, социальное взаимодействие, социальные нормы, социальный порядок, ценность

Цитирование: Григорик Н. Н. Оценка как социологический концепт: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 304–314. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-304-314

Введение

Любая получаемая информация основывается на такой специфике человеческого сознания, как критическое восприятие и анализ окружающей реальности. Эта особенность становится фундаментом познавательной деятельности, направленной на получение новых знаний. Когнитивная способность определяет превращение форм и содержания предметного мира в действительные знания, становясь процессом измерения характерных свойств объекта, его значимости, полезности, представляя собой конечное мнение, оценку. Тем не менее одного познания недостаточно, чтобы сформировать отношение к изучаемому объекту или выработать порядок действий в той или иной ситуации. Особо наглядно это проявляется в социальной среде, где управление сложными объектами (например, муниципальными образованиями) требует не только постижения окружающей действительности, но и соотнесения, сравнения информации с особенностями ценностно-нормативной системы управляемого объекта, учета сложных закономерностей социально-властных отношений.

Взаимосвязь *предмет – оценка* воплощается буквально в каждом элементе человеческой жизнедеятельности, сопровождая отдельный акт действия субъекта, который осмысляет свое положение в установленной системе социальных отношений и взаимодействий. Оценка возникает как очевидное следствие бытия человека, естественная часть жизнедеятельности и олицетворение функций личности в социальных отношениях [1, с. 13–14]. Однако важность влияния социальной среды на формирование суждения по отношению к элементам материального мира, социальной реальности, а также значимость социологического подхода к рассмотрению оценки зачастую упускаются при анализе обозреваемого концепта многими научными дисциплинами. Внимание в них сосредотачивается на глубинной проработке познавательной функции оценки, обосновании критериев оценивания или на исследовании синтаксических конструкций оценочных предикатов, при этом не учитывается проблематика включенности субъекта в социальные отношения. Это предопределяет актуальность рассмотрения вопроса интерпретации оценки в социологической науке.

Методы и материалы

Теоретическую основу проведенного исследования составили идеи и концепции зарубежных и отечественных социологов, которые в своих научных работах рассматривали аспекты формирования оценки и влияние на нее различных факторов. Автор опирался на труды таких

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

классиков социологии, как М. Вебер [2], Э. Дюркгейм [3], Г. Зиммель [4], П. А. Сорокин [5], Т. Парсонс [6]. Ряд научных работ оказал влияние на восприятие оценки как социологического понятия. К. А. Антипьев [7], Е. В. Безвиконная [8], А. А. Божья-Воля [9], Н. В. Левицкая и И. И. Савельев [10], Т. Д. Баснина и соавторы [11] рассматривали возможность оценки государственной и местной власти; Д. П. Гавра [12], М. К. Горшков и соавторы [13], Б. А. Грушин [14], Ю. А. Левада [15], С. В. Мареева [16], Н. Е. Тихонова [17] проработали вопросы общественного мнения и оценки, а также роли населения в данном процессе; В. В. Карачаровский и О. И. Шкаратан [18], Н. И. Лапин [19] и Ж. Т. Тощенко с соавторами [20] занимались оценкой жизненных устремлений, ценностей, а также их выраженностью в социальном взаимодействии; Е. А. Морозова и Т. А. Минаева [21], А. В. Сухачева, О. П. Кочнева, А. Р. Латфулина [22] исследовали аспекты практической применимости оценки при принятии управленческих решений.

Аналитический метод позволил более детально изучить компоненты рассматриваемого понятия, а метод синтеза и элементы системного подхода дали основу для определения их взаимосвязанности. Предпринята попытка описания оценки как социологического концепта через интерпретацию ее компонентов. Показано, что в социологии она понимается как соединение личностного опыта человека и окружающего социального фона, выраженного в нормативно-ценностных особенностях социума, что дает основу для восприятия оцениваемых объектов. Рассматриваемый концепт становится связующим элементом между мировоззрением личности и общественным мнением. Проанализированные положения зарубежных и отечественных социологов подтверждают точку зрения о влиянии на оценку социальных факторов.

Особенности междисциплинарной интерпретации оценки

Оценка является предметом изучения и анализа множества отраслей науки: философии, психологии, лингвистики, педагогики, экономики, политологии, социологии и др. Как теоретический концепт оценка позволяет производить аналитическую работу в рамках объекта исследования, а также описывать качественно-количественные характеристики предмета. Такая междисциплинарность определяет универсальность и актуальность рассматриваемого понятия, становящегося не только важным элементом отдельной научной области, но в целом инструментом и условием познания реальности.

Оценка – это многозначное понятие. Она воспринимается как речемыслительная форма, наделенная особым смысловым значением, способная транслировать его через обмен приписываемым содержанием оцениваемых явлений [23, с. 22–29]. Это способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта.

Такое понимание дает основу для выделения соответствующих оценочных компонентов. ***Гносеологический компонент*** оценки как способности изучения, постижения мира; ***аксиологический (ценностный) компонент,*** связанный с формированием смыслообразующих оснований человеческого бытия, ценностей, влияющих на поведение личности; и ***праксеологический компонент*** как соединение предыдущих аспектов через волевые импульсы субъекта в системах предметных и коммуникационных действий, способ воплощения усвоенной ценности в социальном мире через взаимодействие человека с ним [24, с. 755]. Существуют и другие классификации компонентных составляющих оценки, описанные в работах, например, Е. М. Вольф, подчеркнувшей важность соотношения субъективного и объективного в оценочных значениях [25, с. 22–47], Н. Д. Арутюновой, различавшей чувственное, рациональное и эмоциональное основания [26, с. 61–101], А. А. Ивина, дифференцировавшего такие компоненты, как субъект, предмет, характер и основание оценки [27, с. 21]. Выделяемые компоненты важны с точки зрения понимания влияния социальных факторов на процесс оценивания.

Познание, упомянутое как онтологически первичная сущность, определяет исходную позицию оценки, выступает главным элементом ***гносеологического компонента.*** Система познания формирует структуру когнитивного сознания человека в результате накопления им жизненного опыта. Аккумулируя знания обо всем, на чем наблюдатель может сосредотачивать свое внимание, он выстраивает систему знаний о мире, включая в нее все новые познаваемые объекты, соотнося их между собой и рождая оценку каждого.

При этом переход к ***ценностному компоненту*** сопровождается наполнением накопленного опыта субъективными образами, смыслами, которые сравниваются с имеющейся системой значимого / незначимого, «миром переживаний». Оценивая, мы соотносим объект с ценностью (иногда может быть создана новая величина) и «насыщаем» его тем или иным качеством. «Вещь» сама по себе не может обладать ценностным смыслом, поэтому становится «продуктом оценивания», конструкцией, создаваемой наблюдателем. Оценка является идеальным типом, феноменом, принадлежащим сознанию и восприятию человека [28].

Указанная точка зрения отражает ***философский подход*** к пониманию данного процесса. Действительно, для данной сферы научного знания *оценка, оценивание, ценности* представляют одни из ключевых концептов теоретического знания и исследовательских изысканий. Гносеология и аксиология – важнейшие разделы философии, сосредоточенные на исследовании процесса познания мира, бытия и его составляющих.

Однако в этом состоит главное ограничение философского подхода – понимание *оценки* исключительно как инструмента постижения реальности. Можно ли познать

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-304-314

ценность как свойство предмета или явления, потому что оно существует объективно и независимо от нас, либо же оно недоступно нашему опыту, поскольку выходит за пределы чувственного, а гарантом выступает некое «объективное сознание» в виде божества или идеи? Акт познания через оценочные суждения включает в себя и трансцендентную, и имманентную стороны, соединяя веру и знание в одно целое [29]. Вопросы сущности познания, искажения представлений о природе и свойствах вещей, проблемы определения первоисточника ценностей зацикливают философию на глубинных элементах оценки. При этом упускаются возможности практического применения разработанных концепций, внешняя (социальная) сторона проблемы формирования и влияния суждений на поведение и взаимодействия человека как актора социального действия.

Философская наука оказывает огромное влияние как на рассматриваемые концепты, так и на саму социологию, возникшую во многом благодаря исследованиям социальных философов. Философия изучает все многообразие элементов повседневной жизни, социально-культурную, экономическую, политическую реальность, что дает основу для рассмотрения оценочной категоризации и ее представления как отражения сути вещей, пропущенного сквозь внутреннюю систему восприятия [30, с. 59]. Труды Платона, Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта и др. послужили источником современного понимания сущности и структуры оценки, став основой для исследования: 1) ее применимости в познании; 2) вопросов соотношения истинности и ложности высказываний; 3) ценностных свойств вещей и т. д.

В методологической части психологии *оценка* является важнейшим атрибутом психоэмоционального состояния человека, служащим для диагностирования направленности поведения, освоения когнитивно-реакционной деятельности. XX в. ознаменовал повышенный интерес к проблеме оценки в данной научной области (Дж. Б. Уотсон, Б. Ф. Скиннер, Ж. Пиаже, Г. Роршах, Л. Л. Тёрстоун, Л. Мартин, А. Тессер, Дж. С. Брунер, И. В. Павлов, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубенштейн и др.). Лингвистика признает тесную взаимосвязь между поведением и языком, поскольку внутреннее психоэмоциональное состояние человека и его социальные отношения во многом определяют его речь (Т. А. ван Дейк, Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. М. Богуславский, С. Г. Воркачев, А. А. Ивин).

Упущением указанных научных областей является тот факт, что они рассматривают оценку объекта или его свойств без учета влияния социальной среды на субъекта оценивания. Решение проблемы может быть найдено в рамках социологии, методология которой объединяет все три оценочных компонента (гносеологический, аксиологический, праксеологический). ***Социологический подход*** дает возможность рассматривать *оценку* как элемент социальной деятельности личности, влияющий на поведение членов социума и регулирующий взаимодействия между ними. Являясь средством постижения окружающего мира, оценка закладывается в основу деятельности личности, на базе которой принимаются те или иные решения, оказывая прямое или косвенное воздействие на других.

Влияние социальной реальности на познание

Серьезный толчок к изучению и применению оценки в социологической науке дал известный немецкий ученый М. Вебер. Его определение, приведенное в тексте доклада «Смысл "свободы от оценки" в социологической и экономической науке», воплощает в себе три вышеупомянутых компонента в понимании оценки. Социолог называет ее «практической оценкой» доступного влиянию наших действий явления (*практика*) как достойного порицания или одобрения (*ценность*). При этом он отмечает, что такая интерпретация справедлива в тех случаях, когда «прямо не высказывается или само собой не разумеется что-либо иное (*познание*)». Это оценка социальных фактов, рассматриваемых с позиции желаемого или нежелаемого. Кроме того, философ указывает на присутствие влияния действий другого человека на воспринимаемое явление, что можно понимать как воздействие извне на интерпретируемый смысл [2, с. 547–558].

Мыслительно-оценочные операции осуществляются непрерывно. Через *познание* и *оценивание* конструируется мир. Чаще всего, оценивая вещи, человек сталкивается с отражением, кристаллизацией обыденного опыта, сливая в этом процессе чувственную и рациональную стороны. Такая форма познания непосредственно связана с практической, повседневной жизнедеятельностью, в которой совместная деятельность и коммуникация играют важное значение. Наблюдаемые вещи, события, явления выражаются в виде оценочных понятий, создавая собственное мироощущение, которое можно транслировать и изменять через познание опыта, оценки другого.

Социология смотрит на проблему познания с точки зрения социальной природы общественных феноменов и фактов. Э. Дюркгейм рассматривал происхождение некоторых когнитивных аспектов разума личности из социального. Особенности восприятия, имея социальное происхождение, опосредуются социальными фактами. Эти представления есть результат отношений, возникающих между индивидами и носящих объективный характер [31, с. 233]. Понимающая социология М. Вебера кладет *понимание значения*, которое сами люди придают своим действиям, в основу и метода социологического познания, и взаимодействия личностей в социуме. *Восприятие (оценка)* этого значения обусловливает ответный акт и образует возможность построения социального мира на основе понимания. Г. Зиммель считал, что любые изменения в социально-культурной реальности генерируют возникновение интеллектуальных ориентаций, которые сами порождают эти изменения. *Познавательные принципы* являются социальными конструктами, поскольку

познать реальность можно через «формы обобществления» [4, с. 320–324]. Познавая новое, человек дополняет систему другими, непознанными смыслами и значениями, расширяя мировосприятие, возможности интерпретации и мышления. К. Мангейм рассматривал любые человеческие идеи как детерминированные общественным сознанием [32, с. 26].

По мнению Г. С. Батыгина, *социальное познание* отличается «общественно-исторической природой субъектно-объектного отношения, в котором логика и гносеология выступают продуктом преобразовательной деятельности людей» [33, с. 5]. Вступая в социальные отношения и взаимодействия, личность воспринимает информацию относительно различных аспектов социального мира. Во многом особенности исторического развития, социальных отношений и традиций данного социума будут влиять на мировосприятие его членов, следовательно, определять отношение к фактам и объектам и их оценку. Общая ценностная картина мира, разделяемая членами социальной общности, образует ориентиры индивида не только в сфере получения каких-либо значимых для него благ, выстраивания пути и средств достижения цели, но и в области принятия доминирующего мнения.

Познание составляет когнитивную сторону оценочного действия. Накопленный опыт через призму восприятия позволяет произвести оценочное суждение. *Оценка* как знание становится результатом деятельности мышления, выраженного в сравнении ***познаваемого*** и ***сформированного идеального типа, формы*** [29, с. 85]. Отношение к социальному явлению или факту подкрепляется ответными реакциями соучастников, влияющими, прямо или косвенно, на процесс наделения объекта оценочной характеристикой. И это может быть ключевым моментом с точки зрения ценностной значимости оценки.

Оценка социального действия через соотнесение с ценностью

Аксиологический компонент сопровождается наполнением накопленного опыта субъективными образами, смыслами, которые сравниваются с имеющейся системой значимого/незначимого, «миром переживаний». *Оценка* является сложной процедурой восприятия предмета, явления, социального феномена. Прежде всего, человек на уровне восприятия органами чувств составляет первичные представления об объекте в виде *эмоций*. Затем наступает этап преобразования восприятия в *оценочно-умственный акт*, результатом которого является соединение *эмоциональной информации* и *рационального суждения* о том, насколько значимым является воспринимаемый объект и соответствует ли он «эталону». Акт познания завершается в виде *оценочного мнения*, отражающего ценность и проявляющегося в таких категориях, как *полезно*, *важно* или *хорошо*, приписываемых вещи или событию.

Социологическую интерпретацию аксиологического компонента оценки, а также описание ценности как категории, при помощи которой постигается мир, дал представитель немецкой философии, историк культуры и социальный философ В. Дильтей. Для него жизнь существует в соотношении целого и его элементов. Понять это соотношение можно, по его представлению, через категории, которые могут дать «значение» отдельных частей целого, компонентов жизни, обеспечивающее понимание целого. *Ценность* является одной из таких категорий. Каждому моменту нашей реальности приписывается та или иная характеристика, *позитивная* или *негативная* ценность. С такой позиции вся жизнь предстает бесконечной полнотой ценностных существований ее частей [34].

Э. Дюркгейм видел в ценностях некие *идеалы*, с которыми люди соотносят свои представления, что способствует преобразованию реальности. При этом понятие *идеал* выступает общим для реальных и ценностных суждений, первые из которых необходимы для некой формы анализа мира, его «выражения», а вторые способствуют наделению элементов реальности ценностным содержанием, преображают ее с тем, чтобы другие смогли представить в своем сознании этот элемент. Вместе с тем, для Э. Дюркгейма ценность связана, как и у В. Дильтея, с категорией *значимость*, отрицая утилитарную категорию *полезность* [3].

Ценность тесно связана и с понимающей социологией М. Вебера. Как и *познание*, она является незаменимой частью ***понимающе-объясняющего подхода*** социолога. Осмысленным поведение человека становится только тогда, по мнению М. Вебера, когда оно соотносится с ценностями, действующими в обществе [35]. П. А. Сорокин связывает рассматриваемый компонент оценки с категориями *идеал* и *эталон*, которые лежат в основании той или иной конкретной культуры [5]. Т. Парсонс интерпретирует ценности как *критерий* или *стандарт* для выбора из альтернатив ориентации, внутренне присущих определенной ситуации [6]. Н. И. Лапин, изучавший ценности и их влияния на личность и социум, определяет их как существующие в сознании каждого человека *ориентиры*, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия [36, с. 105].

В результате *ценность* можно интерпретировать как значимое для индивида либо группы явление духовной или предмет материальной культуры, воспринимаемые субъектом оценки в качестве пользы и выгоды, блага, идеала, нормы.

Все многообразие человеческой деятельности, общественных отношений и явлений может выступать в качестве объектов ценностного отношения, т. е. *оцениваться* в плане добра и зла, истины или неистины, красоты или безобразия и других сопоставимых категорий [37, с. 15]. Восприняв объект как *вредный* или *безвредный*, *полезный* или *бесполезный*, человек делает умозаключение относительно него, т. е. дает ему *оценку* и присваивает *ценность*.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-304-314

Аксиологический компонент отражает возможность сравнения, соотнесения познаваемого объекта с общепринятым стандартом. Определение *ценности* как *идеала / эталона* предполагает ее рассмотрение в контексте соотнесения с понятием *значимости*, т. е. отнесения к *ценности* (придания *значения*) тех или иных явлений.

Оценка как регулятор социального поведения

Человек непрерывно осуществляет мыслительно-оценочные операции, накапливая информацию относительно окружающего его как физического, так и социального мира. Это познание дополняется ценностными ориентациями, устанавливающими призму восприятия. При этом *оценка*, выступающая как отражение отношения личности к миру, возникает в результате установления значимости разных сторон жизни: накопления опыта, социализации, социального взаимодействия. Становясь продуктом общественно-исторического развития, она оказывает влияние на жизнь личности в обществе. С такой точки зрения ее можно понимать как восприятие элементов реальности через категориальную диалектику, закрепленную в общественном сознании. Система ценностей, нормативные ожидания, общественное мнение будут влиять на мировосприятие и, следовательно, на оценку социальных явлений или материального объекта.

Здесь возникает третий из выделенных компонентов оценки, ***праксеологический***, обусловливающий ее включение в социальные отношения и взаимодействия. Если предыдущие компоненты во многом были направлены на человека, который познает и сравнивает, наделяет ценностным значением оцениваемый объект, то последний компонент дает возможность применять полученные знания на практике, выстраивая наиболее приемлемое поведение, соотнося свои действия с выработанной конкретным обществом системой социального порядка, а также с социальными актами других людей. Оценивая правильность или неправильность поведения, личность организует свою деятельность, концентрируя в оценке накопленный социокультурный опыт и достигая социальной результативности.

Обращаясь к классикам социологии, можно найти подтверждение связи между оценкой и ценностно-нормативной общественной надстройкой, которая реализуется на практике. Так, например, Э. Дюркгейм относил *категории* и *абстрактные идеи* к производному от социального порядка. *Ценность* становится производным элементом *коллективного представления*, которое вырабатывается в результате функционирования людей в обществе и принимается ими независимо от собственных представлений. Внешнее общественное мнение, являющееся принудительным механизмом регуляции поведения, может влиять на оценочные суждения членов социальной общности. Сформированная таким образом *оценка* становится ориентиром индивидуального и коллективного поведения людей [3].

Логическим продолжением идей М. Вебера является изучение влияния понимания и оценки на действия индивида и общество в целом. Действия личности сознательно ориентированы на других людей. Его концепция типов социального действия отражает особенность применения оценки окружающей человека социальной реальности (т. е. воплощение предыдущих компонентов) на практике, выстраивая соответствующее действие. Рационально оценивая свое и чужое поведение, личность ориентируется на достижение цели, которое выступает основным мотивом. М. Вебер назвал это целерациональным действием. Мотивом ***ценностно-рационального типа*** является соотнесение *поведения* с *ценностью*, оценка поступка как значимого с точки зрения этической, религиозной, моральной и т. д. ценности. Для ***традиционного типа*** действия важным является следование *норме*, *традиции*. Особняком в типологии стоит ***аффективное*** действие, которое детерминируется *эмоциями* и лежит на границе осознанного [38, с. 82–86].

Кроме оценки смысла поведения других людей и ориентации собственного, М. Вебер считал, что *ценности*, разделяемые внутри конкретного общества, могут воздействовать на направленность его развития. Так, например, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» социолог описал взаимосвязь религиозных норм и продуцируемых ими ценностей, способствующую установлению капиталистического устройства западного мира [2, с. 61–272].

У. Томас и Ф. Знанецкий соотносили *социальные ценности* с некой формой правил поведения индивидов в обществе, что заставляет рассматривать их в нормативном аспекте. *Оценка* становится регулирующим аспектом группового поведения, элементом процесса групповой идентификации, благодаря которому повышает уровень интеграции. Группа, таким образом, закрепляет и воспроизводит необходимые типы действий своих членов [39, с. 285–286].

Т. Парсонс рассматривает *оценивание* в качестве одной из основ социальных отношений и функционирования структуры. Для него *ценности* выступают одним из четырех независимых компонентов любой системы, а также связующим элементом между *обществом* и *личностью*, влияющим на мотивацию действий, обеспечивающим интеграцию и адаптацию, поддерживающим социальный порядок. Посредством соотнесения со *стандартом* (*ценностью как образцом*) выбираются *цели действия* [6].

Ориентиры поведения детерминируют соответствующий характер их восприятия и оценивания. Следовательно, осуществляя свои функции в обществе (через социальное поведение, отношения и взаимодействия), личность дает оценку тем или иным явлениям, социальным фактам на основе выработанных предпосылок мышления через принятые ценности и нормы. Возникает,

на первый взгляд, противоречивый замкнутый круг регуляции социальной системой социальных действий (в виде оценок), которые воспроизводят саму систему, о чем писал Э. Гидденс [40]. Общество интегрирует наиболее одобряемые практики поведения, мышления, а его члены действуют согласно этим предписаниям.

Личность в результате социализации, включения в общественные процессы, реализации своих целей выстраивает иерархию ценностей. Н. И. Лапин выделял ***два слоя ценностей***, способных регулировать поведение, выборы и интеграцию человека в общество. Наиболее устойчивые ***терминальные ценности (цели)*** отражают обобщенные представления о желаемых социальных отношениях; ***инструментальные (средства)***, необходимы для достижения целей [36, с. 105]. Усваивая данную иерархическую структуру, индивид оценивает интересующие его элементы социальной реальности по степени значимости (как для себя, так и для других). Таким образом, оценки множества индивидов включаются в общественное мнение, становясь компонентами массового сознания, поскольку каждый индивид является частью определенной социальной общности [41, с. 84].

Соотношение *оценок* и *реального поведения* личности рассматривал В. А. Ядов. Ученый, исследовав взаимосвязь диспозиционной системы личности и регуляции ее поведения, пришел к выводу, что направленность интересов, ценностные ориентации и обобщенные социальные установки взаимозависимы и согласованы. Более того, они образуют целостную подструктуру системы диспозиций, а «обобщенный ценностно-ориентационный вектор целенаправленного поведения» как результат оценки личностью социального окружения регулирует тот или иной выбор [42, с. 188–190].

Понимание *оценки* как результата, порождаемого включением личности в социальные процессы, представлено в работах Ж. Т. Тощенко в рамках рассмотрения им реального общественного сознания как сущностной характеристики жизненного мира [43, с. 96–102]. Для него *сознание* предстает как «сложное переплетение общественных закономерностей и связей, а также случайных, порой противоречивых, единичных взглядов, идей», что способствует формированию оценок как элементов жизненного мира человека. Они развиваются как компоненты практической деятельности личности в обществе, взаимодействия с предметом, что находит свое выражение в познавательных средствах и избирательности, целенаправленности.

Личность в обществе не находится в вакууме, наоборот, она погружена в социальные связи и отношения. Сопоставление своих действий, решений, выборов с ценностной системой общества через оценку обусловливает регуляцию социальной системы, рождая *практики «нормального»*. В результате появляются устойчивые формы, алгоритмы соотнесения познаваемого с ценностной системой, которые выносятся на институциональный уровень, образуя систему социального контроля. *Оценка* становится не просто итогом соотнесения наблюдаемого с «эталоном», а социальным конструктом, который может влиять на наши действия. Посредством оценок общественное мнение может регулировать отношения и фиксировать, насколько полно человек выполняет свои обязательства перед социумом [44, с. 26].

Эмпирическая значимость оценки в социологии

Факт соединения в оценке не только личностного опыта, но воздействия социальной среды делает ее уникальным источником информации. Социологическая значимость оценки определяется не только ролью в объяснении процессов социального взаимодействия, коммуникаций, формирования и развития общественных процессов, но и в ее прикладной функции, поскольку она становится элементом реальных человеческих действий, поддающихся изучению.

Одна из особенностей исследовательского инструментария социологии состоит в том, что большинство применяемых социологами методов изучения социальной реальности связано с получением и интерпретацией оценки опрашиваемых людей, которые ее формируют и транслируют как результат осмысления действительности, собственного опыта и чувств в виде ответа на поставленный им вопрос. Чтобы решить какую-либо проблему, необходимо предварительно получить всю информацию о предмете исследования, что позволяют сделать сбор, обработка и анализ ответов-оценок респондентов. Социолог, проводящий измерение, превращает мнения опрашиваемых людей в единую систему, благодаря которой можно сравнивать различные социальные факты, явления и процессы, их динамику, интерпретацию в различных социальных группах. Такой процесс включает в себя все вышерассмотренные компоненты оценки, но за одним исключением: социолог вынужден иметь дело с ***двумя взаимосвязанными аспектами формирования нового знания*** [33, с. 160–161]. ***Первый*** связан с тем, что исследователю необходимо составить некую «идеальную модель» объекта исследования безотносительно эмпирических составляющих. Сравнивая с ней, социолог имеет возможность устанавливать сущностные характеристики изучаемого факта или явления. О подобном также писал М. Вебер, представляя *концепцию «идеальных типов»*, участвующих в познании [35]. Вычленяя значимые элементы объекта, исследователь проводит такие важные этапы проработки объекта, как *интерпретация* и *операционализация*, связывающие первый аспект со ***вторым***, *диагностическим*, где происходит соотнесение выработанных элементарных эмпирических признаков.

Исследовательский инструментарий социологии связан с оценкой опрашиваемых людей. При опросе происходит конвертация ответов респондентов в новое знание. *Оценка* воплощается как инструмент измерения элементов окружающей реальности, предметно-коммуникационных

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-304-314

действий и характерных свойств социальных отношений. Переход от высказывания респондента до нового знания составляет одну из важнейших особенностей социологической интерпретации оценки. Респонденты предстают как эксперты, мнение которых, высказанное в виде содержательной, качественной или количественной оценки, позволяет получить приближенное к объективной реальности знание.

Социолог имеет возможность на основании полученных данных делать выводы, подкрепленные методологически верным исследованием, и разрабатывать практические рекомендации. Прикладные социологические исследования позволяют переводить знания в конкретные действия, а оценка становится ключом к прогнозным заключениям и решению противоречий. Поэтому задача исследователя – не просто получать массив новой информации, а превращать оценку в инструмент изменения социальной реальности. Это становится важным, в частности, при необходимости внедрения нововведений или принятия управленческих решений в сложных ситуациях. Например, оценочные исследования как практика систематического изучения разнообразных социальных фактов, социально-политических программ или деятельности органов власти разного уровня стали важной частью системы контроля управленческих решений, игнорировать которые на данном этапе развития социально-политических отношений как в России, так и в зарубежных странах невозможно. Экспертность и компетентность становятся одними из главных критериев объективности получаемого знания, которое может минимизировать риски непредсказуемого современного мира.

Заключение

Социологическая интерпретация компонентов оценки детерминировала понимание данного явления как процесс соотнесения познаваемых объектов, явлений, событий, фактов, поведения человека, деятельности группы, структурных элементов общества и т. п. с неким доступным сознанию эквивалентом (эталонная мера реального или мыслимого объекта, собственный опыт, нормативно-ценностная система и т. д.), актуализирующийся в регуляции на этой основе социальных действий и отношений. ***Гносеологический компонент*** представляет собой форму познания мира, отражается в формировании мировоззрения, отношения к окружающей повседневной действительности, в которой существует человек. ***Аксиологический компонент*** воплощается в определении смысла и значения познаваемого посредством анализа и сопоставления с имеющимся знанием. ***Праксеологический компонент*** олицетворяет возможность реализации социального взаимодействия людей на основе оценочных суждений, образующихся под влиянием окружающего социального фона.

Особенность *оценки* состоит еще и в том, что она является основным компонентом любого социального акта, социальных отношений и взаимодействий, выполняя познавательную, аналитическую, регулятивную, ориентирующую функции в социальной системе, что определяет ее практическую значимость и применимость в качестве методолого-инструментального элемента социологии. Специфика прикладного социологического знания, по мнению Г. С. Батыгина, заключается в ориентации на нахождение способов решения нефилософских по своему содержанию проблем применительно к конкретной социальной ситуации [33, с. 6]. Следовательно, *оценка* как прикладной инструмент используется в качестве поискового «оружия», средства изучения возникающих противоречий и принятия решений. Способность *оценки* соответствовать как теоретическим, фундаментальным исследованиям, так и прикладным делает ее необходимым индикатором, отражающим закономерности общественного развития.

Таким образом, благодаря включенности субъекта в социальные отношения, *оценка* элементов материального мира и социальных фактов возникает как результат интеграции личностного опыта индивида с сознательной деятельностью людей, реализующих свои интересы и цели. Личность отражает собственную позицию, при этом она погружена в общественное мнение. *Оценка* становится не только речемыслительным конструктом, но и сформированным в процессе социального взаимодействия и влияющим на него показателем отношения к определенным аспектам объективной реальности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения / пер. с фр. А. Б. Гофмана // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
4. Зиммель Г. Социальная дифференциация: социологическое и психологическое исследование // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. / сост. и отв. ред. В. И. Добреньков, Л. П. Беленкова. М.: Наука, 1994. С. 307–324.
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
7. Антипьев К. А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 22–31.

8. Безвиконная Е. В. Муниципальная власть как актор социально-политического взаимодействия с территориальным общественным самоуправлением (на материалах практик городских округов) // Вестник Омского Университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 435–444. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.435-444
9. Божья-Воля А. А. Оценка результативности государственных служащих руководящего состава: международный опыт и российские перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 81–103.
10. Левицкая Н. В., Савельев И. И. Анализ методик оценки эффективности реализации государственных программ отдельных субъектов Российской Федерации // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 4. С. 72–76.
11. Баснина Т. Д., Вигушина Е. П., Иванова С. А., Маньков В. С., Полянская Е. Е., Суханова Н. В., Сысоев А. П., Тамбовцев В. Л. Общественный аудит в организации местного самоуправления. М.: ТЕИС, 2009. 159 с.
12. Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4. С. 53–77.
13. Горшков М. К., Петухов В. В., Андреев А. Л., Аникин В. А., Бызов Л. Г., Дробижева Л. М., Каравай А. В., Латова Н. В., Латов Ю. В., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Мчедлова М. М., Петухов Р. В., Тихонова Н. Е., Тощенко Ж. Т. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.
14. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 1: Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 619 с.
15. Левада Ю. А. Парадоксы и смыслы «рейтингов». Попытка понимания // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 4. С. 8–18.
16. Мареева С. В. Жизненные цели жителей столиц и регионов и возможность их достижения // Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. С. 159–177.
17. Тихонова Н. Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5–18. https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9
18. Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17. https://doi.org/10.31857/S013216250003743-0
19. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
20. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016. 367 с.
21. Морозова Е. А., Минаева Т. А. Социальная политика в регионе: некоторые тенденции и проблемы (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 28–33.
22. Сухачева А. В., Кочнева О. П., Латфулина А. Р. Социологическое сопровождение управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 42–50. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-42-50
23. Воркачев С. Г. Оценка и ценность в языке: Hispanica selecta: избранные работы по испанистике. Волгоград: Парадигма, 2006. 186 с.
24. Абушенко В. Л. Оценка // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест. Современный литератор, 2001. С. 755–756.
25. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 261 с.
26. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1988. 338 с.
27. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 231 с.
28. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии. М.: Прометей; МПГУ, 2003. 240 с.
29. Сидоренко Н. С. Познание как философская проблема // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 4. С. 83–85.
30. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. 3-е изд., стер. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 123 с.
31. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
32. Витченко Н. Н. Социология научного знания: от детерминизма к конструкционизму // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2003. № 2. С. 25–29.
33. Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986. 272 с.

34. Дильтей В. Категории жизни / пер. с нем. А. П. Огурцова // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129–143.
35. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. М.: Директ-Медиа, 2010. 107 с.
36. Лапин Н. И. Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей // Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры»: мат-лы секционных заседаний X Междунар. Лихачевских науч. чтений (Санкт-Петербург, 13–14 мая 2010 г.) СПб.: СПбГУП, 2010. Т. 1. С. 105–107.
37. Сутужко В. В. Основания оценки в различных сферах бытия и сознания // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28. С. 11–19.
38. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология. М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
39. Максименко А. А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 2. С. 284–291.
40. Керимова Л. М., Керимов Т. Х. Теория структурации Э. Гидденса: методологические аспекты // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 37–47.
41. Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 82–93.
42. Ядов В. А., Магун В. С., Борзикова П. В., Водзинская В. В., Каюрова В. Н., Саганенко Г. И., Узунова В. Н., Семенов А. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 264 с.
43. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
44. Франц А. С. Нравственная культура: стратегии исследования идеального образования. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. 167 с.

original article

Evaluation as a Sociological Concept: Problem Statement

Nikita N. Grigorik
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; https://orcid.org/0000-0002-8868-0244; nikita_grigorik@mail.ru

Received 11 Jun 2021. Accepted after peer review 31 Aug 2021. Accepted for publication 13 Sep 2021.

Abstract: The present research featured the role of evaluation in sociology and the sociological interpretation of its components. Evaluation is a complex perceptive procedure. Social reality is conditioned by the existence of man, who shapes it through evaluation, which includes cognition, evaluative comparison, and the implementation of the resulting information in social interaction. First, people form initial ideas that are chipped into a set of knowledge about social reality. The perception is then transformed into a mental-comparative act. On this basis, people perform actions and choices that correlate with the values. Norms determine the nature of perception and evaluation. Therefore, people embody their social functions through social behavior, relationships, and interactions, thus learning about the world and evaluating various social phenomena on the basis of the obtained assumptions. In that way, people develop and translate stable forms of perception. Evaluation can serve as a measure in sociological studies, i.e. as a means of studying social reality. As a result, the relationship *evaluation – cognition – value – norm – public* opinion becomes obvious and can act as a methodological basis for sociological research.
Keywords: public opinion, cognition, regulation, social interaction, social norms, social order, value

Citation: Grigorik N. N. Evaluation as a Sociological Concept: Problem Statement. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 304–314. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-304-314

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Dijk T. A. van. *Language. Cognition. Communication.* Moscow: Progress, 1989, 312. (In Russ.)
2. Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 808. (In Russ.)

 © 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

3. Durkheim E. Value and "real" judgments, tr. Gofman A. B. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1991, (2): 106–114. (In Russ.)
4. Simmel G. Social differentiation: a sociological and psychological study. *Texts on the history of sociology of the XIX–XX centuries*, eds. Dobrenkov V. I., Belenkova L. P. Moscow: Nauka, 1994, 307–324. (In Russ.)
5. Sorokin P. A. *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat, 1992, 543. (In Russ.)
6. Parsons T. T*he structure of social action*. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2002, 880. (In Russ.)
7. Antipyev K. A. Social potential of local communities self-organization. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin,* 2015, (2): 22–31. (In Russ.)
8. Bezvikonnaya E. V. The municipal authority as an actor of socio-political interaction with territorial public self-government (on the material practices of urban districts). *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2017, (3): 435–444. (In Russ.) https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.435-444
9. Bozhya-Volya A. A. Evaluation of the performance of senior civil servants: international experience and Russian prospects. *Public Administration Issues*, 2009, (2): 81–103. (In Russ.)
10. Levitskaya N. V., Savelev I. I. Analysis of methods of estimation of efficiency of realization of state programs of separate subjects of the Russian Federation. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, 2016, (4): 72–76. (In Russ.)
11. Basnina T. D., Vigushina E. P., Ivanova S. A., Mankov V. S., Polianskaia E. E., Sukhanova N. V., Sysoev A. P., Tambovtsev V. L. *Public audit in the organization of local self-government*. Moscow: TEIS, 2009, 159. (In Russ.)
12. Gavra D. P. Public opinion and power: regimes and mechanisms of interaction. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii,* 1998, 1(4): 53–77. (In Russ.)
13. Gorshkov M. K., Petukhov V. V., Andreev A. L., Anikin V. A., Byzov L. G., Drobizheva L. M., Karavay A. V., Latova N. V., Latov Yu. V., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Mchedlova M. M., Petukhov R. V., Tikhonova N. E., Toshchenko Zh. T. *Twenty-five years of Russian transformations: experience of sociological analysis*. Moscow: Ves Mir, 2018, 384. (In Russ.)
14. Grushin B. A. *Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls: essays on the mass consciousness of Russians of the time of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev, and Yeltsin. Book 1. The First Life. The era of Khrushchev.* Moscow: Progress-Traditsiia, 2001, 619. (In Russ.)
15. Levada Yu. A. Paradoxes and meanings of "ratings". An attempt of understanding. *Vestnik obshchestvennogo mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2005, (4): 8–18. (In Russ.)
16. Mareeva S. V. Life goals of residents of capitals and regions and the possibility of achieving them. *Capitals and regions in modern Russia: fifteen years of myths and reality*, eds. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. Moscow: Ves Mir, 2018, 159–177. (In Russ.)
17. Tikhonova N. E. Social policy in modern Russia: new systemic challenges. *Obshchesvennye nauki i sovremennost'*, 2019, (2): 5–18. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9
18. Karacharovskiy V. V., Shkaratan O. I. Different goals of the same society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, (1): 5–17. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013216250003743-0
19. Lapin N. I. Functionally orienting clusters of basic values – population of Russia and its regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, (1): 28–36. (In Russ.)
20. *The life world of Russians: 25 years later (late 1980s-mid-2010s)*, ed. Toshchenko Zh. T. Moscow: TsSP i M, 2016, 367. (In Russ.)
21. Morozova E. A., Minaeva T. A. Regional social policy: tendencies and problems (Kemerovo region case study). V*estnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2017, (1): 28–33. (In Russ.)
22. Sukhacheva A. V., Kochneva O. P., Latfulina A. R. Sociological support for management decisions at the regional and municipal levels. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (1): 42–50. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-42-50
23. Vorkachev S. G. *Evaluation and value in language: Hispanica selecta: selected works on Hispanic Studies*. Volgograd: Paradigma, 2006, 186. (In Russ.)
24. Abushenko V. L. Evaluation. *World encyclopedia. Philosophy*, ed. and comp. Gritsanov A. A. Moscow: AST; Minsk: Kharvest. Sovremennyi literator, 2001, 755–756. (In Russ.)
25. Wolf E. M. *Functional semantics of evaluation*, 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2002, 261. (In Russ.)
26. Aroutiounova N. D. *Types of language values: assessment, event, and fact*. Moscow: Nauka, 1988, 338. (In Russ.)
27. Ivin A. A. *The foundations of the evaluation logic*. Moscow: Izd-vo MGU, 1970, 231. (In Russ.)
28. Baeva L. V. *Value foundations of individual existence: existential experience of axiology*. Moscow: Prometei; MPGU, 2003, 240. (In Russ.)
29. Sidorenko N. S. Knowledge as a philosophical problem. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management,* 2015, (4): 83–85. (In Russ.)

30. Boldyrev N. N. *Cognitive semantics: a course of lectures on English philology*, 3rd ed. Tambov: TGU im. G. R. Derzhavina, 2002, 123. (In Russ.)
31. Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, and purpose*. Moscow: Kanon, 1995, 352. (In Russ.)
32. Vitchenko N. N. Sociology of scientific knowledge: from determinism to constructionism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2003, (2): 25–29. (In Russ.)
33. Batygin G. S. *Substantiation of scientific conclusion in applied sociology*. Moscow: Nauka, 1986, 272. (In Russ.)
34. Diltey V. Categories of life, tr. Ogurtsov A. P. *Voprosy Filosofii*, 1995, (10): 129–143. (In Russ.)
35. Weber M. *Some categories of interpretive sociology*. Moscow: Direkt-Media, 2010, 107. (In Russ.)
36. Lapin N. I. Universal values and diversity of people's life worlds. *Plenary session "Dialogue of cultures and partnership of civilizations: the formation of global culture"*: Proc. breakout sessions X Intern. Conf. Likhachev's Sci. readings, St. Petersburg, 13–14 May 2010. St. Petersburg: SPbGUP, 2010, vol. 1, 105–107. (In Russ.)
37. Sutuzhko V. V. The bases of evaluation in various spheres of being and consciousness. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (28): 11–19. (In Russ.)
38. Weber M. *Economy and society: essays on understanding sociology, vol. 1. Sociology*. Moscow: ID Vysshei shkoly ekonomiki, 2016, 445. (In Russ.)
39. Maksimenko A. A Sociological interpretation of value conception. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universita im. N. A. Nekrasova*, 2011, 17(2): 284–291. (In Russ.)
40. Kerimova L. M, Kerimov T. Kh. E. Giddens' theory of structuration: methodological aspects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997, (3): 37–47. (In Russ.)
41. Lapin N. I. Studies of values conducted by Vladimir Yadov and his colleagues. *Journal of Economic Sociology*, 2009, 10(3): 82–93. (In Russ.)
42. Yadov V. A., Magun V. S., Borzikova P. V., Vodzinskaia V. V., Kaiurova V. N., Saganenko G. I., Uzunova V. N., Semenov A. A. *Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual*. Leningrad: Nauka, 1979, 264. (In Russ.)
43. Toshchenko Zh. T. *Sociology of life*. Moscow: IuNITI-DANA, 2016, 399. (In Russ.)
44. Frants A. S. *Moral culture: strategies for the study of ideal education*. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2005, 167. (In Russ.)

оригинальная статья

Аналитические результаты использования электронной обучающей системы в организации горно-металлургического комплекса России

Марина Ильинична Казакова
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург

Татьяна Владимировна Селиванова
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург; t.s.v16@mail.ru

Поступила в редакцию 29.06.2021. Принята после рецензирования 27.08.2021. Принята в печать 13.09.2021.

Аннотация: Статья посвящена вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» в организации горно-металлургического комплекса. Объект исследования – электронные обучающие системы, предмет – процессы использования электронной обучающей системы в организации – базе проведения исследования, относящейся к горно-металлургическому комплексу России. Цель – разработка рекомендаций для руководства организаций, собирающихся внедрить дистанционные технологии в процесс обучения персонала. Методика проведения исследования включает анкетирование сотрудников изучаемой организации на предмет отношения и качества обучения в электронной обучающей системе. Рассматривается опыт обучения персонала предприятий с помощью различных информационных систем. Основное внимание уделено анализу использования обучающе-контролирующей системы «Олимпокс» в организации горно-металлургической промышленности. Приведены результаты анкетирования сотрудников, позволяющие выявить их отношение к внедрению электронной обучающей информационной системы и к организации в ней процессов обучения. Предложены рекомендации по совершенствованию информационных обучающих систем, используемых для оценки и развития персонала. Определено, что качество развития персонала зависит от грамотного сочетания обучения в очном формате с технологиями, позволяющими освоить теорию в виде тестов и открытых вопросов, а также практику в виде кейсов и упражнений по отработке рабочих ситуаций в условиях, максимально приближенных к реальным.

Ключевые слова: национальная программа, цифровизация, обучение персонала, дистанционное обучение, информационная обучающая система, практика обучения

Цитирование: Казакова М. И., Селиванова Т. В. Аналитические результаты использования электронной обучающей системы в организации горно-металлургического комплекса России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 315–325. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-315-325

Введение

Управление персоналом – сложная и многогранная сфера деятельности, включающая множество взаимосвязанных процессов. Важность грамотной организации в управлении персоналом трудно переоценить, поскольку люди являются ресурсом, напрямую определяющим развитие любой организации. Именно поэтому организация непременно должна вкладывать время и ресурсы в обучение своего персонала. Обучение персонала каждая организация строит индивидуально, исходя из своих потребностей и возможностей. Важность обучения персонала как важнейшего фактора развития любого предприятия отражена во многих исследованиях ученых по вопросам организации работы с персоналом.

Цель – разработка рекомендаций для руководства организаций, собирающихся внедрить технологии дистанционного обучения в образовательные процессы персонала. Достижение цели реализовано через выполнение следующих задач: теоретическая часть: обзор литературы по теме исследования, выделение основных определений, описание методов, характеристика организации – базы проведения исследования; практическая часть: анализ результатов анкетирования сотрудников организации – базы проведения исследования, выделение рекомендаций на основе анкетирования. Новизна исследования заключается в создании перечня рекомендаций по усовершенствованию обучения персонала с приведением конкретных примеров их эффективной реализации.

Теоретическая база исследования

Влияние современной цифровой экономики неизбежно вызывает существенные изменения в структуре занятости и в требованиях к квалификации персонала. Возникает большая потребность в наличии как собственных IT-специалистов, программистов, так и квалифицированных пользователей, которые умеют работать в цифровой среде [1, с. 63].

Распространение цифровых технологий меняет смысл термина *обучение*. С. Н Казначеева и др. утверждают, что сейчас обучение персонала выступает основным способом получения образования в профессиональной области

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-315-325

и является целенаправленно организованным, планомерным и последовательно осуществляемым процессом приобретения знаний, умений, навыков и способов коммуникации, реализуемым преподавателями, наставниками, специалистами и руководителями [2]. По мнению Н. В. Звягиной и С. В. Пупенцовой, на современные процессы обучения влияют несколько технологий: дополненная (AR) и виртуальная реальности (VR), искусственный интеллект, визуальный контент [3, с. 169].

Н. В. Моисеенко считает, что обучение персонала предназначено для того, чтобы сотрудники могли выполнять свои рабочие цели наиболее оптимальными способами. Такой подход позволит обеспечить более высокий уровень эффективной работы. В ходе обучения персонал расширяет спектр своих знаний, приобретает новые профессиональные навыки, а также усваивает ценности и установки, соответствующие стратегии организации и современным рыночным реалиям. Роль современных технологий в обучении персонала, с точки зрения Н. В. Моисеенко, заключается в том, что они ускоряют профессиональное развитие персонала и придают ему разнообразие. При этом персонал, обучившийся посредством цифровых технологий и овладевший ими, будет считать такие методы обучения эффективными [4, с. 82].

В непростое время активной цифровизации современной экономики управление развитием трудового потенциала предприятий предусматривает организацию и внедрение современных гибких технологий образования, включая дистанционное обучение персонала предприятий. В статье Н. В. Лазаренко обозначены проблемы организации, связанные с обеспечением образовательного процесса современными технологиями обучения:

1. Как оптимально соединить традиционные и инновационные методы образования?
2. Какие инновационные методы являются наиболее важными для получения экономико-управленческого высшего образования?
3. Как на практике использовать возможности системы дистанционного обучения? [5, с. 161–163].

Перед HR-отделами организаций устанавливаются непростые, в некоторых случаях даже взаимоисключающие задачи: ограничение бюджета на обучение персонала; активное обучение новых работников; повышение качества обучения; оперативный допуск работников к нужным данным; контроль освоения знаний и навыков; информационное и учебное содействие проектов фирмы; распространение корпоративной культуры в рамках всей компании и всего штата сотрудников [6, с. 191].

В работе А. А. Якушева приведено утверждение HR-консультанта Е. Тян о том, что существует устойчивая взаимосвязь между прибылью и использованием цифровых технологий в практике компаний, следовательно, на их внедрение и использование есть запрос от акционеров, владельцев бизнеса и руководства. При этом не нужно подменять понятия *автоматизация* и *цифровизация*. Внедрение цифровых технологий в практику бизнеса еще не сделает организацию цифровой, а главное – не обязательно гарантирует прирост прибыли. Цифровизация организации требует комплексного изменения всех бизнес-процессов, отказа от привычных форм управления, а также изменения корпоративной культуры [7, с. 232].

Одной из современных технологий организации образования сотрудников является дистанционное обучение. В статье А. А. Крицкой и др. определены общенаучные принципы, свойственные дистанционному обучению:

- динамичность (возможность изменения и дополнения содержания обучения);
- осознанность перспективы (понимание системы перспектив как обучающимися, так и преподавателем);
- паритетность (субъект-субъектные отношения между преподавателем и обучающимся) [8, с. 614].

Характеристики дистанционного обучения приводит В. Э. Кальда:

- существование обучающего и обучаемого, наличие договоренности между ними;
- пространственная разделенность обучающего и обучаемого;
- пространственная разделенность обучаемого и учебного заведения;
- двунаправленное взаимодействие обучаемого и обучающего;
- подбор материалов, предназначенных специально для дистанционного изучения [9, с. 295].

На наш взгляд, дистанционное обучение – это образовательный процесс, осуществляемый посредством телекоммуникационных технологий, в ходе которого обучаемый приобретает необходимые знания без непосредственного контакта с обучающим.

По мнению Н. М. Авдеевой, в экономических условиях современной России существует самый большой спрос на дистанционную форму обучения. Этому способствуют несколько причин: во-первых, в России не хватает образованных специалистов, соответствующих столичному или международному уровню. Во-вторых, популяризация технологий дистанционного обучения придает системе образования массовость. В-третьих, системы дистанционного обучения стали полноценным социальным институтом, способным не только предоставить человеку разнообразные наборы образовательных услуг, но и позволяющим учиться непрерывно. Системы дистанционного обучения обеспечивают руководителям и специалистам организации возможность получения послевузовского дополнительного образования, устраняя при этом различного рода организационные барьеры, препятствующие доступу к источникам информации [10, с. 13].

Рассуждая о роли дистанционного обучения, Ю. Ю. Долженко и соавторы считают, что на любом предприятии необходимо развивать практику онлайн-курсов повышения квалификации, которая популярна в западных странах. Внедрение такой практики позволит повышать

квалификацию в удобное для специалиста время [11, с. 49]. Е. С. Дашкова с коллегами обозначает дистанционное обучение как достаточно гибкое, позволяющее обучаться на расстоянии, осуществлять выбор программы под особенности конкретной организации и профессии, а также совмещать обучение и работу [12, с. 276]. Л. С. Иванченко считает дистанционное обучение активно внедряемым методом обучения персонала за счет множества достоинств в виде экономии затрат на обучение, вовлечения большого количества сотрудников в образовательный процесс и простоты его организации [13, с. 163]. С точки зрения А. Н. Корнеева и В. Е. Котельниковой, использование новых форм обучения позволяет персоналу совершенствовать и формировать дополнительные компетенции в области информационной культуры [14]. Иными словами, как подчеркнули Н. Р. Хадасевич и Ю. Н. Задоя, дистанционное обучение персонала является основным инструментом комплексной автоматизации бизнес-процессов развития персонала [15, с. 199].

При этом, по справедливому замечанию Э. Х. Шариповой и А. Р. Кудлаевой, во время введения дистанционного обучения в организации могут возникнуть проблемы организационного и технологического характера. Первая группа проблем связана с мотивацией персонала на дистанционное обучение (каким способом можно наиболее эффективно обучить персонал, какие категории персонала стоит обучать). Вторая группа отражает проблемы, связанные с грамотным внедрением обучающего программного продукта в корпоративную сеть организации [16, с. 215]. Также к проблемам, возникающим во время организации дистанционного обучения, стоит отнести непонимание сотрудниками процесса обучения и эффекта, который они должны получить в ходе его реализации, а также завышенные ожидания руководства организации от дистанционного обучения [17, с. 248].

С. Д. Сучков полагает, что наиболее часто пользователями систем дистанционного обучения персонала являются компании, которым необходимо регулярно проводить множество семинаров о продуктах и услугах компании для большого количества сотрудников, а также организации, которым необходимо обучать персонал на т. н. конвейерные позиции с высокой текучестью кадров. К таким компаниям можно отнести банки, финансовые корпорации, страховые и нефтедобывающие компании [18, с. 235].

С. Д. Сластя выделяет несколько видов технологий для осуществления дистанционного обучения: обучение через сеть Интернет, видеоконференции, WEB-конференции и через внутреннюю сеть компании (интранет) [19]. В статье Ю. В. Турулиной и др. представлена технология обучения на корпоративном портале дистанционной платформы обучения [20]. В рамках исследования рассмотрим применение специальных систем дистанционного обучения. Согласно взглядам К. В. Облогиной и М. А. Федотовой, под системами дистанционного обучения следует понимать системы доставки учебного материала с помощью корпоративной информационной сети организации непосредственно на рабочее место сотрудника [21, с. 503].

Отслеживание результатов дистанционного обучения отражает правильность выбора и формирования всех этапов внедрения системы в культуру компании. Успех дистанционного обучения в организации можно определить по признакам, сформулированным А. О. Сурниной:

- бюджет компании, выделенный на внедрение дистанционного обучения, оптимизирован и оправдан;
- появились новые возможности обучения, расширилась аудитория слушателей и желающих участвовать в проекте;
- внедрение новых технологий привело к увеличению скорости усвоения материала;
- повысился профессионализм, изменился подход к работе у сотрудников;
- рабочие процессы стали приносить высокие результаты [22, с. 201].

На основе работ А. А. Джабазян [23, с. 158], В. А. Блинковой [24, с. 192], А. В. Михайловой и А. Б. Андреевой [25] выявлены самые популярные способы оценки эффективности дистанционного обучения – анкетирование сотрудников, прошедших дистанционное обучение, и интервьюирование административного персонала организации. Вышеназванные авторы использовали анкетирование и интервьюирование в качестве способов получения обратной реакции от персонала на организацию их обучения в дистанционном формате. Проанализировав результаты их исследований, заключим, что дистанционное обучение является удобным и популярным инструментом развития персонала, работающего как в коммерческой сфере, так и в сфере государственной службы. В работе А. А. Джабазян было изучено мнение сотрудников группы компаний Нижегородского масложирового комбината (НМЖК), которая на момент проведения исследования только готовилась внедрить дистанционное обучение в процессы развития персонала [23, с. 158]. В статье А. В. Михайловой и А. Б. Андреевой проанализирован опыт дистанционного обучения сотрудников Государственного автономного учреждения «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Саха (Якутия)» (ГАУ «МФЦ РС (Я)»). Эта организация уже осуществляет дистанционное обучение сотрудников посредством специальной системы дистанционного обучения «HT-Line» [25].

В ходе анкетирования сотрудников обоих учреждений на предмет понимания целей дистанционного обучения, его достоинств и недостатков выявлено, что дистанционное обучение, с точки зрения персонала, было введено прежде всего с целью сокращения затрат и экономии времени на обучение. К вторичным целям, отмеченным сотрудниками ГАУ «МФЦ РС (Я)», можно отнести создание и использование новых форм обучения при

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-315-325

интеграции с другими формами обучения и соответствие образовательной деятельности организации мировым тенденциям [25]. Среди преимуществ дистанционного обучения сотрудники выделили одновременный охват широкой аудитории, эффективную коммуникацию с удаленными на расстоянии специалистами, свободу и гибкость обучения. К достоинствам, отмеченным только работниками ГАУ «МФЦ РС (Я)», отнесены доступ к обучению в индивидуальном для каждого сотрудника темпе и обеспечение равных возможностей для обучения всего персонала [25]. Среди недостатков дистанционного обучения, выделенных сотрудниками обеих организаций, оказались отсутствие очной коммуникации между обучающимися и преподавателем и нерегулярный контроль над обучающимися. Сотрудники НМЖК отметили среди рисков дистанционного обучения возможность искажения изучаемой информации [23, с. 158], а сотрудники ГАУ «МФЦ РС (Я)» – психологическую неподготовленность персонала к обучению в новом формате [25].

При анкетировании сотрудников НМЖК был задан вопрос о наиболее желаемых методах дистанционного обучения. Получены сведения, что наиболее интересным и эффективным персонал комбината считает обучение посредством вебинаров, обучающих фильмов и внедрения методов геймификации [23, с. 158]. Примечательно, что среди желаемых способов обучения в дистанционном формате не было указано специальных систем дистанционного обучения. Из обзора и анализа литературы по теме исследования было выявлено, что понимается под дистанционным обучением в настоящее время, как оно реализуется на практике, какие выгоды и проблемы может повлечь за собой как для руководящего, так и для рядового персонала организации. Полученная информация послужила основой для создания рекомендаций по улучшению обучения персонала, приведенных далее.

Использование дистанционного обучения персонала коммерческими организациями и государственными учреждениями позволяет отметить влияние государства на обучение сотрудников. Государство с помощью законов и государственных программ создает ориентир, на который равняются организации. Государство как ориентир показывает, насколько важно и выгодно организации обучать свой персонал и использовать в обучении изобретения и достижения современной технической мысли. В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется федеральный проект «Кадры для цифровой экономики»[1]. Таким образом, в государстве установлена цель на «создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней»[2]. На практике развитие кадров для цифровой экономики, к созданию которой стремится Российская Федерация, реализуется через использование в организациях информационных технологий для обучения персонала.

Информационные системы для обучения персонала используются сейчас на многих крупных предприятиях России. Например, Уральская горно-металлургическая компания (УГМК) для обучения своего персонала создала и реализовала уникальный проект под названием «Технический университет УГМК» (ТУ УГМК). Это крупная образовательная площадка, где получают высшее образование выпускники школ и повышают свою квалификацию работники предприятий, входящие в УГМК-холдинг[3]. Электронные курсы ТУ УГМК предназначены для обучения всех категорий персонала – от руководителей до рабочих. Обучение подразделяется на множество направлений – от подготовки инженерно-технического персонала на специализированных курсах (например, Подготовка руководителей работ по ликвидации аварий и Контролер технического состояния автотранспортных средств) до курсов для работников непромышленной сферы (например, «Сторителлинг для корпоративных СМИ» и пакет курсов по работе в Microsoft Excel и Microsoft Power Point)[4].

Характеристика организации и обзор внедренной обучающей системы

Завод, являющийся базой проведения исследования, занимается производством различных марок стали, что позволяет отнести его к предприятию с тяжелым и опасным производством. Исходя из этого, обучение персонала на промышленном предприятии имеет чрезвычайно важное значение. Большая численность рабочих и ограничения, накладываемые пандемией коронавируса COVID-19, непосредственно отразились на организации обучения персонала. В итоге необходимость использования информационных систем при обучении персонала стала очевидной. В настоящее время на заводе используется автоматизированная система «Олимпокс».

Олимпокс – обучающе-контролирующая система, разработанная российской компанией «Термика». Система «Олимпокс» предназначена для автоматизации процессов обучения и проверки знаний в разных форматах: непосредственно в обучающих организациях, в корпоративной интернет-сети предприятия или через сеть

[1] Кадры для цифровой экономики // Цифровая экономика 2024. Режим доступа: https://digital.ac.gov.ru/about/26/ (дата обращения: 22.02.2021).

[2] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 22.02.2021).

[3] Электронные курсы // Технический университет УГМК. Режим доступа: https://tu-ugmk.com/study/corporate/prochee/distantsionnye-kursy/ (дата обращения: 22.02.2021).

[4] Там же.

Интернет[5]. Обучение в этой системе на заводе построено в корпоративной интернет-сети в двух режимах: Подготовка к экзамену и Экзамен. Обучение проходит дистанционно при наличии Интернета на персональном компьютере, планшете пли телефоне.

Система «Олимпокс» предоставляет два варианта подготовки к экзамену:

- Экспресс-тест по курсу – последовательные ответы на все вопросы всех тем курса;
- Пробный тест по курсу – полная имитация стандартного прохождения экзамена по билетам.

Сдача экзамена проходит в режиме онлайн по билетам. Один билет содержит тест из 10 вопросов.

Методы и материалы

При внедрении и эксплуатации информационных систем, предназначенных для обучения персонала, важно принимать во внимание интересы тех, кто будет непосредственно с ними работать. В ходе исследования было проведено анкетирование сотрудников завода, которые проходили обучение по охране труда в системе «Олимпокс» с 15 февраля по 26 марта 2021 г. Цель анкетирования – установление отношения сотрудников предприятия к системе «Олимпокс» и к организации обучения персонала в этой системе. Для выявления мнения сотрудников разработана анкета из 13 вопросов, подразделяющаяся на 3 смысловых блока:

- вопросы № 1–4 позволяют получить социально-демографические характеристики респондентов;
- вопросы № 5–8 выясняют отношения респондентов к внедренной системе дистанционного обучения, их мнения относительно причин ее внедрения;
- вопросы № 9–13 направлены на оценку результативности обучения сотрудников в системе дистанционного обучения и на получение предложений по усовершенствованию организации дистанционного обучения.

Результаты

В анкетировании приняли участие 13 человек, что составляет 32,5 % от общего числа сотрудников (40 человек), проходивших обучение по охране труда в системе «Олимпокс» с 15 февраля по 26 марта 2021 г. Респонденты являются рядовыми сотрудниками завода, работающими в разных отделах и цехах. Сотрудники могли проходить обучение как в рабочее, так и в нерабочее время, поскольку для обучения необходим только доступ к компьютеру. Количественно-качественная характеристика выборки представлена в табл. 1.

В результате анализа ответов респондентов на вопрос № 5 (Как Вы отнеслись к тому, что обучение по охране труда на заводе стало проводиться в информационной системе «Олимпокс»?) было установлено, что большинство сотрудников отнеслись к обучению положительно – 10 человек (76,9 %). Работниками отмечены как позитивные, так и негативные стороны обучения с помощью информационных систем. Нейтрально отнеслись к внедрению системы в организации 2 человека (15,4 %), отрицательно – 1 человек (7,7 %).

Табл. 1. Сведения об участниках анкетирования

Tab. 1. Information on the participants in the questionnaire

Выборка	Количество человек (%)
Гендерный состав	
Мужчины	2 (15,4 %)
Женщины	11 (84,6 %)
Возраст	
21–40 лет	8 (61,5 %)
41–60 лет	5 (38,5 %)
Образование	
Среднее профессиональное	3 (23,1 %)
Высшее профессиональное	10 (76,9 %)
Стаж работы	
Менее 1 года	3 (23,1 %)
1–5 лет	1 (7,7 %)
5–10 лет	1 (7,7 %)
Более 10 лет	8 (61,5 %)

Сотрудники положительно отнеслись к отсутствию привязки к определенному времени и месту обучения, использованию для учебы только служебного компьютера и к тому, что можно сразу иметь доступ ко всей необходимой информации (рис. 1).

Отрицательное отношение сотрудников к обучению в электронной системе обусловлено их зависимостью от работы техники. Неудовлетворение вызвали качество подачи материала, необъективность системы оценки знаний и невозможность качественного обучения без живого общения преподавателя и обучающихся (рис. 2).

Причины, по которым руководство завода решило внедрить систему «Олимпокс» для обучения сотрудников, были выявлены в вопросе № 8. Сотрудники считают, что руководство принимало таким образом меры по упрощению, сокращению затрат и ускорению темпов обучения многочисленного персонала предприятия (рис. 3).

Результаты ответов на вопрос № 9 о результативности обучения в системе «Олимпокс» показывают, что оценки актуальности, полезности, практической применимости изучаемой в системе информации и в целом содержания обучения по сравнению с ожиданиями обучающихся варьируются в основном от «удовлетворительно» до «хорошо» (рис. 4).

[5] Обучение по промышленной безопасности с использованием программы «Олимпокс» // Олимпокс – обучение и аттестация. Режим доступа: http://olimpoks.com/ (дата обращения: 22.02.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-315-325

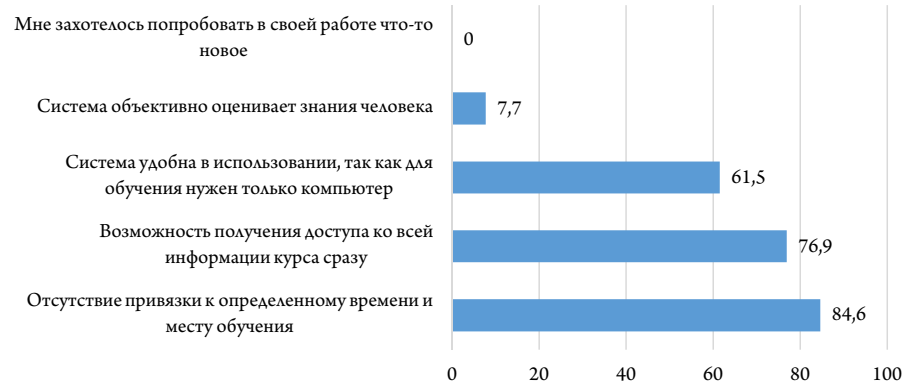

Рис. 1. Причины положительного отношения к системе «Олимпокс» (можно было выбрать несколько вариантов ответа), %
Fig. 1. Reasons for a positive attitude towards the Olympox system (more than one answer could be chosen), %

Рис. 2. Причины отрицательного отношения к системе «Олимпокс» (можно было выбрать несколько вариантов ответа), %
Fig. 2. Reasons for a negative attitude towards the Olympox system (more than one answer could be chosen), %

Рис. 3. Мнение респондентов о причинах, по которым руководство завода решило внедрить систему «Олимпокс» для обучения сотрудников (можно было выбрать несколько вариантов ответа), %
Fig. 3. Opinion of respondents about the reasons why plant management decided to implement the Olympox system for employee training (more than one answer could be chosen), %

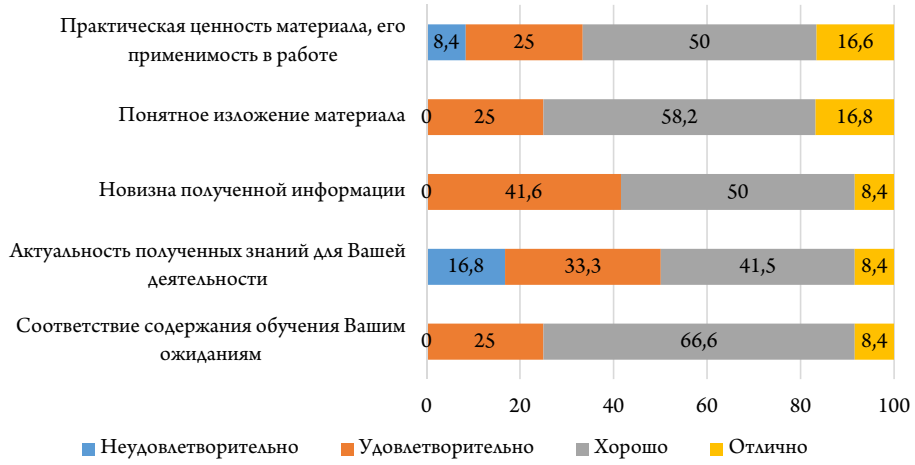

Рис. 4. Степень результативности обучения в системе «Олимпокс»
Fig. 4. Assessment of the effectiveness of training in the Olympox system

Большинство сотрудников отмечают высокую результативность обучения в системе «Олимпокс». Об этом свидетельствуют ответы на вопрос № 10 о повышении уровня знаний по охране труда после обучения в системе «Олимпокс». 11 человек (84,6 %) считают, что в ходе своего обучения они повысили свой уровень знаний, 1 человек (7,7 %) – что его уровень знаний не повысился, 1 человек (7,7 %) затруднился ответить.

Большая часть респондентов признают наиболее эффективным именно заочное обучение персонала. При этом оставшиеся респонденты отмечают важность очного обучения сотрудников, в том числе с сочетанием заочного формата. На вопрос № 11 (На Ваш взгляд, в каком виде обучение охране труда наиболее эффективно?) 7 человек (53,8 %) ответили, что наиболее эффективным является заочное обучение персонала с использованием информационных систем наподобие «Олимпокса». 4 человека (30,8 %) отмечают наибольшую эффективность от обучения в формате, сочетающем очное и заочное обучение. Оставшиеся 2 человека (15,4 %) полагают, что только очное обучение принесет наилучшие результаты.

Ответы на вопрос № 12 о недостатках обучения в системе «Олимпокс» отражают те стороны системы, которые стоит доработать: разнообразить формат представления изучаемой информации, сделать возможным учет должности работника при обучении, предусмотреть возможность повторной сдачи экзамена, исключить зависимость от работы компьютера и Интернета и облегчить усвоение изучаемых нормативных документов.

На вопрос № 13 (Есть ли у Вас предложения по усовершенствованию обучения работы в системе «Олимпокс»?) был получен 1 развернутый ответ с предложением изменить подачу информации таким образом, чтобы теоретическая база была в виде краткого курса лекций по каждому разделу. Остальные респонденты не представили предложений по усовершенствованию работы системы.

После изучения результатов анкетирования можно сделать несколько выводов. Действительно, к достоинствам прохождения обучения можно отнести то, что занятия в электронной системе не предполагают привязки к определенному времени и месту. Среди факторов, связанных с удобством обучения, сотрудники выделили возможность получения знаний только с использованием служебного компьютера и доступ сразу ко всей информации.

К негативной стороне обучения в электронной системе можно отнести то, что обучающий материал представлен исключительно в виде текста. Для изучения охраны труда в системе «Олимпокс» теоретические материалы представлены в виде нормативно-правовых актов по охране труда в России. То есть не было разнообразия при представлении изучаемой информации, несмотря на то, что темы для изучения носили прикладной характер (например, тема *Оказание первой помощи*). Отбор информации для изучения в соответствии с профессией и видом работы обучающегося был бы весьма важным дополнением для обучающей системы: так сотрудники были бы более заинтересованы в своем обучении. Например, для секретаря, работа которого не связана с риском для здоровья и жизни, наиболее логично изучить лишь основные темы по охране труда: Оказание первой помощи, Правила пожарной безопасности. Сотрудникам лабораторий, помимо основ охраны труда, необходимо знать классификации веществ по степени опасности и способы защиты при работе с ними.

Недостаток разнообразия проявляется также в организации экзамена и подготовке к нему. Отработка полученных знаний возможна лишь в виде тестов. Такой подход к организации обучения персонала можно объяснить тем, что завод, являющий базой исследования, – крупная организация с большим количеством сотрудников. Наиболее оперативно обучить работников охране труда возможно в заочном формате с проверкой их знаний посредством тестирования. Вероятно, этот фактор вызвал положительные отзывы сотрудников об обучении в системе «Олимпокс».

При сопоставлении ответов на вопросы № 4 и № 5 была установлена закономерность: работники с большим стажем более положительно относились к обучению. Положительно отозвались о системе 10 из 13 анкетированных сотрудников, а 7 из 10 указали стаж работы более 10 лет, 1 респондент – в интервале 5–10 лет, 1 – 1–5 лет и еще 1 – менее 1 года. Нейтральное мнение было высказано 1 анкетированным со стажем работы более 10 лет и 1 – со стажем менее 1 года. Негативно отозвался о системе 1 сотрудник, который указал свой стаж работы в интервале менее 1 года. Обычно более молодые сотрудники лучше осведомлены о современных технологиях либо имеют повышенный интерес к этой теме. Вышеизложенные причины отчасти могут объяснить более критичное отношение к системе «Олимпокс».

Рекомендации по совершенствованию процессов обучения персонала

На основе проведенного анализа разработаны рекомендации по развитию персонала с помощью обучающих систем. Эти рекомендации адресованы административному персоналу организаций, желающих внедрить электронные обучающие системы в процессы обучения персонала:

1) обучение сотрудников должно быть качественным (т. е. напрямую влияющим на успешную работу сотрудника);
2) необходима обратная связь между руководством и рядовым персоналом организации;
3) важно организовать обучение, которое будет мотивировать сотрудников учиться;
4) обучение должно быть разнообразным и интересным для сотрудника.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-315-325

Реализовать эти рекомендации можно следующим образом: перед внедрением новых методов обучения и после него руководству организации стоит провести анкетирование сотрудников, которых планируется обучить. Так руководство получит обратную связь от подчиненных и сможет предложить модель обучения, которую персонал встретит с интересом и настроем на продуктивную работу. В информационной обучающей системе стоит представлять информацию в виде текстов, иллюстраций, презентаций и видеоуроков, поскольку люди по-разному усваивают информацию. Разнообразие должно проявляться и при проверке усвоения знаний. Тесты, открытые вопросы и кейсы усовершенствуют процесс контроля над уровнем знания и понимания сотрудниками изучаемой информации. Например, можно предложить сотруднику на экзамене задание, где он должен расписать свои действия в случае возникновения возгорания электротехники. Таким образом, повысится качество обучения, и сам процесс обучения станет более интересным для персонала.

При сборе информации для исследования был получен комментарий от сотрудника управления по работе с информационными технологиями завода. Специалист отметил, что использование технологий виртуальной и дополненной реальности вывело бы на новый качественный уровень систему подготовки персонала. Такое мнение неудивительно, поскольку работники, занятые на производстве, могут столкнуться с опасной ситуацией на своем рабочем месте. С VR-технологиями можно отрабатывать навыки и действия в случае чрезвычайных ситуаций на рабочем месте, не вмешиваясь непосредственно в производственные процессы предприятия. Например, с помощью специальных обучающих программ, основанных на VR-технологиях (например, работа на виртуальной модели крана или рабочего стана), можно обучать и проводить аттестации цеховых крановщиков, прорабатывать виды работ в разных погодных условиях или в условиях нештатных ситуаций. Но, к сожалению, приложения виртуальной и дополненной реальности дороги при покупке и в обслуживании, поэтому использовать их при обучении персонала могут далеко не все организации.

В заключении сделаем вывод, что суть работы у информационных обучающих систем наподобие системы «Олимпокс» – обучение работников теоретическим основам материала, изучаемого по курсу, и его отработка на тестах. Однако системы такого рода могут быть более эффективными в том случае, если работа с ними будет дополнена обучением персонала практическим навыкам, которые встречаются в их работе. Для этого организациям необходимо делать задания в своих информационных обучающих системах более ориентированными на практику, а также внедрять системы для отработки практических навыков сотрудников (например, основанные на VR-технологиях). Реализации этого могут помешать ограниченные финансовые возможности учреждения, организационные сложности такого обучения и неготовность административного и рядового персонала компаний к нововведениям. Однако, преодолев эти сложности, организация сможет создать такую систему качественного развития персонала, которая окупит затраты и станет важнейшим фактором развития в целом.

Заключение

Возможность развития персонала с помощью электронных обучающих систем – это благо для работников и их работодателей. Такие системы будут пользоваться популярностью у многих организаций и внедряться многими компаниями, поскольку с их помощью можно обучить сразу множество сотрудников. Также сам процесс обучения в таких системах станет для работников легче. При этом не стоит недооценивать потенциал очного обучения, т. к. наиболее качественное развитие персонала возможно при грамотном сочетании обучения в очном формате с технологиями, позволяющими отработать теорию в виде тестов и открытых вопросов, и практику в виде кейсов и упражнений по отработке рабочих ситуаций в условиях, максимально приближенных к реальным.

Результаты исследования могут быть использованы руководством организаций, желающим внедрить системы дистанционного обучения персонала. Рекомендации по совершенствованию процессов обучения персонала являются теоретической основой для создания нормативных документов, касающихся внедрения и эксплуатации обучающих систем.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Цой Д. В. Трансформация системы управления персоналом в условиях цифровизации экономики // Инновационная наука. 2020. № 1. С. 62–65.
2. Казначеева С. Н., Челнокова Е. А., Челноков А. С., Новожилова Е. В., Казначеев Д. А. Инновационные методы обучения персонала в организации // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 1. Режим доступа: https://esj.today/PDF/43ECVN120.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

3. Звягина Н. В., Пупенцова С. В. Современные подходы в системе развития персонала // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сб. тр. науч.-практ. и учеб. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 июня 2019 г.) СПб: СПбПУ Петра Великого, 2019. С. 167–170.
4. Моисеенко Н. В. Обучение персонала в системе профессионального развития персонала // Профессиональная ориентация. 2018. № 2. С. 79–83.
5. Лазаренко Н. В. Управление развитием персонала предприятий на основе дистанционного высшего образования // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2018. № 7. С. 160–164.
6. Подолянец В. А., Шавырина И. В. К вопросу о внедрении системы дистанционного обучения персонала в организации // Дискурс. 2018. № 5. С. 191–194.
7. Якушев А. А. 3.3 Инновационные подходы к обучению персонала // Управление персоналом организации в условиях цифровизации / под ред. О. С. Резниковой. Симферополь: Ариал, 2020. С. 229–259.
8. Крицкая А. А., Астанина И. А., Тычинская В. И. Дистанционное обучение как современная технология обучения кадров // Синергия наук. 2019. № 41. С. 612–618.
9. Кальда В. Э. Дистанционные технологии в обучении персонала // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 295–300.
10. Авдеева Н. М. Дистанционное обучение сотрудников как способ решения задач управления кадровым потенциалом // Будущее науки – 2015: сб. науч. ст. 3-й Междунар. молодежной науч. конф. (Курск, 23–25 апреля 2015 г.) Курск: Университетская книга, 2015. Т. 1. С. 13–16.
11. Долженко Ю. Ю., Чикота Е. Ю., Позднякова А. С. Рекомендации по повышению квалификации персонала организации с использованием дистанционных форм обучения // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2016. № 1. С. 49–50.
12. Дашкова Е. С., Дорохова Н. В., Зенкова О. А., Исаенко М. И. Инновационные подходы к развитию персонала в российских организациях // Вестник ВГУИТ. 2020. Т. 82. № 3. С. 274–278. https://doi.org/10.20914/2310-1202-2020-3-274-278
13. Иванченко Л. С. Инновационные методы обучения персонала // Телескоп. 2021. № 1. С. 160–164. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_160
14. Корнеев А. Н., Котельникова В. Е. Тенденции в области дистанционного обучения: методы и технологии // Науковедение. 2017. Т. 9. № 6. Режим доступа: https://naukovedenie.ru/PDF/30EVN617.pdf (дата обращения: 02.02.2021).
15. Хадасевич Н. Р., Задоя Ю. Н. Дистанционное обучение как форма, метод и технология обучения персонала // Интеграция наук. 2019. № 1. С. 199–201.
16. Шарипова Э. Х., Кудлаева А. Р. Цифровые технологии в обучении // Управление экономикой, системами, процессами: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 16–17 октября 2020 г.) Пенза: Пензенский ГАУ, 2020. С. 213–215.
17. Мишина А. Н., Демченко Т. С. Система обучения персонала в коммерческих организациях: проблемы и пути совершенствования // Новое поколение. 2016. № 10. С. 246–253.
18. Сучков С. Д. Дистанционные технологии оценки, обучения и развития персонала // Integral. 2020. № 6. С. 230–242.
19. Сластя С. Д. Технологии дистанционного обучения персонала // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 315–319.
20. Турулина Ю. В., Яшкова Е. В., Фильченкова В. Д. Корпоративный портал как способ оптимизации дистанционного обучения персонала // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 6-1. С. 681–686. https://doi.org/10.34755/IROK.2019.5.5.266
21. Облогина К. В., Федотова М. А. Совершенствование системы дистанционного обучения персонала организации // Московский экономический журнал. 2020. № 8. С. 501–510. https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10571
22. Сурнина А. О. Внедрение технологий e-learning в системе обучения персонала // Фундаментальная и прикладная наука: новые вызовы и прорывы: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 26 января 2020 г.) Петрозаводск: Новая Наука, 2020. Ч. 1. С. 197–201.
23. Джабазян А. А. Потребность в дистанционном обучении персонала современной организации // Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам / под ред. Н. Г. Багаутдиновой, Л. Н. Сафиуллина, Н. К. Габдрахманова. Казань: Solo Press; Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 157–158.
24. Блинкова В. А. Совершенствование системы обучения персонала // Цели и пути устойчивого экономического развития: сб. науч. ст. по мат-лам II Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 26 мая 2020 г.) Уфа: Вестник науки, 2020. С. 190–208.
25. Михайлова А. В., Андреева А. Б. Опыт внедрения дистанционного обучения на примере ГАУ «МФЦ по РС (Я)» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20004 (дата обращения: 02.02.2021).

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-315-325

original article

E-learning Systems in the Russian Mining and Metallurgical Sector

Marina I. Kazakova
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, Ekaterinburg

Tatiana V. Selivanova
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, Ekaterinburg; t.s.v16@mail.ru

Received 29 Jun 2021. Accepted after peer review 27 Aug 2021. Accepted for publication 13 Sep 2021.

Abstract: This article focuses on the implementation of the national programme "Digital Economy of the Russian Federation" and the federal project "Human Resources for the Digital Economy" in the organisation of the mining and metallurgical complex. The object of the study is e-learning systems. The subject of the study is the processes of using e-learning systems in the organization-basis of the study relating to the mining and metallurgical complex in Russia. The aim of the work is to develop recommendations for the management of organizations that are going to implement distance learning technology in the educational processes of staff. The methodology of the study includes a survey of employees of the organisation under study on the attitude and quality of training in an e-learning system. The experience of personnel training in enterprises with the help of different information systems is considered. The focus is on the analysis of the use of the training and control system "Olympox" in the organisation of the mining and metallurgy industry. The results of an employee survey are given to find out their attitude to the introduction of an electronic learning information system and to the organization of training processes in it. Recommendations on the improvement of information training systems used for personnel assessment and development are offered. Based on the results of the study, it was determined that the quality of personnel development depends on the competent combination of training in a face-to-face format with technology that allows you to practice theory in the form of tests and open questions and practice in the form of cases and exercises to practice working situations in conditions as close to the real.

Keywords: national programme, digitalisation, staff training, training information system, distance learning, training practices

Citation: Kazakova M. I., Selivanova T. V. Analytical Results of the Use of E-learning System in the Russian Mining and Metallurgical Sector. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2021, 6(3): 315–325. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-315-325

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Tsoi D. V. Personnel management system transformation in the context of digitalisation of economy. *Innovatsionnaia nauka,* 2020, (1): 62–65. (In Russ.)
2. Kaznacheeva S. N., Chelnokova E. A., Chelnokov A. S., Novozhilova E. V., Kaznacheev D. A. Innovative methods of staff training in the organization. *Vestnik evraziiskoi nauki,* 2020, 12(1). Available at: https://esj.today/PDF/43ECVN120.pdf (accessed 2 Feb 2021). (In Russ.)
3. Zvyagina N. V., Pupentsova S. V. Modern approaches in the system personnel development. *Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade:* Proc. Sci.-Prac. and Educational Conf., St. Petersburg, 4–6 Jun 2019. St. Petersburg: SPbPU Petra Velikogo, 2019, 167–170. (In Russ.)
4. Moiseenko N. V. Personnel training in the system of personnel professional development. *Professionalnaia orientatsiia,* 2018, (2): 79–83. (In Russ.)
5. Lazarenko N. V. Management of personnel development of enterprises on the basis of distance higher education. *Strategiia predpriiatiia v kontekste povysheniia ego konkurentosposobnosti*, 2018, (7): 160–164. (In Russ.)
6. Podolyanets V. A., Shavyrina I. V. The question of the introduction of distance learning system in the organization. *Diskurs*, 2018, (5): 191–194. (In Russ.)
7. Yakushev A. A. 3.3 Innovative approaches to staff training. *Managing an organisation's workforce in a digital environment*, ed. Reznikova O. S. Simferopol: Arial, 2020, 229–259. (In Russ.)
8. Kritskaya A. A., Astanina I. A., Tychinskaya V. I. Remote learning as a modern technology of staff training. *Sinergiia nauk*, 2019, (41): 612–618. (In Russ.)
9. Kalda V. E. Remote technologies in personnel training. *Professionalnaia orientatsiia*, 2017, (1): 295–300. (In Russ.)

 © 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

10. Avdeeva N. M. Distant training of employees as a way to solve problems of personnel potential management. *The future of science – 2015*: Proc. 3rd Intern. Youth Sci. Conf., Kursk, 23–25 Apr 2015. Kursk: Universitetskaia kniga, 2015, vol. 1, 13–16. (In Russ.)
11. Dolzhenko Yu. Yu., Chikota E. Yu., Pozdnyakova A. S. Recommendations for qualifications of the personnel organization, using distance learning. *Innovatsionnaia ekonomika: informatsiia, analitika, prognozy*, 2016, (1): 49–50. (In Russ.)
12. Dashkova E. S., Dorokhova N. V., Zenkova O. A., Isaenko M. I. Innovative approaches to personnel development in Russian organizations. *Proceedings of VGUET*, 2020, 82(3): 274–278. (In Russ.) https://doi.org/10.20914/2310-1202-2020-3-274-278
13. Ivanchenko L. S. Innovative methods of human resources training. *Teleskop*, 2021, (1): 160–164. (In Russ.) https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_160
14. Korneev A. N., Kotelnikova V. E. Trends in distance learning: methods and technologies. *Naukovedenie,* 2017, 9(6). Available at: https://naukovedenie.ru/PDF/30EVN617.pdf (accessed 2 Feb 2021). (In Russ.)
15. Hadasevich N. R., Zadoya Yu. N. Distance learning as a form, method and technology of teaching personnel. *Integratsiia nauk*, 2019, (1): 199–201. (In Russ.)
16. Sharipova E. Kh., Kudlaeva A. R. Digital technologies in personnel training. *Management of economy, systems, processes*: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 16–17 Oct 2020. Penza: Penzenskii GAU, 2020, 213–215. (In Russ.)
17. Mishina A. N., Demchenko T. S. Personnel training system in commercial organizations: problems and ways to improve. *New generation*, 2016, (10): 246–253. (In Russ.)
18. Suchkov S. D. Remote technologies for personnel assessment, training and development. *International journal of applied Sciences and technologies Integral,* 2020, (6): 230–242. (In Russ.)
19. Slastya S. D. Remote technologies in training. *Professionalnaia orientatsiia,* 2017, (1): 315–319. (In Russ.)
20. Turulina Iu. V., Iashkova E. V., Filchenkova V. D. Corporate portal as a way optimization of distance learning. *Aktualnye voprosy sovremennoi ekonomiki*, 2019, (6-1): 681–686. (In Russ.) https://doi.org/10.34755/IROK.2019.5.5.266
21. Oblogina K. V., Fedotova M. A. Improvement of distance learning system of staff. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal,* 2020, (8): 501–510. (In Russ.)
22. Surnina A. O. Implementation of e-learning technologies in personnel training system. *Fundamental and applied science: new challenges and breakthroughs*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Petrozavodsk, 26 Jan 2020. Petrozavodsk: Novaia Nauka, 2020, pt. 1, 197–201. (In Russ.)
23. Dzhabazian A. A. The need for distance learning of modern organization personnel. International Symposium of Management, *Economics and Finance,* eds. Bagautdinova N. G., Safiullin L. N., Gabdrakhmanov N. K. Kazan: Solo Press; Izd-vo Kazan. un-ta, 2016, 157–158. (In Russ.)
24. Blinkova V. A. Improvement of personnel training system. *Aims and ways of sustainable economic development*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa: 26 May 2020. Ufa: Vestnik nauki, 2020, 190–208. (In Russ.)
25. Mikhaylova A. V., Andreeva A. B. Experience of introduction of distance learning on the example of GAU "MFTS on RS (Y)". *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (1-2). Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20004 (accessed 2 Feb 2021). (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338

оригинальная статья

Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса

Елена Алексеевна Морозова
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; https://orcid.org/0000-0003-2215-9808; morea@inbox.ru

Оксана Петровна Кочнева
Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, г. Кемерово

Поступила в редакцию 06.09.2021. Принята после рецензирования 27.09.2021. Принята в печать11.10.2021.

Аннотация: Миграционная активность населения, особенно молодежная, растет во всем мире, в том числе в России и ее регионах. Это естественный процесс, остановить который невозможно. Но для многих территорий, где показатели выбытия жителей значительно превышают показатели прибытия, миграция становится серьезным фактором ухудшения социально-экономической ситуации, что обусловливает необходимость исследования ее причин, а также поиск путей сокращения. Цель исследования – анализ факторов и мотивов оттока молодежи из Кемеровской области – Кузбасса, а также возможных мер по его снижению. Эмпирической базой стала статистическая информация и данные исследований регионального социологического центра, проводимые в Кемеровской области с 2015 г. По данным статистики, в Кузбассе за последние 20 лет наблюдается постоянное сокращение общей численности населения как за счет естественной убыли, так и за счет миграционного оттока. Последний обеспечивает большей частью молодежь, которая по окончании образовательных организаций стремится уехать из родного региона для продолжения обучения или поиска работы. В качестве основных причин оттока населения потенциальные мигранты называют отсутствие перспектив для личностного и профессионального роста, недостаток интересных рабочих мест для успешного трудоустройства, стремление жить в более крупных и комфортных городах, невысокие заработки, плохую экологию, плохие условия для культурного развития, низкий уровень жизни. Соответственно, по мнению молодежи, массовую миграцию из региона могут остановить высокий уровень оплаты труда, наличие рабочих мест для трудоустройства, широкий перечень качественных социальных услуг, льготные возможности для приобретения жилья, хорошие условия для развития и досуга людей, надежная экономика, благоприятная экология и т. п.

Ключевые слова: миграция, мобильность, мотивы миграции, трудовой потенциал, отток населения, студенты, школьники, образовательные и профессиональные планы

Цитирование: Морозова Е. А., Кочнева О. П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 326–338. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338

Введение

Русский язык богат на пословицы и поговорки. Есть среди них и отражающие проблематику миграции населения, в частности, молодежи, которая влияет на обеспечение муниципальных образований, регионов, стран трудовыми ресурсами. Например, пословица «Где родился, там и пригодился» показывает ценности патриотизма, преданности малой родине, стремления приносить пользу родной земле, ближнему социуму. А выражение «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше» говорит о том, что природа человека заставляет его заниматься поиском наиболее благоприятных условий для жизни, трудовой деятельности, заработка.

На выбор того или иногда варианта поведения людей влияет множество факторов (экономических, политических, духовных, социальных, личностных). В России в последние десятилетия, когда изменился общий тренд социально-экономической и политической жизни, трансформировалась идеологическая платформа общества, второй подход стал преобладать над первым: население демонстрирует больше мобильности и активности в поиске комфортного места жительства и достойных условий труда. С одной стороны, это свидетельствует о росте общего уровня благосостояния российского общества, расширении социальных прав и свобод, с другой – об обострении проблем, связанных с обеспечением территорий рабочей силой, особенно тех, которые не отличаются высоким уровнем социально-экономического развития.

Целью настоящего исследования явился анализ причин и мотивов оттока молодежи из Кемеровской области – Кузбасса, а также возможных мер по его снижению.

Методы и материалы

В качестве методологической основы исследования выступают труды современных ученых по вопросам миграции вообще и молодежной миграции в частности. Тема миграции волнует умы исследователей не первое столетие, поскольку, по утверждению Л. Л. Рыбаковского, «миграция населения – массовое всемирно-историческое явление, оно присуще всему миру, всем странам и народам, оно существует сегодня, было вчера, было тысячи лет назад, было и в тот период, когда возник на Земле

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

древний человек и вместе с ним человеческое сообщество с его социальной сущностью» [1, с. 17].

Ряд зарубежных исследователей разных отраслей знания (Г. Равенштайн [2, с. 173–177, 201–206, 229–233], Д. Массей [3], В. Зелински [4], С. Стоффер [5], Э. С. Ли [6], Д. К. Зипф [7]) внесли большой вклад в формирование теории и практики изучения различных аспектов миграции населения.

В России миграционная тематика прошла свой сложный путь становления и развития, включая советский [8–15] и постсоветский периоды [16–22]. Несмотря на многолетнюю дискуссию, ученые пока не пришли к единой трактовке как понятия *миграция*, так и его соотношения со смежными терминами: *территориальное перемещение, мобильность, миграционный процесс, миграционное поведение* и т. п.

Мы разделяем точку зрения, что «миграции населения – это территориальные перемещения, представляющие серии событий, локализованных в пространстве и времени, совершаемые только между разными населенными пунктами, причем эти перемещения фиксируются тем или иным способом» [1, с. 47].

Отдельное направление миграционных исследований связано с молодежной миграцией. В последние годы оно сильно актуализировалось в связи с ростом территориальных перемещений и потенциальной мобильности юношей и девушек [23–40]. По результатам исследования Левада-центра, 53 % опрошенных россиян в возрасте от 18 до 24 лет допускают для себя возможность уехать из страны[1]. Специалисты опасаются, что отток молодежи из государства, которое остро нуждается в людях, обладающих современными знаниями, способных быстро находить и успешно осваивать новое, адаптироваться к изменяющимся условиям, может серьезно ограничить возможности инновационного развития. Серьезный урон экономике и социальной сфере как страны в целом, так и отдельных регионов наносит и внутренняя миграция. Молодежь с хорошим образованием покидает родные, но бедные регионы, а перебравшись в крупные города, может рассчитывать только на низкоквалифицированную работу. Таким образом, человек постепенно утрачивает профессиональные компетенции, сформированные за время обучения, а государство теряет специалиста и потраченные на его подготовку средства [41, с. 143, 145–146].

В настоящее время важно не только анализировать показатели миграции, причины перемещений, но и жизненные планы молодежи, а также факторы сдерживания ее миграционной активности. Ученые считают, что исследование миграционных намерений необходимо для оценки масштаба и структуры потенциальной миграции в контексте конкретного региона, поскольку от них зависит социально-экономическое развитие территорий [24, с. 99].

Эмпирическая часть исследования опирается на методы анализа статистических данных и результатов социологических исследований. Источником статистической информации явился сайт Росстата[2], на котором размещены актуальные данные о численности населения и миграционных процессах в России и субъектах федерации (для анализа взят период с 2001 г. по 2019–2020 гг.), а также ведомственная статистика департамента образования Кемеровской области – Кузбасса о количестве выпускников общеобразовательных школ, выезжающих за пределы региона (за 2015–2020 гг.). Основным же информационным источником являются данные ряда социологических исследований, проведенных под руководством авторов статьи в Кемеровской области.

Представим краткую информацию о каждом исследовании и его обозначении в таблицах. Первое организовано в 2015 г. среди учеников 10–11 классов общеобразовательных организаций семи городов и четырех муниципальных районов Кемеровской области[3] (910 человек), второе – в 2019 г. среди студентов девяти кемеровских профессиональных образовательных организаций[4] (900 человек), третье и четвертое – в 2020 г. среди 11-х классов шестнадцати общеобразовательных организаций и студентов третьего и старше курсов (бакалавриата и специалитета) шести высших учебных заведений г. Кемерово[5] (400 и 450 человек соответственно), пятое – в конце 2020 – начале 2021 г. среди учащихся 10–11 классов 219 общеобразовательных организаций всех 34 муниципальных образований Кузбасса[6] (3251 человек). В первых четырех исследованиях для сбора данных применялся метод группового опроса, в пятом – онлайн-анкетирование с использованием информационной системы организации-партнера (КРИПКиПРО).

Результаты

Миграция как фактор снижения численности населения

По 20-летним данным статистики, для большинства российских регионов характерно уменьшение численности населения (лишь в 18 из 85 субъектов федерации имелся прирост числа жителей). Не является исключением и Кемеровская область, в которой за два десятка лет среднегодовая численность населения снизилась примерно на 10 %.

[1] «Левада-центр»: 53 % молодых россиян хотят уехать из страны // Ведомости. 26.11.2019. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/11/26/817166-53-rossiyan-let-hoteli-bi-uehat-iz-strani (дата обращения: 27.08.2021).

[2] Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 27.08.2021).

[3] В таблицах данная группа респондентов условно обозначена как «Школьники КО 2015».

[4] Студенты ПОО Кемерова 2019.

[5] Школьники Кемерова 2020 и Студенты Кемерова 2020.

[6] Школьники КО 2020.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338

По России же в целом за этот период наблюдается незначительный рост числа жителей – на 0,3 %. Но если в стране за 20 лет численность населения в какие-то периоды уменьшалась (до 2008 г. и с 2018 г.), в какие-то увеличивалась (с 2009 по 2017 гг.), то для Кузбасса характерна стабильная тенденция постоянного снижения числа проживающих (рис. 1).

Снижение численности населения в российских регионах (в т. ч. в Кузбассе) обусловлено двумя основными факторами: сокращением естественной прибыли и миграционным оттоком жителей. Миграционный фактор особенно сильно сказывается на ряде регионов. Так, по последним статданным за 2020 г. в число самых неблагоприятных территорий по показателю миграционного прироста (85–80 места в РФ) попали Чукотский автономный округ, Мурманская область, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Омская область, Астраханская область (от –157,3 до –57,3 человек на 10000 человек населения). Кемеровская область – Кузбасс по данному показателю в 2020 г. занимала 55 место в России. На рис. 2 представлены показатели миграционного прироста населения в среднем по РФ и по Кемеровской области.

В Кузбассе, начиная с 2010 г., фиксируется устойчивый отрицательный коэффициент миграционного прироста. Самым значительным он был в 2018 г. Отток населения из регионов во многом определяет молодежная миграция. Так, в Кемеровской области за последние годы более трети выпускников 11-х классов общеобразовательных учреждений покидают родной регион (табл. 1).

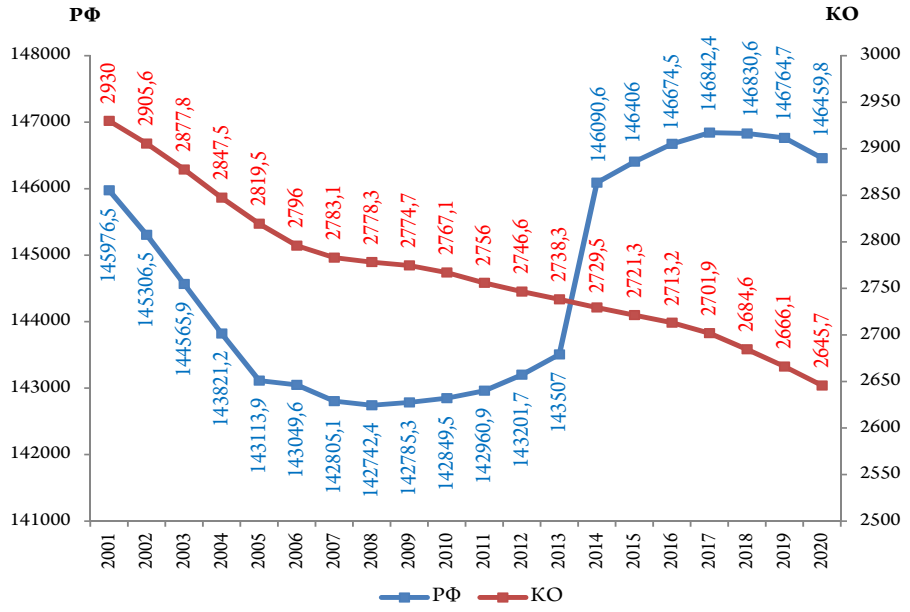

Рис. 1. Среднегодовая численность населения Кемеровской области – Кузбасса и РФ (тыс. человек)
Fig. 1. Average annual population of the Kemerovo Region and the Russian Federation (thousand people)

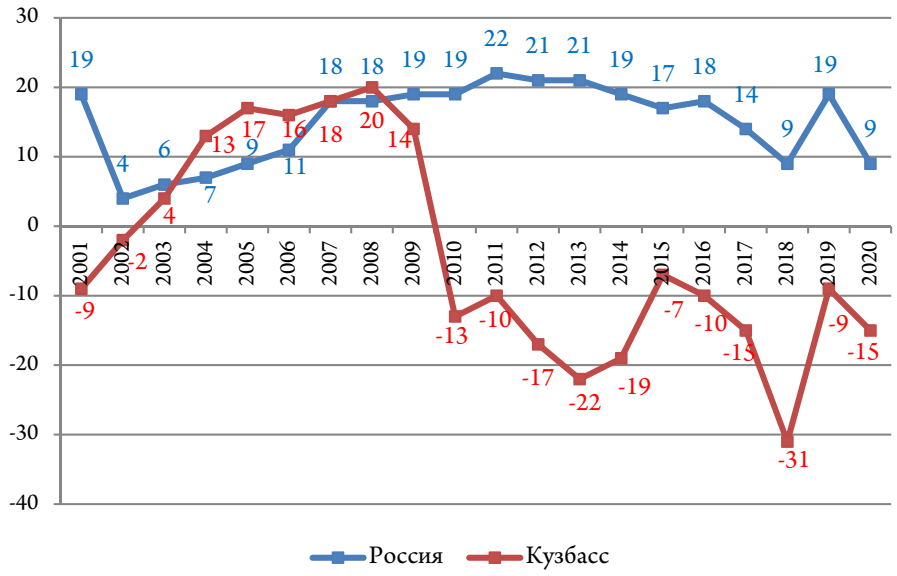

Рис. 2. Коэффициент миграционного прироста (убыли) на n=10000
Fig. 2. Coefficient of migration growth (loss) per 10,000 people

Табл. 1. Количество и доля выпускников 11-х классов, выехавших за пределы Кемеровской области – Кузбасса
Tab. 1. Number and share of high school graduates who left the Kemerovo Region

Год	Количество выпускников ОО	Количество выехавших за пределы КО	Доля выехавших за пределы КО, %
2015	9504	3242	34,11
2016	9418	3203	34,00
2017	9447	3310	35,03
2018	10172	3834	37,69
2019	10586	4296	40,58
2020	10403	3946	37,93

Наметившаяся тенденция роста числа уезжающих из региона выпускников школ в 2020 г. была нарушена, скорее всего, из-за пандемии COVID-19. Но если учесть, что кроме получивших аттестаты зрелости из региона уезжают выпускники средних профессиональных и высших образовательных организаций, а также работающее население до 35 лет, то показатели оттока молодого населения будут более высокими.

Миграционные настроения молодежи Кузбасса

Несмотря на то, что Кемеровская область не относится к числу регионов с самыми низкими показатели миграционного прироста, факт отрицательного сальдо миграции на фоне убывания общей численности населения является весьма тревожным и требует дополнительного изучения. В этой связи в Кузбассе периодически проводятся социологические исследования, выясняющие миграционные настроения молодежи. Первое исследование, осуществленное в 2015 г. среди учеников 10–11 классов, показало, что 70 % старшеклассников хотели бы получать высшее образование за пределами Кузбасса. Мало того, лишь 18 % выпускников образовательных организаций общего образования были намерены жить и работать там, где заканчивали среднюю школу (чаще это менее успешные в учебе школьники, жители больших городов и учащиеся обычных школ). Еще 12 % старшеклассников планировали перебраться после получения профессии в другой населенный пункт родного региона (прежде всего, жители муниципальных районов). А остальные юные кузбассовцы хотели покинуть область и трудоустроиться в другом регионе России (в первую очередь, девушки, отличники, выпускники «продвинутых» школ[7], жители малых и средних городов) или даже в другой стране (чаще девушки, отличники и хорошисты, обучающиеся в «продвинутых» школах и проживающие в больших городах – табл. 2 и 3).

По месту нынешней учебы хотят в будущем жить и работать в основном школьники больших городов и обычных школ; переехать в другой населенный пункт в пределах Кемеровской области готовы чаще других представители сельских территорий, в другой регион России – старшеклассники из «продвинутых» школ и проживающие в средних и малых городах, а в другую страну – жители крупных городов.

Табл. 2. Планы на жизнь и работу после получения профессионального образования в зависимости от типа населенного пункта, %
Tab. 2. Plans for life and work after graduation, depending on the type of settlement, %

Варианты ответа	Крупные города	Средние и малые города	Сельские районы
Остаться по месту жительства	25,4	13,2	14,5
Переехать в другой населенный пункт КО	3,6	16,2	22,6
Переехать в другой регион России	45,8	57,1	36,5
Переехать в другую страну	15,6	7,4	3,8
Другой вариант	0,8	1,1	1,9
Затруднились ответить	19,3	14,8	26,4

Табл. 3. Планы на жизнь и работу после получения профессионального образования в зависимости от типа школы, %
Tab. 3. Plans for life and work after graduation, depending on the type of school, %

Варианты ответа	Обычная	Продвинутая
Остаться по месту жительства	23,0	14,1
Переехать в другой населенный пункт КО	12,9	11,5
Переехать в другой регион России	43,2	54,1
Переехать в другую страну	8,9	11,3
Другой вариант	0,7	1,5
Затруднились ответить	19,2	9,4

Исследования, проведенные в 2019–2020 гг. среди различных категорий обучающихся, во многом подтвердили данные 2015 г. Так, по результатам масштабного онлайн-

[7] Подгруппа «продвинутых» школ объединяет гимназии, лицеи и школы с углубленным изучением отдельных предметов.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338

опроса кузбасских старшеклассников, только 29 % не мечтают (не планируют) уехать из Кузбасса. Анкетирование одиннадцатиклассников и студентов вузов г. Кемерово в 2020 г. показало, что 80 % старшеклассников готовы поступать в вузы за пределами Кемеровской области; только 16 % учащихся 10–11 классов и 29 % нынешних кемеровских студентов вузов в будущем планируют работать и жить в Кузбассе. Более патриотичное отношение к Кузбассу демонстрируют студенты кемеровских техникумов и колледжей, которым аналогичный вопрос адресовался осенью 2019 г. В данном случае около 40 % обучающихся были готовы остаться в Кузбассе (табл. 4).

Табл. 4. Ответы на вопрос «Где Вы хотели бы жить и работать после окончания обучения?», % от числа опрошенных
Tab. 4. Responses to "Where would you like to live and work after graduation?", % of the respondents

Варианты ответа	Школьники Кемерова 2020 (n=400)	Студенты Кемерова 2020 (n=250)	Студенты ПОО Кемерова 2019 (n=900)
В городе Кемерово	16	25	35
В другом населенном пункте КО	–	4	3
В другом городе, регионе России	48	48	32
В другой стране	14	14	9
Другой вариант	1	0	1
Затрудняетесь ответить	21	19	22

Таким образом, проведенные в Кемеровской области и ее столице социологические исследования наглядно показывают высокий уровень готовности выпускников образовательных организаций покинуть родной регион для продолжения обучения, работы и жизни.

Причины миграционных намерений молодежи

Для выяснения причин миграционных настроений молодежи им задавались специальные вопросы, ответы на которые позволили выявить основные мотивы желания покинуть Кузбасс. Поскольку доказано, что «наиболее высокая мобильность молодежи, как международная, так и внутренняя, происходит в основном в связи с получением высшего образования» [28, с. 419] соответствующий вопрос адресовался прежде всего старшеклассникам, которые намеревались обучаться не в кузбасских вузах, а также студентам кемеровских университетов и институтов, желающим получить более высокую ступень образования или второе высшее образование (табл. 5).

В число самых значимых причин выбора молодежью для дальнейшего обучения не кузбасских вузов попали: более высокая престижность образовательных организаций;

Табл. 5. Ответы на вопрос «Почему Вы намерены поступать в вуз за пределами Кемеровской области?», % от числа ответивших
Tab. 5. Responses to "Why do you want to enter a university outside Kuzbass?", % of the respondents

Варианты ответа	Школьники КО 2015 (n=641)	Школьники КО 2020 (n=2276)	Студенты Кемерова 2020 (n=193)
Это более престижный вуз, чем кузбасские вузы	57	54	43
В кузбасских вузах нет подготовки по той профессии, которую Вы хотите получить	25	26	21
Просто хотите уехать из Кемеровской области	35	38	47
У Вас живут родственники в том регионе, где Вы планируете учиться	17	13	21
В этом вузе дают более качественное образование, чем в кузбасских вузах	37	26	24
Вуз ведет очень активную агитационную компанию, чем привлек Вас	6	4	2
Советуют родители, родственники	17	10	5
Советуют школьные учителя, одноклассники (преподаватели, одногруппники)	5	1	1
Поступаете вместе с друзьями (по примеру друзей)	6	3	4
В вузе хорошая материально-техническая база, комфортные условия	21	10	10
Имеете льготы при поступлении	2	1	2
Не можете сказать определенно	11	1	9
Другие причины	3	9	5
В ОО имеются хорошие условия для научных исследований	–	–	8
В ОО больше возможности поступить на бюджетное место / более низкая плата за обучение	–	–	9
Планируете по окончании ОО остаться жить в городе / регионе, где она расположена	–	–	42

намерение уехать из региона; желание получить более качественное образование; отсутствие в Кузбассе востребованных направлений подготовки. Студенты кемеровских вузов, в чьей анкете был более широкий перечень предлагаемых вариантов ответов, часто говорили и о планах остаться жить по окончании образовательной организации на той территории, где она расположена,

т. е. часть молодежи выбирают вуз там, где хотят в дальнейшем обосноваться.

К сожалению, кузбассовцы, которые уезжают из региона на обучение, редко возвращаются на родину. Поэтому важно знать не только причины, толкающие молодежь обучаться за пределами Кемеровской области, но и причины нежелания жить в Кузбассе. Подобный вопрос адресовался в 2020 г. старшеклассникам области и в 2019 г. студентам ПОО г. Кемерово (табл. 6).

Итак, основные факторы, определяющие нежелание жить в Кемеровской области, сводятся к следующим: отсутствие перспектив для личностного и профессионального роста; недостаток интересных рабочих мест для успешного трудоустройства; стремление жить в более крупных и комфортных городах; невысокие заработки; плохая экология; плохие условия для культурного развития; низкий уровень жизни. Похожий вопрос адресовался кемеровским школьникам и студентам вузов в 2020 г. (табл. 7).

Табл. 6. Ответы на вопрос «Почему Вы хотите уехать из Кемеровской области?», % от числа ответивших
Tab. 6. Responses to "Why do you want to leave the Kemerovo Region?", % of the respondents

Варианты ответа	Студенты ПОО Кемерова 2019 (n=507)	Школьники КО 2020 (n=2308)
Нет перспектив для личностного, профессионального роста и развития	50	55
Мало возможностей для успешного трудоустройства	43	30
Хочется жить в более крупном, интересном, комфортном месте	34	23
Размер заработной платы ниже, чем в других городах (регионах)	33	21
Плохая экология, а это негативно отражается на здоровье	27	35
Мало возможностей для культурного развития	19	20
Низкий уровень жизни населения	18	24
Плохие природно-климатические условия	13	7
Знакомые (друзья) уехали из Кузбасса и довольны этим	13	7
Низкий уровень развития индустрии досуга и отдыха	13	17
Плохое здравоохранение	12	14
Плохая транспортная инфраструктура	11	4
Расположение вдали от центральной части РФ и европейских стран	7	7
Высокий уровень преступности	7	6
Рекомендуют / настаивают родители (близкие родственники)	6	4
Нет ОО по интересующему направлению / специальности / профессии	4	8
Другие причины	4	1
Затрудняетесь ответить	9	11

Табл. 7. Ответы на вопрос «Почему Вы не хотите жить и работать в городе Кемерово?», % от числа ответивших
Tab. 7. Responses to "What prevents you from staying and working in Kemerovo?", % of the respondents

Варианты ответа	Студенты Кемерова 2020 (n=337)	Школьники Кемерова 2020 (n=330)
Неблагоприятные природно-климатические условия	23	15
Плохая экология	42	26
Низкий уровень развития экономики	20	21
Неразвитость социальной сферы (здравоохранения, образования, культуры, досуга и т. п.)	26	27
Низкий уровень жизни населения	27	21
Мало возможностей для успешного трудоустройства	37	49
Нет перспектив для личностного, профессионального роста	24	44
На отъезде настаивают родители, другие родственники	2	2
Желание жить в более крупном, комфортном, интересном месте	34	32
Удаленность от центральной части РФ и европейских стран	8	6
Желание жить в другой стране	9	11
Другие причины	1	1
Затрудняетесь ответить	5	6

Так, молодежь больше всего обеспокоена условиями для успешного трудоустройства; отсутствием перспектив для личностного и профессионального роста; плохой экологией; неразвитостью социальной сферы; низким уровнем жизни; низким уровнем развития экономики; неблагоприятными природно-климатическими условиями. А треть опрошенной молодежи, планирующей уехать из Кемерова, говорит о желании жить в более крупном, комфортном, интересном месте. Планируя уехать из Кемеровской области, учащиеся надеются прежде всего получить интересную работу (профессию); иметь высокие заработки; рассчитывают на карьерный рост; возможность творчески и профессионально реализоваться.

Мы согласны с мнением, что «выбор, который делают молодые люди, решая, куда поехать учиться, зависит не только от мощности вузовских центров, но и от общей направленности миграционных потоков в стране, от социально-экономической ситуации в регионах.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338

Получение высшего образования – для многих благоприятная возможность совершить этот переезд с меньшими издержками, получить первый важный опыт миграции в самом молодом возрасте» [27, с. 196].

Факторы изменения миграционных намерений

Рассмотрим мнения обучающихся о возможных причинах и условиях сдерживания оттока молодежи из Кузбасса. Еще в 2015 г. старшеклассники, намеренные получать дальнейшее образование за пределами Кемеровской области, перечислили возможные условия, которые могут повлиять на их миграционные планы. В 2020 г. в исследовании приняли участие 10–11-классники области и студенты кемеровских вузов (табл. 8).

Табл. 8. Ответы на вопрос «При каких условиях Вы можете изменить свои планы и остаться в Кемеровской области для получения высшего или среднего профессионального образования?», % от числа ответивших

Tab. 8. Responses to "Under what conditions would you consider staying in the Kemerovo Region to get higher or vocational education?", % of the respondents

Варианты ответа	Школьники КО 2015 (n=648)	Школьники КО 2020 (n=324)	Студенты Кемерова 2020 (n=257)
Не сможете поступить на бюджетное место в ОО за пределами КО / г. Кемерово	52	57	41
Не сможете поступить ни на бюджетное, ни на платное место в ОО за пределами КО / г. Кемерово	24	26	22
Высокий уровень расходов на проживание в другом регионе (на жилье, питание и т. п.)	22	17	22
В ОО не поступят те, с кем Вы вместе планируете учиться	1	3	2
Не отпустят родственники в другой город / регион	9	7	4
Проблемы со здоровьем (Вашим или Ваших близких)	14	15	16
Не понравится ОО, условия обучения и проживания	16	13	20
Другие условия	2	3	7
Ни при каких	15	21	15
Не можете ответить определенно	9	6	12

Основные причины, способные повлиять на планы молодежи поступать в образовательные организации за пределами Кузбасса, за пять лет не изменились. Это «провал» при поступлении на бюджетное место или на любое место в вузе; высокая материальная нагрузка; проблемы со здоровьем; неудовлетворительные условия обучения и проживания. Следует подчеркнуть, что часть юношей и девушек (15–20 %) утверждают, что их не смогут остановить никакие обстоятельства, они в любом случае уедут из Кемеровской области. Для кемеровских студентов ПОО в 2019 г. и для 10–11-классников области в 2020 г. вопрос об условиях отказа от отъезда из региона звучал более глобально (табл. 9).

Табл. 9. Ответы на вопрос «При каких условиях Вы можете изменить свои намерения и остаться работать / жить / продолжить обучение (после получения СПО) в Кемеровской области?», % от числа ответивших

Tab. 9. Responses to "Under what conditions would you consider staying in the Kemerovo Region to work / live / study?", % of the respondents

Варианты ответа	Студенты ПОО Кемерова 2019 (n=509)	Школьники КО 2020 (n=2276)
Появятся перспективы для личностного, профессионального роста и развития	41	29
Улучшатся условия жизни в целом	32	25
Не сможете найти подходящую работу за пределами КО	27	21
Семейные обстоятельства (вступление в брак, рождение детей)	26	14
Не будет жилья за пределами КО	14	10
Проблемы со здоровьем (Вашим или Ваших близких)	14	6
Улучшится экологическая обстановка	14	14
Будет возможность продолжить обучение по интересующему направлению / специальности / профессии	13	10
Станут более доступными цены на авиа- и железнодорожные билеты на федеральные и международные рейсы	12	3
Родители, другие родственники останутся жить в КО	12	8
Не отпустят родители в другой регион	5	6
Будет более активно формироваться позитивный имидж КО	5	4
Другие условия	2	1
Ни при каких	14	16
Не можете ответить определенно	6	8

В качестве основных условий «верности» региону молодежь называет: наличие перспектив для личностного и профессионального роста и развития и улучшение условий жизни в области. У многих обучающихся более прозаичные поводы остаться на малой родине – проблемы с поиском работы в других регионах или семейные обстоятельства. Остальные условия отмечались значительно реже. А около 15 % учащихся заявили, что ни при каких обстоятельствах не останутся в Кузбассе.

При определении сдерживающих факторов оттока молодежи необходимо учитывать их опасения проживания вдали от родителей. 10–11-классники области поделились мнениями на этот счет (табл. 10).

Табл. 10. Ответы на вопрос «Какие проблемы, риски и ограничения Вы видите для тех выпускников школ, которые намерены обучаться / проживать / работать за пределами Кемеровской области?», % от числа опрошенных
Tab. 10. Responses to "What problems, risks, and limitations do you see for those school graduates who intend to leave the Kemerovo region to study / live / work somewhere else?", % of the respondents

Варианты ответа	Школьники КО 2020 (n=3251)
Отсутствие собственного жилья	45
Рост материальных затрат, недостаток денег	40
Необходимость самостоятельно (вне семьи) решать бытовые вопросы	22
Разрыв между ожиданиями и реальностью	20
Сложная социально-психологическая адаптация на новом месте	18
Психологические переживания по поводу расставания с семьей, друзьями	17
Сложная акклиматизация	6
Другое	0,3
Никаких рисков и ограничений	14
Не можете ответить определенно	10

Чаще всего школьников смущают бытовые проблемы (55,6 %), однако для многих важны и социально-психологические риски возможного переезда (31,7 %). Лишь 14 % юношей и девушек не видят никаких рисков и проблем в ситуации переезда от родительских семей в другие регионы.

Возможные пути сдерживания молодежной миграции

Выявленные причины миграционных настроений молодежи во многом определяют возможные направления мер по снижению оттока населения. Естественно, что, прежде всего, необходимо повысить уровень привлекательности региона в целом, а это многоуровневая, сложная, затратная задача, которую быстро решить невозможно. Об этом свидетельствуют и ответы молодежи на прямые вопросы о путях сдерживания миграции (табл. 11).

Из приведенных данных следует, что для молодежи важно, чтобы в регионе были: высокий уровень оплаты труда, рабочие места для трудоустройства, широкий перечень качественных социальных услуг, льготные возможности для приобретения жилья, хорошие условия для развития и досуга людей, надежная экономика, благоприятная экология и т. п. Подобные ответы были получены и в ходе городского опроса старшеклассников и студентов вузов в 2020 г. (табл. 12).

Табл. 11. Ответы на вопрос «Что необходимо сделать для того, чтобы молодежь оставалась в Кемеровской области?», % от числа опрошенных
Tab. 11. Responses to "What should be done to encourage young people stay in the Kemerovo Region?", % of the respondents

Варианты ответа	Студенты ПОО Кемерова 2019 (n=900)	Школьники КО 2020 (n=3251)
Повысить уровень заработной платы	72	58
Создать новые рабочие места	60	51
Расширить спектр и качество социальных услуг (медицинских, образовательных, культурных и т. д.)	41	38
Предоставить молодежи льготные возможности для приобретения жилья	35	19
Создать условия для интересного досуга, развития людей	30	25
Укрепить экономику	29	40
Улучшить экологию	27	30
Улучшить транспортную инфраструктуру	22	10
Обеспечить безопасность (личности, имущества, информации и т. д.)	17	9
Обеспечить финансовую и транспортную доступность для поездок в европейскую часть РФ и за рубеж	15	12
Повысить имидж региона в стране	14	25
Другое	2	1
Не можете ответить определенно	6	11

Ранее было отмечено, что миграционный настрой в большей мере характерен для более успешных обучающихся, получивших образование в «продвинутых» образовательных организациях. Выпускники общеобразовательных школ, получившие высокие баллы на ЕГЭ, стремятся поступать в престижные вузы страны и покидают Кузбасс. Эта тенденция не оценивалась бы как отрицательный факт, если, получив качественное профессиональное образование, молодежь возвращалась бы в регион. Но, к сожалению, возвращаются немногие. Поэтому встает вопрос «удержания» высокобалльников в родной области. Еще в 2015 г. опрошенные старшеклассники указали на многие меры, которые, на их взгляд, могли бы сдержать отток отличников и хорошистов из Кузбасса. Более поздние областные опросы 10–11-классников также указывают на целесообразность поиска и применения таких акций (табл. 13).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
политические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338

Табл. 12. Ответы на вопрос «Что необходимо сделать для того, чтобы молодежь оставалась жить в Кемерове?», % от числа опрошенных
Tab. 12. Responses to "What should be done to encourage young people stay in the city of Kemerovo?", % of the respondents

Варианты ответа	Студенты Кемерова 2020 (n=450)	Школьники Кемерова 2020 (n=400)
Повысить уровень заработной платы	74	72
Создать новые рабочие места	60	54
Расширить спектр и качество социальных услуг (медицинских, образовательных, культурных и т. д.)	48	50
Предоставить молодежи льготные возможности для приобретения жилья	43	36
Улучшить экологию	41	33
Создать условия для интересного досуга, развития людей	41	36
Укрепить экономику	35	39
Повысить имидж города	27	36
Обеспечить финансовую и транспортную доступность для поездок в европейскую часть РФ и за рубеж	15	18
Улучшить транспортную инфраструктуру	10	10
Обеспечить безопасность (личности, имущества, информации и т. д.)	7	12
Другое	2	1
Затрудняетесь ответить	3	7

Табл. 13. Ответы на вопрос «Какие поощрения и льготы выпускникам школ с высокими результатами ЕГЭ могут простимулировать их поступать в кузбасские вузы?», % от числа опрошенных
Tab. 13. Responses to "What incentives and benefits can encourage school graduates with high State Exams results to enter Kuzbass universities?", % of the respondents

Варианты ответа	Школьники КО 2015 (n=910)	Школьники КО 2020 (n=3251)
Моральные стимулы (благодарности, грамоты, медали)	25	20
Моральные стимулы родителям	11	8
Разовые денежные премии	32	26
Дополнительные стипендии в течение первого курса	52	44
Льготный проезд на пассажирском транспорте	31	21
Бесплатные или льготные путевки на отдых, санаторно-курортное лечение, туристические поездки	37	28
Скидки на оплату обучения при условии контрактной подготовки	27	28
Другие	2	1
Никакие	8	10
Затрудняетесь ответить	17	15

Более действенными мерами по сдерживанию оттока успешных выпускников школ из Кемеровской области старшеклассники считают дополнительные стипендии, бесплатные путевки на отдых и лечение, денежные премии, льготный проезд в транспорте, скидки на оплату обучения в случае контрактной подготовки. Не чужды учащимся и моральные поощрения. В 2020 г. при опросах кемеровских школьников и студентов вопрос о стимулировании поступления в региональные вузы звучал более широко (касался всех выпускников, а не только высокобалльников) (табл. 14).

Табл. 14. Ответы на вопрос «Какие поощрения и льготы выпускникам школ (вузов – для студентов) могут простимулировать их поступать (продолжить обучение) в кемеровские вузы и ПОО?», % от числа опрошенных
Tab. 14. Responses to "What incentives and benefits can encourage school / university graduates to get further education in Kemerovo universities?", % of the respondents

Варианты ответа	Школьники Кемерова 2020 (n=400)	Студенты Кемерова 2020 (n=450)
Моральные стимулы выпускникам (благодарности, грамоты, медали)	17	8
Моральные стимулы родителям	4	–
Разовые денежные премии	24	25
Дополнительные стипендии в течение первого года обучения	49	42
Льготный проезд на пассажирском транспорте	24	10
Бесплатные или льготные путевки на отдых, санаторно-курортное лечение, туристические поездки	27	27
Скидки на оплату обучения при условии контрактной подготовки	27	39
Предоставление гарантии трудоустройства по окончании ОО	43	56
Льготные ипотечные кредиты, займы	–	27
Другие	2	3
Никакие	9	3
Затрудняетесь ответить	8	4

Для студентов вузов самым важным условием остаться на продолжение учебы в Кузбассе является гарантия успешного трудоустройства. Значим этот фактор и для 10–11-классников, хотя на первое место они вывели дополнительные стипендии в течение первого года обучения (у студентов они на втором месте). Весьма актуальными молодежь считает скидки на оплату контрактного обучения, льготные путевки на оздоровление, льготные ипотечные кредиты (в анкете школьников данный вариант ответа отсутствовал), разовые денежные премии, льготный проезд на пассажирском транспорте.

Итак, вопросы о возможных путях сдерживания оттока молодежи из региона дают богатую почву для выработки конкретных мер по «удержанию» выпускников образовательных организаций в Кузбассе.

Заключение

Молодежь является самой активной в миграционном плане частью населения. Ее предрасположенность к активным территориальным перемещениям затрудняет решение социально-экономических задач в регионах, экономики которых не могут твердо рассчитывать на трудовой потенциал подрастающего поколения.

Кузбасские исследования показали, что на протяжении последнего десятилетия в области фиксируется отрицательное сальдо миграции; более трети выпускников школ в последние годы уезжают за пределы субъекта федерации; только около трети выпускников школ, техникумов и вузов после получения профессионального образования готовы остаться в родном регионе на постоянное место жительства. Выпускники кузбасских школ хотят учиться в престижных вузах, рассчитывают на более качественное, чем в области, высшее образование или просто хотят переехать в другой регион.

В качестве же основных причин нежелания жить и работать в Кузбассе после получения профессии молодежь называет отсутствие перспектив для личностного и профессионального роста, недостаток рабочих мест для успешного трудоустройства, намерение жить в более крупных и комфортных городах, низкий уровень оплаты труда, экологические проблемы, неудовлетворительные условия для культурного развития, низкий уровень жизни населения. Чтобы выпускники образовательных организаций оставались в Кузбассе, необходимо решить соответствующие проблемы, что трудно сделать в условиях сокращения трудового потенциала, оттока перспективной и амбициозной молодежи. Получается замкнутый «миграционный круг», взаимозависимый комплекс проблем, решить которые можно только разработав и реализовав комплекс разноуровневых мер широкого спектра направленностей.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. М.: Экон-Информ, 2017. 234 с.
2. Ravenstein E. G. The birthplace of the people and the laws of migration // The Geographical Magazine. 1876. Vol. 3. P. 173–233.
3. Massey D. A synthetic theory of international migration // World in the Mirror of International Migration. 2002. Vol. 10. P. 143–153.
4. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. 1971. Vol. 61. № 2. P. 219–249. https://doi.org/10.2307/213996
5. Stouffer S. A. Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. № 6. P. 845–867. https://doi.org/10.2307/2084520
6. Lee E. S. A theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3. № 1. P. 47–57. https://doi.org/10.2307/2060063
7. Zipf G. K. The P1P2/D hypothesis: on the intercity movement of persons // American Sociological Review. 1946. Vol. 11. № 6. P. 677–686. https://doi.org/10.2307/2087063
8. Вечканов Г. С. Миграция трудовых ресурсов в СССР: политико-экономический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 143 с.
9. Денисенко М. Б., Ионцев В. А., Хорев Б. С. Миграциология. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.
10. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56–66.
11. Моисеенко В. М., Лармин О. В., Мержанов Г. С. Миграционная подвижность населения в СССР. М.: Статистика, 1974. 160 с.
12. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.
13. Топилин А. В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М.: Экономика, 1975. 159 с.
14. Хомра А. У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. Киев: Наук. думка, 1979. 146 с.
15. Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.
16. Аверин А. Н. Миграция населения. М.: Изд-во РАГС, 2006. 102 с.

17. Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения. М.: КДУ, 2009. 159 с.
18. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004. 295 с.
19. Ионцев В. А., Шелестов Д. К., Кваша А. Я. Введение в демографию. М.: ТЕИС, 2002. 636 с.
20. Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004. 285 с.
21. Современные проблемы миграции в России: мат-лы общерос. науч. конф. (Москва, 11–13 ноября 2003 г.) М.-Руза, 2003. 167 с.
22. Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Акад. проект, 2006. 272 с.
23. Адигамова О. Ф. Сценарии развития миграционной ситуации молодежи в России // Человек. Социум. Общество. 2020. № 3. С. 17–20.
24. Бюраева Ю. Г., Пискунов Е. Ю. Миграционные установки студенческой молодежи Дальневосточного региона (на материалах республики Бурятия) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 98–106. https://doi.org/10.17223/15617793/459/12
25. Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
26. Зыкина О. А. Миграционные планы выпускников российских школ: региональный аспект // Вестник антропологии. 2020. № 4. С. 153–169. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/153-169
27. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203
28. Лобова С. В. Концептуальные рамки исследования трудовой миграции молодежи // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 11. С. 416–423. https://doi.org/10.5281/zenodo.1488393
29. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15
30. Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335–354. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788
31. Ульмясбаева А. О. Факторный анализ межрегиональной образовательной миграция молодежи // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 6. С. 57–59.
32. Beine M., Noël R., Ragot L. The determinants of the international mobility of students // CESifo Working Paper № 3848. Munich: CESifo, 2012. 33 p.
33. Ciriaci D. Does university quality influence the interregional mobility of students and graduates? The case of Italy // Regional Studies. 2014. Vol. 48. № 10. P. 1592–1608. https://doi.org/10.1080/00343404.2013.821569
34. Fassmann H., Gruber E., Nemeth A. Conceptual framework for the study of youth migration in the Danube region // YOUMIG Working Papers. 2018. № 1. 106 p. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21481.60004
35. Kashnitsky I. S. Youth migration drives the depopulation of periphery // XV April International Academic Conference on Economic and Social Development (Moscow, 1–4 Apr 2014) Moscow: Higher School of Economics, 2015. Vol. 3. P. 102–112.
36. King R., Lulle A., Morosanu L., Williams A. International youth mobility and life transitions in Europe: questions, definitions, typologies and theoretical approaches. University of Sussex. 2016. 61 p.
37. Knapp T. A., White N. E., Wolaver A. M. The returns to migration: the influence of education and migration type // Growth and Change. 2013. Vol. 44. № 4. P. 589–607. https://doi.org/10.1111/grow.12022
38. Raghuram P. Theorising the spaces of student migration // Population, Space and Place. 2013. Vol. 19. № 2. P. 138–154. https://doi.org/10.1002/psp.1747
39. Lyu H., Dong Z., Roobavannan M., Kandasamy Ja., Pande S. Rural unemployment pushes migrants to urban areas in Jiangsu province, China // Palgrave Communications. 2019. Vol. 5. https://doi.org/10.1057/s41599-019-0302-1
40. Smith D. P., Rérat P., Sage J. Youth migration and spaces of education // Children's Geographies. 2014. Vol. 12. № 1. P. 1–8. https://doi.org/10.1080/14733285.2013.871801
41. Пруель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионология. 2020. Т. 28. № 1. С. 133–158. https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158

original article

Youth Migration in the Kemerovo Region (Kuzbass)

Elena A. Morozova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; https://orcid.org/0000-0003-2215-9808; morea@inbox.ru

Oksana P. Kochneva
Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, Russia, Kemerovo

Received 6 Sep 2021. Accepted after peer review 27 Sep 2021. Accepted for publication 11 Oct 2021.

Abstract: Youth migration is growing all over the world, including Russia and its regions. Migration is a natural process that cannot be stopped. However, excessive migration can deteriorate the socio-economic situation of the region that keeps losing its population. The research objective was to analyze the factors and motives behind the outflow of young people from the Kemerovo region, as well as to develop some measures that might help to reduce this process. The study was based on statistics and research data conducted by the Regional Sociological Center since 2015. The last two decades have seen a permanent decline in the local population, both due to natural causes and migration. The latter involves young people who leave their native region to study or work somewhere else in Russia or abroad. Potential migrants are driven by the lack of prospects for personal and professional development, the poor choice of attractive jobs, and their desire to live in larger and more comfortable cities. Young people flee from low salaries, bad ecology, poor conditions for cultural development, and low living standards. Therefore, young people believe that the migration can be stopped by higher salaries, more jobs, high-quality social services, better mortgage opportunities, more attractive conditions for self-development and leisure, a more stable economy, a better environmental situation, etc.

Keywords: migration, mobility, migration motives, labor potential, population outflow, students, pupils, educational and professional plans

Citation: Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth Migration in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 326–338. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Rybakovsky L. L. *History and theory of population migration. Book 2: Population migration: phenomenon, concept, and determinants.* Moscow: Econ-Inform, 2017, 234. (In Russ.)
2. Ravenstein E. G. The birthplace of the people and the laws of migration. *The Geographical Magazine*, 1876, 3: 173–233.
3. Massey D. A synthetic theory of international migration. *World in the Mirror of International Migration*, 2002, 10: 143–153.
4. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition. *Geographical Review*, 1971, 61(2): 219–249. https://doi.org/10.2307/213996
5. Stouffer S. A. Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*, 1940, 5(6): 845–867. https://doi.org/10.2307/2084520
6. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*, 1966, 3(1): 47–57. https://doi.org/10.2307/2060063
7. Zipf G. K. The P1P2/D hypothesis: on the intercity movement of persons. *American Sociological Review*, 1946, 11(6): 677–686. https://doi.org/10.2307/2087063
8. Vechkanov G. S. *Migration of labor resources in the USSR: the political and economic aspects.* Leningrad: Izd-vo LGU, 1981, 143. (In Russ.)
9. Denisenko M. B., Iontsev V. A., Khorev B. S. *Migration studies*. Moscow: Izd-vo MGU, 1989, 96. (In Russ.)
10. Zaslavskaya T. I., Rybakovsky L. L. Migration processes and their regulation in a socialist society. *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 1978, (1): 56–66. (In Russ.)
11. Moiseenko V. M., Larmin O. V., Merzhanov G. S. *Migration mobility of the population in the USSR*. Moscow: Statistika, 1974, 160. (In Russ.)
12. Rybakovsky L. L. *Regional analysis of migrations*. Moscow: Statistika, 1973, 159. (In Russ.)
13. Topilin A. V. *Territorial redistribution of labor resources in the USSR*. Moscow: Ekonomika, 1975, 159. (In Russ.)
14. Khomra A. U. *Migration of the population: questions of theory, research methods*. Kiev: Nauk. dumka, 1979, 146. (In Russ.)
15. Khorev B. S., Chapek V. N. *Issues of migration studies.* Moscow: Mysl, 1978, 254. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

16. Averin A. N. *Migration of the population*. Moscow: Izd-vo RAGS, 2006, 102. (In Russ.)
17. Blinova M. S. *Modern sociological theories of population migration*. Moscow: KDU, 2009, 159. (In Russ.)
18. Bondyreva S. K., Kolesov D. V. *Migration (essence and phenomenon)*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2004, 295. (In Russ.)
19. Iontsev V. A., Shelestov D. K., Kvasha A. Ia. *Introduction to demography*. Moscow: TEIS, 2002, 636. (In Russ.)
20. Moiseenko V. M. *Internal migration of the population*. Moscow: TEIS, 2004, 285. (In Russ.)
21. *Modern issues of migration in Russia*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Moscow, 11–13 Nov 2003. Moscow-Ruza, 2003, 167. (In Russ.)
22. Yudina T. N. *Sociology of migration*. Moscow: Akad. proekt, 2006, 272. (In Russ.)
23. Adigamova O. F. Scenarios for the development of the migration situation young people in Russia. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*, 2020, (3): 17–20. (In Russ.)
24. Byuraeva Yu. G., Piskunov E. Yu. The migrational intentions of student youth of the Far Eastern region (on the materials of the Republic of Buryatia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, (459): 98–106. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/15617793/459/12
25. Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 6: Ekonomika*, 2014, (3): 36–58. (In Russ.)
26. Zykina O. A. Migration plans of Russian high school students: a regional dimension. *Vestnik antropologii*, 2020, (4): 153–169. (In Russ.) https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-52-4/153-169
27. Kashnitsky I. S., Mkrtchyan N. V., Leshukov O. V. Interregional migration of youth in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics. *Voprosy obrazovaniya*, 2016, (3): 169–203. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203
28. Lobova S. V. Conceptual framework for the study of labor youth migration. *Bulletin of Science and Practice,* 2018, 4(11): 416–423. (In Russ.) https://doi.org/10.5281/zenodo.1488393
29. Mkrtchyan N. V. The youth migration from small towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, (1): 225–242. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15
30. Odintsov A. V., Shipitsin A. I., Marchenko A. Yu. Centripetal migration of young people from the Russian province: causes and trends (example of Volgograd region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (3): 335–354. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788
31. Ulmyasbaeva A. O. Factor analysis of interregional educational youth migration. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 2019, (6): 57–59. (In Russ.)
32. Beine M., Noël R., Ragot L. The determinants of the international mobility of students. *CESifo Working Paper № 3848*. Munich: CESifo, 2012, 33.
33. Ciriaci D. Does university quality influence the interregional mobility of students and graduates? *The case of Italy. Regional Studies*, 2014, 48(10): 1592–1608. https://doi.org/10.1080/00343404.2013.821569
34. Fassmann H., Gruber E., Nemeth A. Conceptual framework for the study of youth migration in the Danube region. *YOUMIG Working Papers,* 2018, (1), 106. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21481.60004
35. Kashnitsky I. S. Youth migration drives the depopulation of periphery. *Proc. XV April Intern. Academic Conference on Economic and Social Development,* Moscow, 1–4 Apr 2014. Moscow: Higher School of Economics, 2015, 3: 102–112.
36. King R., Lulle A., Morosanu L., Williams A. *International youth mobility and life transitions in Europe: questions, definitions, typologies and theoretical approaches*. University of Sussex, 2016, 61.
37. Knapp T. A., White N. E., Wolaver A. M. The returns to migration: the influence of education and migration type. *Growth and Change,* 2013, 44(4): 589–607. https://doi.org/10.1111/grow.12022
38. Raghuram P. Theorising the spaces of student migration. *Population, Space and Place*, 2013, 19(2): 138–154. https://doi.org/10.1002/psp.1747
39. Lyu H., Dong Z., Roobavannan M., Kandasamy Ja., Pande S. Rural unemployment pushes migrants to urban areas in Jiangsu province, China. *Palgrave Communications*, 2019, 5. https://doi.org/10.1057/s41599-019-0302-1
40. Smith D. P., Rérat P., Sage J. Youth migration and spaces of education. *Children's Geographies*, 2014, 12(1): 1–8. https://doi.org/10.1080/14733285.2013.871801
41. Pruel N. A., Lipatova L. N., Gradusova V. N. Migration in modern Russia: scope, main directions and problems. *Regionology*, 2020, 28(1): 133–158. (In Russ.) https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158

оригинальная статья

Мотивация олимпийских волонтеров в России и Китае

Марина Петровна Сухарькова
Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва; https://orcid.org/0000-0002-5461-7925; MSukharkova@hse.ru

Поступила в редакцию 23.06.2021. Принята после рецензирования 25.08.2021. Принята в печать 13.09.2021.

Аннотация: Цель – изучить основания мотивации волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 и 2022 гг. в России и Китае. Такие крупные спортивные мероприятия, как Олимпийские игры, интересуют общественность по всему миру, их число растет. Для привлечения наибольшего числа добровольцев к организации и проведению мероприятий необходимо обладать детальной информацией о причинах, побуждающих людей принимать участие в волонтерской деятельности. В работе обобщен опыт исследования мотивации волонтеров разных направлений, представлены особенности олимпийских волонтерских программ России и Китая. Российская программа по работе с олимпийскими волонтерами – первая комплексная программа по обучению и подготовке волонтеров, проводившаяся при государственной поддержке на базе образовательных учреждений и некоммерческих организаций, при участии коммерческих организаций. В Китае реализуется вторая олимпийская волонтерская программа при основной роли государственных организаций. Олимпийское волонтерское сообщество имеет международный масштаб, поэтому особой ценностью обладают исследования волонтеров из разных стран. В российской литературе существуют исследования мотивации волонтеров крупных спортивных событий, но нет межстрановых сравнений волонтеров разных мероприятий. Эмпирической базой исследования был онлайн-опрос олимпийских волонтеров. Определено, что китайские волонтеры замотивированы ценностными и защитными основаниями, в то время как российские чаще выбирают доступ к необходимой информации и профессиональные возможности, предоставляемые им олимпийским волонтерством. Результаты могут использоваться для разработки программ по работе с волонтерами, повышения эффективности этих программ и вовлечения большего числа людей в волонтерскую деятельность. Полученные данные могут стать базой для будущих исследований олимпийского волонтерского сообщества, например, по отношению к волонтерам разных направлений и мероприятий разного масштаба во временной и межстрановой перспективе.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, волонтерское движение, спортивное волонтерство, международное олимпийское движение, Олимпийские игры 2014, Олимпийские игры 2022, Паралимпийские игры

Цитирование: Сухарькова М. П. Мотивация олимпийских волонтеров в России и Китае // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 339–346. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-339-346

Введение

Олимпийские игры – это крупнейшее и, возможно, самое популярное спортивное событие в мире. Такие мероприятия, как Олимпийские игры, относят к спортивным мега-событиям, потому что они носят международный характер и масштабны по своему охвату [1–3]. Среди наследия спортивных мега-событий отмечают не только значительные социально-экономические последствия для принимающей страны [4].

Международный олимпийский комитет указывает на другое важное наследие Олимпийских и Паралимпийских игр – волонтерство. Успешное наследие олимпийского волонтерства может заключаться в формировании позитивного отношения к волонтерской деятельности, популяризации волонтерства, а также возможности увеличения числа волонтерских программ и волонтеров[1]. Волонтеры играют важную роль в проведении Олимпийских игр, оказывают большое влияние на принимающее сообщество.

Управление волонтерством на таком крупном мероприятии, как Олимпийские и Паралимпийские игры, является важной частью управления этими мероприятиями. Специалисты Организационных комитетов мероприятий такого уровня должны знать, какие направления работ нуждаются в волонтерах; подсчитать, сколько волонтеров необходимо для каждого направления; подумать, когда, где и как набирать, обучать и эффективно управлять волонтерами во время мероприятия [5; 6].

Многие люди считают волонтерство на таких мега-мероприятиях уникальной возможностью, поэтому хотят участвовать в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр в качестве волонтеров [7].

[1] International Olympic Committee. Режим доступа: https://olympics.com/ioc (дата обращения: 30.05.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-339-346

Организационные комитеты таких мега-событий, как Олимпийские игры, обычно тратят годы на набор, отбор и обучение своих волонтеров, а иногда проводят многоступенчатые процессы набора и отбора для разных отделов, должностей и ролей волонтеров [8; 9].

Актуальность исследования мотивации олимпийских волонтеров обусловлена тем, что в международной практике увеличивается число крупных спортивных мероприятий, для организации которых привлекают волонтеров, поэтому для повышения эффективности волонтерских программ необходима детальная информация о причинах выбора людьми волонтерской работы. Изучение мотивации олимпийских волонтеров представляет интерес для исследователей, т. к. накопленная совокупность информации служит базой для сравнения мотивации волонтеров разных направлений и мероприятий, открывая национальные отличия в характеристиках волонтеров.

Люди, которые добровольно принимают участие в организации и проведении мероприятий без прямого денежного вознаграждения, являются волонтерами, следовательно, у них есть некая мотивация участвовать в деятельности [10]. Понимание мотивации волонтеров важно, потому что они являются неотъемлемой частью успешного проведения мероприятий [9].

Существуют зарубежные работы, посвященные изучению мотивации волонтеров крупных спортивных мероприятий, привлекающих большое число посетителей и участников [11–14], специальных или инклюзивных спортивных мероприятиях [15–19] и марафонов [20].

Турецкими исследователями было определено, что мотивация волонтеров крупных спортивных мероприятий не различалась по полу, месту жительства, сфере профессиональной деятельности. Вместе с этим были зафиксированы значительные различия в мотивации в зависимости от волонтерского опыта. Среди волонтеров, имеющих предыдущий опыт волонтерства, более популярными были эгоистические и целенаправленные основания мотивации [21]. Г. Клэри и его коллеги определили факторы, оказывающие наибольшее влияние на решение людей работать в качестве волонтеров. Сделан вывод, что волонтеры, впервые принимающие участие в волонтерской деятельности, более замотивированы и вдохновлены работать на организации и проведении спортивного мероприятия, чем те, которые уже имели опыт подобной работы.

Помимо этого, экспертами было выделено шесть оснований мотивации волонтеров: ценностные (забота о других через помощь тем, кто в ней нуждается), образовательные (получение опыта обучения в процессе обмена своими знаниями, навыками и способностями), социальные (мотивированные возможностью работать с другими и улучшать социальные отношения), профессиональные (основания, благодаря которым волонтеры могут подготовиться к более квалифицированной работе или поддерживать необходимые для карьеры навыки), защитные (мотивация волонтера за счет сокращения чувства вины, связанного с тем, что ему повезло больше, чем тем, кто нуждается в помощи) и основания личностного роста (сосредоточены на личностном развитиb и получении удовлетворения, связанного с индивидуальным ростом и повышением самооценки) [22; 23].

В отечественной литературе отражены результаты исследования мотивации волонтеров Международного Кубка по фристайлу [24] и Универсиады, которая проходила в Красноярске [25]. Изучая особенности мотивации олимпийских волонтеров, было выявлено, что среди волонтеров данного направления более значимы эгоистические мотивы [26]. Но российские исследователи сходятся во мнении с зарубежными коллегами о том, что изучать мотивацию волонтеров необходимо для повышения качества управления человеческими ресурсами и развития волонтерских программ [27; 28].

Методы и материалы

Для изучения мотивации волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 и 2022 гг. проведен онлайн-опрос олимпийских волонтеров (с 15 апреля по 15 мая 2021 г.), при этом опрос российских и китайских волонтеров совпадал по времени. Для онлайн-опроса использовались интерактивные анкеты, размещенные в тематических сообществах олимпийских волонтеров в социальных сетях и специализированных форумах. Респонденты имели возможность заполнить анкеты с компьютера или мобильного устройства в режиме онлайн. Для российских участников исследование проводилось на русском языке, для китайских – на китайском.

Отбор участников исследования осуществлялся стихийным способом и методом снежного кома. Приглашения принять участие в опросе рассылались волонтерам, которые также распространяли информацию об исследовании среди своих знакомых (олимпийских волонтеров). Среди респондентов было 385 волонтеров: 200 человек принимали участие в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. в России и 185 – проходивших обучение в качестве волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 г. в Китае. В выборку опроса вошло 54 % женщин и 46 % мужчин; 74 % респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, 17 % – от 31 до 55 лет и 9 % – старше 55 лет.

Олимпийские волонтерские программы в России и Китае

Олимпийское волонтерство относится к формальному волонтерству, т. е. к деятельности, осуществляемой через организации для реализации социальных проектов и решения социальных проблем отдельных лиц или людей без прямого денежного вознаграждения [29; 30].

Олимпийская волонтерская программа, реализованная для Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. в России, представляла собой первую подобную комплексную

программу по работе с волонтерами. Она проводилась при государственной поддержке на базе образовательных учреждений и некоммерческих организаций, при участии коммерческих организаций. Участие в программе приняли 25 тыс. человек.

В Китае поощряется желание людей принимать участие в волонтерской деятельности для повышения благосостояния общества [31]. На государственном уровне в Китае признано, что волонтеры – важная сила для ускорения модернизации социального управления[2]. При этом волонтеры набираются для осуществления работ через низовые правительственные подразделения в руководство государственных единиц высшего уровня [32]. Волонтерство в Китае, курируемое государством, является обычным явлением, в продвижении которого политические ресурсы играют важную роль [33].

Во время Четвертого пленарного заседания 19-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая были выдвинуты четкие требования к совершенствованию системы социального управления, сделан акцент на возможности людей принимать участие в социальном управлении, являясь волонтером. Так, обосновывается тезис, что китайское правительство признает волонтеров в качестве важных поставщиков социальных услуг[3].

Наиболее популярными темами исследований, посвященных волонтерам в Китае, являются изучение молодежного волонтерства, исследование вопроса о взаимоотношениях между государством, волонтерами и волонтерскими организациями и анализ системы управления в сфере волонтерства [34; 35].

На официальном сайте Олимпийских игр 2022 г.[4] указано, что Организационный комитет привлечет для работы на мероприятиях 27 тыс. волонтеров для Олимпийских игр и 12 тыс. – для Паралимпийских игр. Олимпийские волонтеры будут делиться на две категории: общие и специализированные (обладающие профессиональными знаниями, навыками и опытом в определенной области, включая языковые, медицинские или водительские услуги) волонтеры. Предполагается, что волонтеры будут работать на всех олимпийских объектах по следующим направлениям работ: международные отношения, соревнования, работа с прессой и радиовещание, работа на объектах, маркетинг, человеческие ресурсы, технологии, культурные программы, логистика, безопасность и транспорт и т. д.

Результаты

Участникам исследования из России и Китая предлагалось выбрать варианты ответов, которые, по их мнению, наиболее важны для них при решении стать волонтером Олимпийских и / или Паралимпийских игр. Предложенные варианты ответов были классифицированы по разработанным группой исследователей под руководством Г. Клэри основаниям мотивации волонтеров крупных спортивных мероприятий. Авторы выделяют шесть оснований: ценностные, образовательные, социальные, профессиональные, личностные и защитные [22; 23].

1. ***Ценностные основания***. Китайские волонтеры значительно чаще российских выбирали варианты ответов, которые соответствовали данному типу мотивации. 73 % участников исследования из Китая выбрали вариант ответа *Возможность помогать людям*, среди российских волонтеров этот вариант выбрали 65 % респондентов. *Возможность улучшить жизнь вокруг* выбрали 62 % китайских и 44 % российских волонтеров и *Уважение окружающих* – 46 % и 30 % соответственно.

2. ***Образовательные основания***. Возможности, предоставляемые олимпийским волонтерством в сфере получения новых знаний, умений и квалификаций, также были предложены в качестве мотивационных оснований. 61 % китайских и 50 % российских волонтеров ответили, что для них важно было получить *Новые знания, умения и квалификации*; 40 % и 27 % соответственно выделили *Возможность узнать новые культуры* как важную причину вступления в практику олимпийского волонтерства. 53 % российских и 35 % китайских волонтеров указали в качестве мотивирующего основания наличие *Доступа к нужной информации*.

3. ***Социальные основания***. Российские участники исследования в среднем выше оценили следующие положения: возможность получения *Полезных знакомств* – 66 % российских и 40 % китайских волонтеров, *Связи с необходимыми людьми* – 55 % и 40 % соответственно и *Возможность завести друзей* – 80 % против 74 %. *Возможность лучше понимать других людей* как мотивирующий фактор респонденты отметили практически в равных долях – 64 % китайских и 61 % российских волонтеров. Китайские участники отдали предпочтение возможности *Общения с интересными людьми* – 50 % против 43 %.

4. ***Профессиональные основания.*** *Опыт общественной деятельности* в качестве важной причины для участия в олимпийском волонтерстве выбрали 70 % китайских и 60 % российских респондентов, *Интересную работу* – 62 % и 58 % соответственно. *Возможность получить профессиональный опыт* отметили 76 % российских и 58 % китайский волонтеров, *Перспективы профессиональной карьеры* – 45 % и 30 % соответственно.

[2] 习近平在京津冀三省市考察并主持召开京津冀协同发展座谈会 / 责任编辑 张樵苏 // 新华网. 18.01.2019. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-01/18/c_1124011707.htm (дата обращения: 12.06.2021).

[3] 陈一新. 加快推进社会治理现代化 / 责编 任一林, 万鹏 //人民日报. 21.05.2019. Режим доступа: http://theory.people.com.cn/n1/2019/0521/c40531-31094681.html (дата обращения: 12.06.2021).

[4] 北京2022年冬奥会和冬残奥会赛会志愿者全球招募公告. Режим доступа: https://vol.beijing2022.cn/announcement.html (дата обращения: 10.06.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-339-346

5. ***Личностные основания***. Для участников исследования из Китая более значимыми являются: *Возможность повысить самооценку* – 70 % китайских и 64 % российских волонтеров, *Возможность организовать свой досуг* – 57 % и 45 % соответственно, *Возможность защитить свои права* – 44 % против 15 %, возможность участия в волонтерской деятельности как занятие *Любимым делом, хобби* – 41 % против 30 % и *Возможность решения своих проблем* – 40 % против 34 %. Российские олимпийские волонтеры в большей степени оценили возможность *Решения конкретных проблем* – 59 % российских и 51 % китайских волонтеров и *Возможность путешествовать* – 42 % и 33 % соответственно.

6. ***Защитные основания.*** Данному основанию предпочтение отдали олимпийские волонтеры из Китая: 58 % китайских и 36 % российских волонтеров выбрали вариант ответа *Перераспределение ресурсов*; 73 % и 23 % соответственно – *Социальное равенство и* 60 % против 40 % – *Восстановление социальной справедливости.*

Заключение

Результаты исследования продемонстрировали, что волонтеры из Китая более высоко, по отношению к российским коллегам, ценят возможности олимпийского волонтерства, которые позволяют получить уважение окружающих, возможность улучшить жизнь вокруг и помогать другим.

По образовательным основаниям мотивации для российских олимпийских волонтеров более важной стала возможность доступа к нужной информации благодаря участию в Играх. Среди китайских олимпийских волонтеров актуальными были возможность знакомства с новыми культурами и получение новых знаний, умений и квалификаций.

Социальные причины выбора олимпийского волонтерства являются наиболее важными для участников опроса. Российские олимпийские волонтеры продемонстрировали более высокие показатели по возможностям приобретения полезных знакомств и связей с необходимыми людьми, а также возможность завести друзей. Китайские волонтеры чаще выделяли возможность лучше понимать других людей и общение с интересными людьми.

Среди личностных оснований мотивации для российских волонтеров более популярными стали возможность решения конкретных проблем и возможность путешествовать, для китайских – возможность решения своих проблем, защиты своих прав, повышения самооценки, организации своего досуга.

Оценка возможностей, которые предоставляет участие в олимпийском волонтерстве для профессиональной деятельности, показала, что для китайских олимпийских волонтеров более значимыми являются возможности общественной деятельности и интересной работы, для российских же волонтеров – профессиональный опыт и перспективы профессиональной карьеры.

Максимальный разрыв точек зрения российских и китайских олимпийских волонтеров был зафиксирован в защитных основаниях мотивации. Для китайских респондентов оказались существенными возможности перераспределения ресурсов, социального равенства и достижения социальной справедливости. Эти же основания были значительно менее популярны у российских олимпийских волонтеров.

Результаты исследования могут использоваться для разработки программ по работе с волонтерами, повышения эффективности этих программ и вовлечения большего числа людей в волонтерскую деятельность.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Kim M., Kim S. S.-K., Kim M., Zhang J. J. Assessing volunteer satisfaction at the London Olympic Games and its impact on future volunteer behavior // Sport in Society. 2019. Vol. 22. № 11. P. 1864–1881. https://doi.org/10.1080/17430437.2019.1616926
2. Ribeiro T., Correia A. The relationship between organisational issues and social impacts of Rio Olympic Games: a volunteer's perspective // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2021. Vol. 13. № 1. P. 124–145. https://doi.org/10.1080/19407963.2019.1708921
3. Ribeiro T., Correia A., Biscaia R., Bason T. Organizational issues in Olympic Games: a systematic review // Event Management. 2020. Vol. 25. № 2. P. 135–154. https://doi.org/10.3727/152599519X15506259856570
4. Müller M., Wolfe S. D., Gaffney C., Gogishvili D., Hug M., Leick A. An evaluation of the sustainability of the Olympic Games // Nature Sustainability. 2021. Vol. 4. № 4. P. 340–348. https://doi.org/10.1038/s41893-021-00696-5
5. Gladden J. M., McDonald M. A., Barr C. A. Event management // Principles and practice of sport management / eds. L. P. Masteralexis, C. A. Barr, M. A. Hums. 2nd ed. Sudbury, MA: Jones and Bartlett, 2005. P. 272–294.
6. Kim M., Chelladurai P., Trail G. T. A model of volunteer retention in yout sport // Journal of Sport Management. 2007. Vol. 21. № 2. P. 151–171. https://doi.org/10.1123/jsm.21.2.151
7. Bang H. Leader-member exchange in nonprofit sport organizations: the impact on job satisfaction and intention to stay from the perspectives of volunteer leaders and followers // Nonprofit Management and Leadership. 2011. Vol. 22. № 1. P. 85–105. https://doi.org/10.1002/nml.20042

8. Doherty A. The volunteer legacy of a major sport event // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2009. Vol. 1. № 3. P. 185–207. https://doi.org/10.1080/19407960903204356
9. Kim E., Fredline L., Cuskelly G. Heterogeneity of sport event volunteer motivations: a segmentation approach // Tourism Management. 2018. Vol. 68. P. 375–386. https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.04.004
10. Beckman E., Pan T., Ritterin M., Cain L. Identifying motivating factors among college students that influence repeat participation among special event volunteers: the moderating role of class standing // International Journal of Event and Festival Management. 2021. Vol. 12. № 2. P. 148–167. https://doi.org/10.1108/IJEFM-07-2020-0041
11. Rozmiarek M., Poczta J., Malchrowicz-Mośko E. Motivations of sports volunteers at the 2023 European Games in Poland // Sustainability. 2021. Vol. 13. № 11. P. 6406. https://doi.org/10.3390/su13116406
12. Lim J. P. S., Ibrahim H. B. M. An exploratory study into the motivations of green volunteers at the 29th Southeast Asian Games // APJIHT. 2020. Vol. 9. № 1. P. 73–101.
13. Funda K. A., Kara K. E. Analysis of participation motivations of volunteers in Universiade 2011 Erzurum Winter Games // Uluslararası Hukuk ve Sosyal Bilim Araştırmaları Dergisi. 2020. Vol. 1. № 2. P. 92–108.
14. Bakhsh J. T., Lachance E. L., Thompson A., Parent M. M. Outcomes of the sport event volunteer experience: examining demonstration effects on first-time and returning volunteers // International Journal of Event and Festival Management. 2021. Vol. 12. № 2. P. 168–183. https://doi.org/10.1108/IJEFM-09-2020-0057
15. Lachance E. L., Parent M. M. The volunteer experience in a para-sport event: an autoethnography // Journal of Sport Management. 2020. Vol. 34. № 2. P. 93–102. https://doi.org/10.1123/jsm.2019-0132
16. Lachance E. L., Parent M. M. Understanding the sport event volunteer experience in the implementation mode of a para-sport event: an autoethnography // Event Management. 2021. Vol. 27. № 1. P. 45–61. https://doi.org/10.3727/152599520X15894679115556
17. Dickson T. J., Darcy S., Benson A. Volunteers with disabilities at the London 2012 Olympic and Paralympic Games: who, why, and will they do it again? // Event management. 2017. Vol. 21. № 3. P. 301–318. https://doi.org/10.3727/152599517X14942648527527
18. O'Flynn A., Barrett E., Murphy J. A brief literature review of the psychological benefits of volunteerism in watersports inclusion // Irish Journal of Medical Science. 2020. Vol. 190. № 2. P. 731–734. https://doi.org/10.1007/s11845-020-02393-2
19. Stukas A. A., Snyder M., Clary E. G. Understanding and encouraging volunteerism and community involvement // Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 156. № 3. P. 243–255. https://doi.org/10.1080/00224545.2016.1153328
20. Ma X., Draper J. Motivation and satisfaction of marathon volunteers: how important is volunteers' level of running experience? // Journal of Convention & Event Tourism. 2017. Vol. 18. № 1. P. 41–59. https://doi.org/10.1080/15470148.2016.1230530
21. Hamza U. S., Taner T. U., Musa Ç. O. A. Evaluation of the factors affecting voluntary participation in sports events in Turkey: case of Vodafone 39th Istanbul Marathon // Turkish Journal of Sport and Exercise. 2020. Vol. 22. № 3. P. 444–451. https://doi.org/10.15314/tsed.701292
22. Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: theoretical and practical considerations // Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8. P. 156–159. https://doi.org/10.1111/1467-8721.00037
23. Clary G. E., Snyder M., Ridge R. D., Copeland J., Stukas A. A., Haugen J. Understanding and assessing the motivations of volunteers: a functional approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. № 6. P. 1516–1530. https://doi.org/10.1037//0022-3514.74.6.1516
24. Брюханова А. Ю., Мануйлова К. А., Гарьковенко А. С., Архипова В. Л. Особенности событийного волонтерства на международных спортивных мероприятиях: из опыта проведения Кубка мира по фристайлу // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2020. № 3. С. 116–126. https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-53-3-226
25. Евлегина А. М. Российское олимпийское волонтерство: мотивация, барьеры, риски // Основные проблемы общественных наук: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 11 октября 2016 г.) Волгоград: ИЦРОН, 2016. С. 34–39.
26. Мишина М. М. Мотивация к спортивному волонтерству на примере зимней Универсиады 2019 в Красноярске // Актуальные проблемы гигиены и экологической медицины: сб. мат-лов V межвуз. студ. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Гродно, 20 декабря 2019 г.) Гродно: ГрГМУ, 2020. С. 186–191.
27. Селезнева Ю. А. Работа с волонтерами при организации спортивного мероприятия // Современные технологии в физическом воспитании и спорте: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Тула, 12–13 ноября 2020 г.) Тула: ТППО, 2020. С. 113–116.
28. Телепаева Д. Ф. Социологический анализ специфики и эффективности рекрутинга спортивных волонтеров в российском регионе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 139–151. https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.3.10

29. Wang L. L., Mook L., Handy F. An empirical examination of formal and informal volunteering in Canada // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2017. Vol. 28. № 1. P. 139–161. https://doi.org/10.1007/s11266-016-9725-0
30. Xu Y. Volunteer participation and the development of civil society in China: a case study of Jinan // Nonprofit Policy Forum. 2014. Vol. 5. № 1. P. 139–168. https://doi.org/10.1515/npf-2012-0003
31. 田凯. 组织外形化: 非协调约束下的组织运作——一个研究中国慈善组织与政府关系的理论框架 // 社会学研究. 2004. 第 4 期. 64–75 页.
32. 程华东, 张贵礼. "大学+政府+企业": 大学生西部农村 支教志愿服务新模式探究 // 华中农业大学学报 (社会科学版). 2015. 第 4 期. 107–113 页. https://doi.org/10.13300/j.cnki.hnwkxb.2015.04.017
33. Liu F., Zhang X. Who are volunteers in urban China? // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2020. https://doi.org/10.1007/s11266-020-00251-4
34. 罗功立, 丁冬明. 论志愿服务在我国社会风险管理中的作用 // 山东社会科学. 2012. 第 6 期. 34–38 页.
35. 李彦成. 基层治理中的党员志愿服务制度化: 意义, 困境与路 // 理论导刊. 2019. 第 3期. 89–93 页.

original article

Motivation of Olympic Volunteers in Russia and China

Marina P. Sukharkova
The Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow; https://orcid.org/0000-0002-5461-7925; MSukharkova@hse.ru

Received 23 Jun 2021. Accepted after peer review 25 Aug 2021. Accepted for publication 13 Sep 2021.

Abstract: The research objective was to study the motivation of Russian and Chinese volunteers at the Olympic and Paralympic Games in 2014 and 2022. Mega-sport events attract public attention worldwide and require a lot of volunteers. Based on the international scope of Olympic volunteer community, a cross-country analysis of volunteering experience is a relevant topic. The Russian program for training of Olympic volunteers was the first of its kind. It was funded by the state on the basis of educational institutions, non-profit and commercial organizations. China is currently developing its own Olympic volunteer program, which relies mainly on government organizations. The study relied on an online survey of Olympic volunteers. Chinese volunteers appeared to have been motivated by value and defensive reasons, while Russian volunteers were attracted by the informational and professional opportunities that Olympic volunteering has to offer. The research results can help to develop volunteer programs, as well as to improve their effectiveness and popularity.
Keywords: volunteer activities, volunteer movement, sports volunteering, the international Olympic movement, Olympic Games 2014, Olympic Games 2022, Paralympic Games

Citation: Sukharkova M. P. Motivation of Olympic Volunteers in Russia and China. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 339–346. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-339-346

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Kim M., Kim S. S. K., Kim M., Zhang J. J. Assessing volunteer satisfaction at the London Olympic Games and its impact on future volunteer behavior. *Sport in Society*, 2019, 22(11): 1864–1881. https://doi.org/10.1080/17430437.2019.1616926
2. Ribeiro T., Correia A. The relationship between organisational issues and social impacts of Rio Olympic Games: a volunteer's perspective. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 2021, 13(1): 124–145. https://doi.org/10.1080/19407963.2019.1708921
3. Ribeiro T., Correia A., Biscaia R., Bason T. Organizational issues in Olympic Games: a systematic review. *Event Management*, 2020, 25(2): 135–154. https://doi.org/10.3727/152599519X15506259856570
4. Müller M., Wolfe S. D., Gaffney C., Gogishvili D., Hug M., Leick A. An evaluation of the sustainability of the Olympic Games. *Nature Sustainability*, 2021, 4(4): 340–348. https://doi.org/10.1038/s41893-021-00696-5

 © 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

5. Gladden J. M., McDonald M. A., Barr C. A. Event management. *Principles and practice of sport management*, eds. Masteralexis L. P., Barr C. A., Hums M. A., 2nd ed. Sudbury, MA: Jones and Bartlett, 2005, 272–294.
6. Kim M., Chelladurai P., Trail G. T. A model of volunteer retention in youth sport. *Journal of Sport Management*, 2007, 21(2): 151–171. https://doi.org/10.1123/jsm.21.2.151
7. Bang H. Leader-member exchange in nonprofit sport organizations: the impact on job satisfaction and intention to stay from the perspectives of volunteer leaders and followers. *Nonprofit Management and Leadership*, 2011, 22(1): 85–105. https://doi.org/10.1002/nml.20042
8. Doherty A. The volunteer legacy of a major sport event. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 2009, 1(3): 185–207. https://doi.org/10.1080/19407960903204356
9. Kim E., Fredline L., Cuskelly G. Heterogeneity of sport event volunteer motivations: a segmentation approach. *Tourism Management*, 2018, 68: 375–386. https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.04.004
10. Beckman E., Pan T., Ritterin M., Cain L. Identifying motivating factors among college students that influence repeat participation among special event volunteers: the moderating role of class standing. *International Journal of Event and Festival Management,* 2021, 12(2): 148–167. https://doi.org/10.1108/IJEFM-07-2020-0041
11. Rozmiarek M., Poczta J., Malchrowicz-Mośko E. Motivations of sports volunteers at the 2023 European Games in Poland. *Sustainability*, 2021, 13(11): 6406. https://doi.org/10.3390/su13116406
12. Lim J. P. S., Ibrahim H. B. M. An exploratory study into the motivations of green volunteers at the 29th Southeast Asian Games. *APJIHT*, 2020, 9(1): 73–101.
13. Funda K. A., Kara K. E. Analysis of participation motivations of volunteers in Universiade 2011 Erzurum Winter Games. *Uluslararası Hukuk ve Sosyal Bilim Araştırmaları Dergisi*, 2020, 1(2): 92–108.
14. Bakhsh J. T., Lachance E. L., Thompson A., Parent M. M. Outcomes of the sport event volunteer experience: examining demonstration effects on first-time and returning volunteers. *International Journal of Event and Festival Management*, 2021, 12(2): 168–183. https://doi.org/10.1108/IJEFM-09-2020-0057
15. Lachance E. L., Parent M. M. The volunteer experience in a para-sport event: An autoethnography. *Journal of Sport Management*, 2020, 34(2): 93–102. https://doi.org/10.1123/jsm.2019-0132
16. Lachance E. L., Parent M. M. Understanding the sport event volunteer experience in the implementation mode of a para-sport event: an autoethnography. *Event Management*, 2021, 27(1): 45–61. https://doi.org/10.3727/152599520X15894679115556
17. Dickson T. J., Darcy S., Benson A. Volunteers with disabilities at the London 2012 Olympic and Paralympic Games: who, why, and will they do it again? *Event management*, 2017, 21(3): 301–318. https://doi.org/10.3727/152599517X14942648527527
18. O'Flynn A., Barrett E., Murphy J. A brief literature review of the psychological benefits of volunteerism in watersports inclusion. *Irish Journal of Medical Science*, 2020, 190(2): 731–734. https://doi.org/10.1007/s11845-020-02393-2
19. Stukas A. A., Snyder M., Clary E. G. Understanding and encouraging volunteerism and community involvement. *Journal of Social Psychology*, 2016, 156(3): 243–255. https://doi.org/10.1080/00224545.2016.1153328
20. Ma X., Draper J. Motivation and satisfaction of marathon volunteers: How important is volunteers' level of running experience? *Journal of Convention & Event Touris*, 2017, 18(1): 41–59. https://doi.org/10.1080/15470148.2016.1230530
21. Hamza U. S., Taner T. U., Musa Ç. O. A. Evaluation of the factors affecting voluntary participation in sports events in Turkey: case of Vodafone 39th Istanbul Marathon. *Turkish Journal of Sport and Exercise*, 2020, 22(3): 444–451. https://doi.org/10.15314/tsed.701292
22. Clary E. G., Snyder M. The motivations to volunteer: theoretical and practical considerations. *Current Directions in Psychological Science*, 1999, 8: 156–159. https://doi.org/10.1111/1467-8721.00037
23. Clary G. E., Snyder M., Ridge R. D., Copeland J., Stukas A. A., Haugen J. Understanding and assessing the motivations of volunteers: a functional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, 74(6): 1516–1530. https://doi.org/10.1037//0022-3514.74.6.1516
24. Bryukhanova A. Yu., Manuylova K. A, Garkovenko A. S, Arkhipova V. L. Special features of event volunteering at international sporting events: on the example freestyle World Cup. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2020, (3): 116–126. (In Russ.) https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-53-3-226
25. Evlegina A. M. Russian Olympic volunteering: motivation, barriers, and risks. *Basic problems of social sciences*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Volgograd, 11 Oct 2016. Volgograd: ITsRON, 2016: 34–39. (In Russ.)
26. Mishina M. M. Motivation for sports volunteering: the case of the Winter Universiade 2019 in Krasnoyarsk. *Actual problems of hygiene and environmental medicine*: Proc. V Intercollegiate Student Correspondence Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Grodno, 20 Dec 2019. Grodno: GrGMU, 2020: 186–191. (In Russ.)

27. Selezneva Y. A. Working with volunteers when organizing a sports event. *Modern technologies in physical education and sports:* Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Tula, 12–13 Nov 2020. Tula: TPPO, 2020: 113–116. (In Russ.)
28. Telepaeva D. F. Sociological analysis of the specifics and effectiveness of sports volunteers' recruiting in Russian regions. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2020, (3): 139–151. (In Russ.) https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.3.10
29. Wang L. L., Mook L., Handy F. An empirical examination of formal and informal volunteering in Canada. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2017, 28(1): 139–161. https://doi.org/10.1007/s11266-016-9725-0
30. Xu Y. Volunteer participation and the development of civil society in China: a case study of Jinan. *Nonprofit Policy Forum*, 2014, 5(1): 139–168. https://doi.org/10.1515/npf-2012-0003
31. Tian K. Organizational appearance: organizational operation under non-coordinate constraints: a theoretical framework for studying the relationship between Chinese charitable organizations and the government. *Sociological Studies*, 2004, (4): 64–75. (In Chin.)
32. Cheng H., Zhang G. "University + government + enterprise": study on the new mode of education volunteer in western rural areas. *Journal of Huazhong Agricultural University (Social Sciences Edition)*, 2015, (4): 107–113. (In Chin.)
33. Liu F., Zhang X. Who are volunteers in urban China? *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2020. https://doi.org/10.1007/s11266-020-00251-4
34. Luo G., Ding D. The voluntary service effect on China's social risk management. *Shandong Social Science,* (6): 34–38. (In Chin.)
35. Li Y. Institutionalization of voluntary service of CCP members: meaning, dilemma and path. *Journal of Socialist Theory Guide*, 2019, (3): 89–93. (In Chin.)

оригинальная статья

Состояние и тенденции развития теневого академического предпринимательства

Игорь Алексеевич Юрасов
Пензенский филиал Финуниверситета, Пензенский государственный университет, Институт регионального развития Пензенской области, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0002-4884-6422; jurassow@yandex.ru

Мария Алексеевна Танина
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0001-7311-6280; margo10@inbox.ru

Вера Александровна Юдина
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0001-9835-9430; vayudina@fa.ru

Елена Викторовна Кузнецова
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0002-6863-1066; elena_myskina@mail.ru

Поступила в редакцию 31.05.2021. Принята после рецензирования 20.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: Понятие *академический капитализм* прочно вошло в международный социологический дискурс с 90-х годов XX века. Социальная реальность в России по-своему проявляет академический капитализм, который принимает все более необычные формы, развиваясь в теневой неформальной среде академического рынка труда. Типичными социально-трудовыми практиками академического капитализма становятся консультации и дополнительные занятия со студентами; подготовка и написание диссертаций, курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавриата и магистратуры, научных отчетов по грантам и темам государственных заданий для научных коллективов высокоселективных вузов и научно-исследовательских институтов силами специалистов провинциальных среднеселективных и низкоселективных учреждений высшей школы; подготовка материалов для публикаций в высокорейтинговых журналах силами провинциальных ученых, отказывающихся от авторства за финансовое вознаграждение; подготовка публикаций для высокорейтинговых научных школ. Российский рынок теневого академического предпринимательства является закрытым, законспирированным, жестким, высококонкурентным. На его формирование повлияла пандемия короновируса: активность за 2020–2021 годы благодаря цифровизации выросла примерно в три раза. Развитие новых форм цифровой трудовой занятости, теневого академического капитализма приводит к формированию специфических социальных тенденций: смене приоритетов в тематике научных исследований; появлению гибких неформальных академических структур, отличающихся фрагментарной сверхсвязанностью, нерыночными механизмами академической конкуренции, новыми формами цифровой и традиционной академической эксплуатации; потере собственного академического профиля в угоду теневым академическим работодателям; теневому брендированию высших учебных заведений; пролетаризации академического труда; формированию специфического конфликта интересов в науке и образовании; феодализации академического труда; формированию в студенческой среде спроса на некачественное высшее образование; монополизации на академическом рынке труда. Вследствие этих тенденций академическое сообщество в России трансформируется в закрытое сословие со специфической стратификацией на цифровую академическую элиту, средний класс академических предпринимателей, цифровых академических пролетариев.

Ключевые слова: академический капитализм, пандемия, цифровой капитализм, фрагментарная сверхсвязанность, сословная стратификация академического сообщества, пролетаризация и феодализация академического труда

Цитирование: Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В. Состояние и тенденции развития теневого академического предпринимательства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 347–356. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Введение

Концепт *академический капитализм* прочно вошел в международный социологический дискурс во второй половине XX в. благодаря работам Э. Хэкетта [1], Ш. Слотера и Л. Лесли [2]. Начиная с 80-х гг. XX в., в мире усилились тенденции американизации, маркетизации научных исследований и образовательного процесса, стало возрастать давление американских форм организации научной и образовательной жизни на европейскую науку и научное образование с целью реформировать их по американскому образцу, хотя в Европе, в СССР и позже в РФ традиции научного исследования складывались и развивались совершенно иначе и в других условиях. Суть и основной смысл этих трансформаций сводится к тому, чтобы организовать университеты и исследовательские институты как коммерческие предприятия и переложить их финансирование и развитие с государства на частных инвесторов.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Современный академический капитализм представляет собой предпринимательскую деятельность в области выполнения научных и образовательных проектов, когда исследовательская работа зависит напрямую от получения денежных субсидий в виде грантов, инвестиций отдельных корпораций, учреждений, государственных и частных организаций, ассоциаций, фондов. Академический капитализм – это особая социально-экономическая, социально-коммуникационная система, которая предполагает взаимосвязь между субъектами создания и распространения научного знания и диктуется логикой рыночных отношений. Кроме того, он предполагает научно-образовательную деятельность, направленную на увеличение прикладных, заказных исследований, в то время как бескорыстный творческий поиск в плане получения нового знания уходит из академического сообщества [3–6].

Причины академического капитализма видятся исследователями в рыночном характере экономики, во влиянии информационной эпохи, в гибкой реакции на потребности бизнеса, в снижении объемов государственного финансирования науки и образования во всем мире, в неолиберальной политике дерегулирования экономики и повышения роли частного предпринимательства, в доминировании финансового сектора экономики, в распространении специфических международных и отечественных рейтинговых систем [3; 6].

Академический капитализм проявляется на трех уровнях: институциональном, кафедральном, индивидуальном. На институциональном уровне он проявляется в изменении финансирования высшей школы и научного сектора. Государственное финансирование сокращается, и университет вынужден искать дополнительные источники средств.

Академический капитализм меняет приоритеты научных исследований и образовательных проектов из-за возможностей получения финансирования. Свободная творческая мысль вовлекается в процесс производства и рыночного обмена, в конкуренцию за право опубликования результатов научных исследований в высокорейтинговых, престижных научных журналах не с целью ознакомления научной общественности с результатами своих исследований, а с целью получения еще большего финансирования. Научные исследования становятся необходимым звеном цепочки капиталистического производства [3; 7; 8].

Термин *академический капитализм* включает в свой состав следующие смысловые элементы:

1. Новые схемы получения знания: межведомственные, межуниверситетские, межакадемические формальные и неформальные группы, столичные центры, привлекающие провинциальных исследователей.

2. Новые потоки финансирования: российские и международные гранты, технопарки, университетские инкубаторы, научные секторы в университетах, консалтинговые услуги, новые формы обучения (например, онлайн-обучение).

3. Появление специфических посредников в распределении финансовых потоков на научную и образовательную деятельность.

4. Появление академических «бизнес-лидеров» – академических капиталистов, представляющих собой университетских академических администраторов, наделенных особыми полномочиями, благодаря которым они содействуют развитию научного и образовательного предпринимательства посредством создания специфической инфраструктуры и новых программ, поиска и развития доноров, привлечения средств, формирования видения предпринимательства и изменения научной и образовательной политики.

Цифровизация и мировая пандемия короновируса 2020–2021 гг. существенным образом повлияли на академический капитализм и в первую очередь на теневое академическое предпринимательство в РФ. Современная социальная реальность в России трансформирует академический капитализм в теневое академическое предпринимательство, типичными социально-трудовыми практиками которого становятся написание кандидатских и докторских диссертаций за других людей (отказ от авторства в пользу заказчиков за финансовое вознаграждение, выплачиваемое в форме «черного нала»); консультации и дополнительные занятия со студентами за финансовое вознаграждение; подготовка и написание курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавриата и магистратуры, научных отчетов по грантам и темам государственных заданий для научных коллективов высокоселективных вузов и научно-исследовательских институтов (НИИ), аффилированных с российскими и зарубежными научными фондами, министерствами и ведомствами РФ, заинтересованными в научных исследованиях по проблемам своих ведомств, силами специалистов провинциальных среднеселективных и низкоселективных вузов и НИИ; подготовка материалов для публикаций в высокорейтинговых журналах силами провинциальных ученых, отказывающихся от авторства за финансовое вознаграждение; включение провинциальных ученых в коллективы соавторов высокопоставленных и высокорейтинговых ученых и преподавателей из Москвы, Санкт-Петербурга и других научных и образовательных центров и др.

В период пандемии существенное влияние на теневое академическое предпринимательство оказывают и процессы цифровизации, которые выражаются в российской научной и образовательной практике в:

a) фрагментарной сверхсвязанности, возникающей из-за феномена прогрессирующего регионального и цифрового неравенства и представляющей собой высочайшую степень проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь человека;
b) платформизации, отражающей процесс проникновения цифровых платформ – перепрограммируемых цифровых инфраструктур, формирующих и облегчающих взаимодействия между пользователями

и поставщиками услуг посредством систематического сбора, алгоритмической обработки, монетизации и распространения данных в различные сферы жизни [9];

c) датификации, под которой понимается процесс количественной оценки и монетизации человеческой жизни с помощью цифровой информации [10];

d) алгоритмическом управлении, выдвигающем на первый план идею о том, что цифровые технологии особым образом конструируют социальную среду [11].

Цифровая сверхсвязность, с одной стороны, может снижать негативное влияние расстояний и национальных границ в научной и образовательной сферах, экономить время, повышать культурный и образовательный уровень, но, с другой стороны, она порождает новые формы зависимостей, распространение ложной информации, возможности слежки и др. Фрагментарная сверхсвязанность в России отстает по многим показателям использования цифровых инструментов, кроме социальных сетей. Особенно слабо используется Интернет для дистанционного обучения, поиска работы, чтения газет, журналов, книг и коммуникации по электронной почте [11].

Цифровые технологии в сфере науки и образования также усиливают тенденции к монополизации, которая проявляется в недоступности получения дополнительного грантового финансирования, публикации в высокорейтинговых научных журналах для среднерейтиновых и низкорейтинговых провинциальных вузов и НИИ.

Таким образом, мировая пандемия короновируса и цифровизация многих практик социальной жизни в 2020–2021 гг. привели к усилению тенденций развития теневых форм академического предпринимательства.

Методы исследования

Исследование состояния и тенденций развития российского теневого предпринимательства проводились с декабря 2021 г. по май 2021 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Пензе, Саранске, Саратове, Томске, Барнауле, Новосибирске. Основные методики: экспертный опрос лидеров и аутсайдеров академического рынка, выполненный в форме полуструктурированных глубинных интервью (n=23); массовый опрос студентов, пользующихся теневыми услугами по подготовке курсовых, дипломных работ, ответов на экзаменационные вопросы (n=432); анализ российской публицистики; анализ данных в цифровой системе Яндекс.Радар[1], отражающей популярность цифровых ресурсов; анализ данных проекта «Виртуальное население России»[2], содержащего географически привязанные демографические данные, полученные путем обработки анкет пользователей социальной сети ВКонтакте (около 200 млн анкет, собранных в России).

Анализ теневых практик академического капитализма основывается на теоретической парадигме Л. Болтански и Л. Тевено, развивающей подходы к исследованию академического капитализма на основе теории соглашений. Теория соглашений в специфических условиях теневого российского академического предпринимательства приводит к формированию особой комбинации архаического (патриархального социального порядка) и модернизационного капиталистического рыночного режима. Это выражается в развитии специфического социального порядка – археомодерна, причина формирования которого видится в специфике российского институционального развития, в появлении институциональных ловушек и в глобальных мировых социальных тенденциях последних лет [12].

Особое внимание уделялось массовому опросу студентов ВШЭ, РАНХиГС, Финансового университета при Правительстве РФ, которые пользовались теневыми академическими услугами, а также анализу российской публицистики, посвященной проблеме академического мошенничества[3].

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что современные цифровые социально-трудовые практики и пандемия короновируса в 2020–2021 гг. в России широко распространили, усилили и укрепили некоторые формы теневого академического предпринимательства.

Результаты

Согласно результатам качественных исследований, глубинных полуструктурированных интервью с участниками теневого академического предпринимательства, возросло количество случаев и участников теневых схем в области нелегального академического предпринимательства. Все эксперты подтверждают, что значительно уменьшилось количество случаев нелегального написания кандидатских и докторских диссертаций за финансовое вознаграждение. Но это связанно с ужесточением процедуры прохождения экспертизы в столичных и провинциальных диссертационных советах, с усложнением самой процедуры защиты и с невозможностью конвертировать ученые степени в финансовые и административные возможности в сферах бизнеса и государственной и муниципальной службе. В области науки и образования тоже снижаются возможности конвертации ученых степеней в источник дополнительного финансирования.

Эксперт 1: *«За последние 7–10 лет снижается количество заказчиков на написание и защиту кандидатских и докторских диссертаций. Это связано с тем, что в академической среде невозможно "отбить" финансовые средства,*

[1] Поисковые системы в России // Яндекс.Радар. Режим доступа: https://radar.yandex.ru (дата обращения: 04.05.2021).

[2] Интерактивный атлас // Виртуальное население России. Режим доступа: http://webcensus.ru (дата обращения: 04.05.2021).

[3] Ларина А. Как продают гранит науки // Новая газета. 12.04.2021. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/12/kak-prodaiut-granit-nauki (дата обращения: 04.05.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

потраченные на написание и защиту диссертаций. В моей практике было два случая написания "заказных" диссертаций за тридцать лет. Никто из заказчиков не смог конвертировать потраченные деньги в академический успех. Для "отбивки" финансовых средств на "платные" защиты необходимы академические знания, академическая креативность, лекторское мастерство, которые приобретаются в процессе самостоятельной научной работы. "Заказные" диссертации пригодятся более в том случае, если крупный государственный и муниципальный чиновник переходит после отставки в систему высшего образования, но пока такие случаи на моей практике единичны» (д-р наук, проф. провинциального ун-та, мужчина, 55 лет).

Эксперт 2: «*В последние 3–5 лет нет никаких "заказов" на написание кандидатских и докторских диссертаций. Молодой ученый или преподаватель в силу разных причин – занятости, слабых навыков научной коммуникации, неспособности – может покинуть научную и образовательную среду или при наличии у него серьезного административного ресурса, позволяющего в течение определенного времени занять ректорский или проректорский пост, обращается по законспирированным каналам к провинциальным ученым и преподавателям, дает им данные исследований. Провинциальный ученый на основании этих данных готовит текст диссертации, высылает его по электронной почте. Процедурой защиты занимается сам "заказчик". Стоимость такой услуги составляла год назад 100–120 тыс. руб., что значительно ниже цен на столичных рынках теневой академической занятости»* (канд. наук, зав. науч. сектором крупного столичного вуза, нац.-исслед. ун-та, женщина, 32 года).

Эксперт 3: «*В последние 5–10 лет растет наша заинтересованность в использовании дешевого труда провинциальных ученых. Высокорейтинговый руководитель крупного научного коллектива, явно или скрыто аффилированный с крупными отечественными и зарубежными грантовыми фондами, с министерствами и ведомствами, представляющими государственные задания по научным проектам, может "набрать" большое количество финансово обеспеченных проектов, которые он и его коллективы не в силах выполнить. Тогда тематика научных гратов и государственных заданий дробится и отдается на "теневой субподряд" в провинциальные вузы тем ученым, с которыми он лично хорошо знаком, и в научной добросовестности которых он уверен. Полностью отдавать провинциальным ученым тематику хорошо финансируемых научных проектов невыгодно, т. к. повышается конкуренция, в которой он объективно не заинтересован. Дробление темы серьезно снижает стоимость работ. Провинциальным ученым идет 20–30 % от сумм всего гранта и государственного задания»* (канд. наук, рук. крупного науч. подразделения столичного высокорейтингового вуза, женщина, 39 лет).

Эксперт 4: «*Растет конкуренция в научной среде, финансирование снижается во всем мире. Чтобы выжить, необходимо ограничивать количество конкурентов. Наилучшей методикой борьбы с конкурентами становится блокировка их доступа к высокорейтинговым публикациям и, как следствие этого, блокировка доступа к серьезному финансированию. Закрытие РФФИ поможет серьезным образом снизить конкуренцию в научном мире, т. к. провинциальные ученые в силу различных причин – незнания и слабого владение английским языком, отсутствия поддержки в редактировании публикаций для высокорейтинговых журналов и т. п. – не смогут получить доступа к высокорейтинговым публикациям, благодаря которым они смогут принимать участие в конкурсах РНФ»* (д-р наук, ст. науч. сотр. НИИ РАН, проф. столичного высокорейтингового вуза, мужчина, 52 года).

Эксперт 5: «*В период пандемии стали возникать практики, когда студенты, особенно студенты-медики, ищут репетитора (в моем случае – преподавателя латинского языка) по личным связям, на специфических платформах преподавателей и занимаются с ним дистанционно. Студент, обучающийся в столичном вузе, приглашает преподавателя по ценам провинциального города. Это может быть выгоднее в несколько раз»* (канд. наук, доц. столичного вуза, преподаватель иностранных языков, женщина, 43 года).

Все эксперты едины во мнении, что пандемия и усиливающаяся благодаря ей цифровизация в научной и образовательной сферах увеличили практики теневого академического предпринимательства в несколько раз. Пандемия и цифровизация усилили академическую конкуренцию, академическую эксплуатацию, ограничили доступ многих провинциальных научных и образовательных коллективов к легальному и официальному финансированию научных и образовательных проектов, заставив их уходить в теневое нелегальное академическое предпринимательство.

Теневое академическое предпринимательство является весьма закрытой и законспирированной сферой социально-трудовых отношений. Выявить подлинный масштаб нелегальных академических практик поможет анализ потребностей студенческого сообщества. Исследование проводилось с декабря 2020 г. по апрель 2021 г. в студенческих Telegram-каналах, на открытых и закрытых платформах Пензы, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Томска, Барнаула, Новосибирска. Задача исследования – выявить частоту и востребованность случаев академического мошенничества и студенческой нечестности, которые являются питательной средой развития многих форм теневых академических практик, исключая случаи написания диссертаций, частей научных отчетов по грантам и государственным заданиям.

В результате опроса было выявлено, что до пандемии подавляющее большинство студентов (68 %) пользовались помощью репетиторов, услугами по подготовке готовых ответов на экзамен, по написанию курсовых и выпускных квалификационных работ. Только 13 % никогда не пользовались данными видами услуг; 19 %

отказались ответить, что свидетельствует об их возможном обращении к такому виду услуг.

Согласно данным опроса, в период пандемии осталось неизменным количество студентов, не пользовавшихся нелегальными услугами (13 %). Количество студентов, пользовавшихся данными услугами, возросло до 77 %. Количество студентов, отказавшихся отвечать, составило 10 %. Таким образом, количество потенциальных потребителей на исследуемом теневом рынке составило примерно 87 %.

Более половины респондентов (58 %) обращались к нелегальным академическим услугам во время пандемии всего 1–2 раза, 33 % – 3–5 раз, 9 % – более 6 раз. При этом в качестве основных источников получения нелегальных теневых услуг 38 % опрошенных указали своих же преподавателей, 49 % – сторонних преподавателей (в т. ч. из других городов), продвигающих свои услуги в онлайн формате, 13 % – своих одногруппников, у которых студенты заказывали курсовые и иные работы. Таким образом, пандемия способствовала увеличению участников теневого рынка нелегальных теневых услуг.

Тенденции

Полученные результаты исследования позволяют выявить следующие специфические тенденции. Пандемия и связанное с ней усиление процессов цифровизации увеличили сферу распространения практик теневого академического предпринимательства. С развитием академического капитализма, нелегального академического предпринимательства растет конкуренция между научными институтами и университетами. Она идет по нескольким направлениям. Различают академическую конкуренцию за:

- попадание в международные и национальные рейтинги;
- рост аккредитационных показателей;
- сохранение высокого качества образования;
- поддержание высокого статуса диссертационных советов;
- дополнительное финансирование учреждений или дополнительное личное финансирование;
- сохранение стабильности в оплате обучения за счет экономии от масштаба.

В российской академической среде развивается специфическая форма академической эксплуатации, когда неформальный доступ к грантовым фондам, публикациям в высокорейтинговых престижных журналах позволяет определенным группам научных работников «выбивать» финансирование и отдавать его на «теневой аутсорсинг» в научные группы, не имеющие доступа к этим фондам, грантам. По данным экспертов, оплата «научным неграм» составляет на сегодняшний день 30–50 % от суммы полученного гранта или государственного задания. Эти теневые неформальные практики приводят к потере некоторыми учеными и научными коллективами собственного имени в науке, когда они вынуждены жертвовать своим авторством из-за получения дополнительного нелегального финансирования.

Стремление к получению прибыли приобрело в российской академической среде особенно явный характер. На данный момент в российской научной среде складывается особая специфика, когда становится крайне тяжело, практически невозможно получить финансирование от коммерческих, частных фондов, все научное финансирование идет через государственные грантовые фонды. Задачей ученых и преподавателей становится преумножение собственного или академического символического и монетарного капитала. Учреждения высшей школы превращаются в коммерческие предприятия. Это приводит к изменению их роли, поскольку они становятся своего рода торговыми агентами, находящимися в постоянной конкуренции с другими коммерческими предприятиями и вынужденными позиционировать себя на образовательном и исследовательском рынке, причем их названия – не что иное, как фирменный знак – символический капитал.

Научные институты или университеты становятся избранными клубами, вступление в которые означает получение более ценностного уровня, конвертируемого в социальный престиж. Для эффективного выполнения этой роли университет вынужден аккумулировать имеющийся у него социальный, интеллектуальный и финансовый капитал, чтобы иметь возможность получить более высокую капитализацию интеллектуальных, социальных и финансовых активов. Это заставляет вузы и академические институты искать богатых спонсоров, а также включаться в международные альянсы и консорциумы, чтобы создавать позиционные преимущества в своей сфере.

При академическом капитализме на фоне цифровизации научного и образовательного труда усиливается так называемый «эффект Матфея», введенный в научный оборот Р. Мертоном в 1960-е гг. XX в. Суть его состоит в своеобразной интерпретации евангельского изречения «кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»[4]. «Эффект Матфея» выражается в настоящее время в процессах углубления неравенства в научной сфере, концентрации ресурсов в ведущих научных центрах и у именитых ученых. Главное объяснение этому – неравенство стартовых возможностей представителей различных научных школ и регионов. В международное сотрудничество в 1990-е гг. включилась прежде всего немногочисленная элитарная часть научного сообщества – представители столичных научных школ, многие из которых имели международные контакты еще в советское время.

[4] Евангелие от Матфея. Гл. 13. Стих: 12.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

В российской науке и образовании складывается специфический конфликт интересов, когда начинающие или провинциальные исследователи вынуждены выполнять научные проекты, на которые их столичные высокорейтинговые «работодатели» получили финансирование. Научные работники, сотрудники университетов формируют научно-образовательное сословие, основными характеристиками становятся закрытость, кастовость. Возникают ситуации, когда академические должности могут передаваться по наследству, при этом внутри сословия возникают научные олигархи, научные богатые, научный пролетариат, который вынужден продавать свои знания, опыт и наработки за небольшое дополнительное финансирование. Речь идет о пролетаризации академического труда в РФ, сам факт которой вследствие теневого предпринимательства приводит не к усилению академического капитализма из-за добросовестной конкуренции, а к феодализации академического рынка труда.

В современном академическом или университетском мире России на протяжении тридцати лет формировались «научные синьоры», имеющие серьезные финансовые, административные ресурсы, которые становились «псевдоработодателями», дающими членам своих коллективов или провинциальным ученым и преподавателям возможности работать и прилично зарабатывать в сфере науки и образования. В отношениях современной научной и образовательной коммендации научные и образовательные вассалы проводят обязательные учебные занятия, входящие в официальную рабочую нагрузку своих руководителей, обсуживают их бытовые потребности, проводят исследования, финансирование на которые получает начальство[5] [5; 8; 13].

Причинами феодализации российского академического капитализма стали всеобщая коммерциализация и маркетизация всех сфер жизни общества; сословная стратификация научно-образовательной сферы, когда в научно-образовательном сословии возникает своя элита и научно-образовательная олигархия, концентрирующие все финансовые, административные ресурсы и принуждающие к эксплуатации научно-образовательных пролетариев; проникновение коммерческих технологий работы и коммерческих социальных технологий в сферу науки и образования; прекращение действия устаревшей правовой системы; деформация старой академической морали и этики.

Теневое академическое предпринимательство, феодализационная трансформация российского академического капитализма и академической сферы развиваются также посредством большого спроса со стороны студенческого сообщества, в котором сформировалась устойчивая тенденция на некачественное высшее образование, формирующая академическую нечестность как в студенческой среде, так и в научной и преподавательской.

Эмпирические исследования в разных странах показывают, что довольно большое число студентов хотя бы раз прибегали к практикам нечестного поведения: плагиату, списыванию на экзамене со шпаргалок, списыванию домашних заданий у одногруппников, помощи одногруппникам на экзаменах и т. д. [6; 13–16]. Кроме того, в связи с развитием цифровых технологий стали возникать новые виды академического мошенничества, такие как списывание и плагиат с использованием гаджетов и Интернета, привлечение провинциальных ученых, преподавателей из среднеселективных и низкоселективных вузов и НИИ в форме теневой занятости для выполнения грантовых исследований, финансирование которых получили столичные ученые из высокорейтинговых, высокоселективных вузов и НИИ, аффилированных с грантовыми фондами России и зарубежных стран.

Следующей причиной масштабного развития теневого академического предпринимательства, академической конкуренции и академической сверхэксплуатации является различное понимание справедливости внутри российского академического сообщества, трактуемое новой концепцией – социологией критической способности Л. Болтански и Л. Тевено [17; 18]. Этот теоретический дискурс предполагает отказ от изначальной однозначной установки на рассмотрение конкретных социальных практик как чего-то плохого, несправедливого, постыдного или как правильного, этичного, справедливого. Социология критической способности опирается на сложившиеся в конкретном обществе социальные практики, дискуссии вокруг соответствующих практик и анализ того, как в их рамках производятся и воспроизводятся различные представления о социальном добре / социальном зле, справедливости / несправедливости. Социология критической способности обращается и к критике, и к оправданию.

Л. Болтански и Л. Тевено выделяют шесть режимов критики и оправдания:

1) режим вдохновения;
2) патриархальный (домашний) режим;
3) режим репутации (славы);
4) гражданский режим;
5) рыночный режим;
6) индустриальный (научно-технический) режим [17; 18].

Развитие архаичных социальных практик, феодализация академического капитализма, сословная стратификация, характерная доиндустриальным обществам, коррелируют с патриархальными социальными отношениями в российской науке и образовании. Патриархальному (домашнему) режиму соответствует отсылка к личным отношениям, опора на авторитет, признаваемую иерархию и традиции.

Но феодально-архаические социально-трудовые практики в академической среде предполагают формирование

[5] По данным наблюдения 2012–2021 гг. в вузах и институтах Пензы, Саранска, Санкт-Петербурга.

и развитие такой специфической капиталистической черты – жесткой конкуренции. В основе конкурентного рыночного режима в отечественной научной среде лежат отношения конкуренции между субъектами, а также желания субъектов обладать определенными (финансовыми и административными) благами. В рамках данного режима принципом эквивалентности является стремление к выгоде, достижению целей при минимальных усилиях и временных вложениях.

В этом режиме формируется иерархия доверия, выстроенная на основе личных зависимостей, которая делает возможным развитие феодальных социальных практик в самой инновационной социальной страте российского общества. Специфическое социальное доверие внутри научно-образовательного сословия формирует толерантность университетского сообщества и НИИ к теневому академическому предпринимательству и к случаям научного мошенничества. На основе этой толерантности к нелегальным практикам ведения научной работы и преподавания разрушается стремление к истине, к общему благу в научно-образовательном сословии. Социальное доверие внутри теневых академических схем, толерантность к научному мошенничеству, создание закрытых научно-образовательных каст усиливают атомизм внутри научно-образовательного сословия, блокирующий формирование социальной солидарности с коллегами: академическая среда становится доступной для манипуляций и неспособной к сопротивлению негативным социальным трансформациям в науке и образовании.

Заключение

Таким образом, рынок теневого академического предпринимательства является закрытым, очень законспирированным, жестким, высококонкурентным. На него, как и на всю мировую экономику, повлияли пандемия короновируса и связанная с ней масштабная цифровизация. Если на многих легальных и теневых рынках произошло снижение экономической активности, то на рынке теневого академического предпринимательства в России наблюдается экономический бум. Благодаря цифровизации активность на рынке теневого академического предпринимательства в России за 2020–2021 гг. выросла в несколько раз. Развитие новых форм цифровой трудовой занятости, теневого академического капитализма обусловливают формирование таких специфических социальных тенденций, как:

- трансформация академических работников в научно-образовательное сословие с жесткой клановой иерархией;
- формирование в научно-образовательном сословии научно-образовательной элиты, олигархии, среднего класса, научных пролетариев и научно-образовательных бедняков;
- феодализация академического сообщества, научных и образовательных практик и усиление капиталистического момента – конкуренции в академическом сословии;
- смена приоритетов в тематике научных исследований, когда предпочтение отдается не важной, стратегической тематике, а темам, на финансирование которых удается получить финансовые средства от правительства, бизнеса и грантовых фондов;
- появление гибких неформальных академических структур, отличающихся фрагментарной сверхсвязанностью, нерыночными механизмами академической конкуренции;
- развитие новых форм цифровой и традиционной академической эксплуатации;
- потеря собственного академического профиля в угоду теневым академическим структурам и работодателям;
- теневое брендирование университетов и НИИ;
- пролетаризация академического сословия;
- формирование специфического конфликта интересов в науке и образовании;
- возникновение в студенческой среде России спроса на некачественное высшее образование, стимулирующего теневое академическое предпринимательство;
- монополизация на академическом рынке труда.

Из-за этого академическое сообщество в России трансформируется в закрытое сословие, регулируемое одновременно феодальными и капиталистическими социально-трудовыми практиками и социальными отношениями, со специфической стратификацией на цифровую академическую элиту, средний класс академических предпринимателей, цифровых академических пролетариев.

В настоящее время, когда происходит формирование социально-экономической структуры теневого академического предпринимательства, еще сложно увидеть какие-либо более или менее четкие перспективы развития данного явления. Но на основании некоторых научно-технологических неудач России в сфере освоения космоса, авиастроения, автопрома; данных Счетной Палаты РФ по поводу аудита эффективности финансовых затрат на научную сферу трудно давать оптимистичные прогнозы по трансформации теневых структур академического предпринимательства[6]. Можно только согласиться с данными аудита Счетной Палаты и последовать некоторым ее рекомендациям (закрепление в российском законодательстве государственных мер по поддержке науки, создание действительно работающих социальных лифтов в российской провинции, формирование системы мониторинга результативности исследовательской деятельности, в т. ч. учета коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и др.).

[6] Кузнецова Е., Старостина Ю. Счетная палата назвала главные проблемы российской науки // РБК. 07.02.2020. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3c1bf19a7947cce149aa99 (дата обращения: 04.05.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: И. А. Юрасов – разработка общей концепции статьи; анализ отечественных и зарубежных подходов к изучению академического предпринимательства. М. А. Танина – разработка методики исследования; проведение опроса по проблемам академического предпринимательства. В. А. Юдина – обработка данных опроса по проблемам академического предпринимательства; формулирование специфических тенденций теневого академического предпринимательства. Е. В. Кузнецова – экспертная оценка исследования; верификация научных выводов статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00310 «Самозанятые работники физического и умственного труда России: исследование новейших тенденций социальной стратификации, социокультурный анализ жизненных стратегий прекариата».

Литература

1. Hackett E. J. Academic capitalism // Science, Technology, & Human Values. 2014. Vol. 39. № 5. P. 635–638. https://doi.org/10.1177/0162243914540219
2. Slaughter S., Leslie L. L. Academic capitalism: politics, policies, and the entrepreneurial university. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997. 276 p. https://doi.org/10.5860/choice.35-3451
3. Акимова Е. Н., Шатаева О. В. Академические капитализм: смены парадигмы развития высшей школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. № 3. С. 8–17. https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-3-8-17
4. Баженов С. В., Баженова Е. Ю. Академический капитализм: анализ подходов в изучении академического мира // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 10А. С. 263–275. https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.10.031
5. Горохов В. Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.
6. Chapman K. J., Davis R., Toy D., Wright L. Academic integrity in the business school environment: I'll get by with a little help from my friends // Journal of Marketing Education. 2004. Vol. 26. № 3. P. 236–249. https://doi.org/10.1177/0273475304268779
7. Митин А. Н. Размышления об «академическом капитализме» // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 1. С. 120–125.
8. Weingart P. Die amerikanische Wissenschaftslobby: zum sozialen und politischen Wandel des Wissenschaftssystems im Prozess der Forschungsplanung. Düsseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1970. 251 p.
9. Poell T., Nieborg D. B., Dijck J. van. Platformisation // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 4. https://doi.org/10.14763/2019.4.1425
10. Mejias U. A., Couldry N. Datafication // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 4. https://doi.org/10.14763/2019.4.1428
11. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790
12. Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011. 142 с.
13. Denisova-Schmidt E., Huber M., Leontyeva E. On the development of students' attitudes towards corruption and cheating in Russian universities // European Journal of Higher Education. 2016. Vol. 6. № 2. P. 128–143. https://doi.org/10.1080/21568235.2016.1154477
14. McCabe D. L., Treviño L. K. Academic dishonesty: honor codes and other contextual influences // The Journal of Higher Education. 1993. Vol. 64. № 5. P. 522–538. https://doi.org/10.2307/2959991
15. Jeergal P. A., Surekha R., Sharma P., Anila K., Jeergal V. A., Rani T. Prevalence, perception and attitude of dental students towards academic dishonesty and ways to overcome cheating behaviors // Journal of Advanced Clinical & Research Insights. 2015. Vol. 2. № 1. P. 2–6. https://doi.org/10.15713/ins.jcri.32
16. Maloshonok N., Shmeleva E. Factors influencing academic dishonesty among undergraduate students at Russian universities // Journal of Academic Ethics. 2019. Vol. 17. № 3. P. 313–329. https://doi.org/10.1007/s10805-019-9324-y
17. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности / пер. с англ. К. А. Виноградовой, под ред. А. В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
18. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой, под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

original article

Informal Academic Entrepreneurship: Current State and Development Trends

Igor A. Yurasov
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza State University, Institute of regional development of the Penza region; https://orcid.org/0000-0002-4884-6422; jurassow@yandex.ru

Maria A. Tanina
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0001-7311-6280; margo10@inbox.ru

Vera A. Yudina
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0001-9835-9430; vayudina@fa.ru

Elena V. Kuznetsova
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0002-6863-1066; elena_myskina@mail.ru

Received 31 May 2021. Accepted after peer review 20 Sep 2021. Accepted for publication 20 Sep 2021.

Abstract: The concept of *academic capitalism* appeared in the international sociological discourse in the 1990s. However, Russian academic capitalism has taken unconventional forms as it develops in the shadow informal environment of the academic labor market. It covers a wide range of academic activities, e.g. tutorship, extra classes, ghost-writing of essays, theses and graduation papers, etc. Quite often, federal universities and research centers order grant reports, state assignments papers, and manuscripts for top peer-reviewed journals from provincial academics. The Russian market of shadow academic entrepreneurship is closed, secretive, tough, and highly competitive. The COVID-19 pandemic gave it a new rise: it increased three times in 2020–2021. New forms of digital employment and shadow academic capitalism lead to new social trends, e.g. new priorities appear in the subject of scientific research as academic institutions lose their profile in favor of their shadow academic employers. New flexible informal academic structures demonstrate faceted over-connectivity, non-market mechanisms of academic competition, and new forms of digital and traditional academic exploitation. Other trends include shadow branding of universities, proletarization and feudalization of academic labor, conflict of interests in science and education, formation of demand for low-quality higher education, monopolization in the academic market, etc. As a result, the academic community in Russia is transforming into a closed estate with its digital academic elite, middle class of academic entrepreneurs, and digital academic proletarians.

Keywords: academic capitalism, pandemic, digital capitalism, fragmentary super-connectivity, class stratification of the academic community, proletarization and feudalization of academic labor

Citation: Yurasov I. A., Tanina M. A., Yudina V. A., Kuznetsova E. V. Informal Academic Entrepreneurship: Current State and Development Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 347–356. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: I. A. Yurasov developed the general research concept and analyzed domestic and foreign approaches to academic entrepreneurship. M. A. Tanina developed the research methodology and surveyed the issues of academic entrepreneurship. V. A. Yudina processed the survey data and formulated the trends in the shadow academic entrepreneurship. E. V. Kuznetsova provided an expert evaluation of the research and verified the conclusion.

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of project No. 20-011-00310 "Self-employed workers of physical and mental labor in Russia: a study of the latest trends in social stratification and a socio-cultural analysis of precariat life strategies".

References

1. Hackett E. J. Academic capitalism. *Science, Technology, & Human Values*. 2014, 39(5): 635–638. https://doi.org/10.1177/0162243914540219
2. Slaughter S., Leslie L. L. *Academic capitalism: politics, policies, and the entrepreneurial university*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997, 276. https://doi.org/10.5860/choice.35-3451
3. Akimova E. N., Shatayeva O. V. Academic capitalism: changing the paradigm of higher school development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2020, (3): 8–17. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-3-8-17

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

4. Bazhenov S. V., Bazhenova E. Yu. Academic capitalism: an analysis of the approaches to the study of the academic world. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra,* 2019, 9(10A): 263–275. (In Russ.) https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.10.031
5. Gorokhov V. G. How the science and scientific education during the epoch of "the academic capitalism" are possible? *Voprosy Filosofii,* 2010, (12): 3–14. (In Russ.)
6. Chapman K. J., Davis R., Toy D., Wright L. Academic integrity in the business school environment: I'll get by with a little help from my friends. *Journal of Marketing Education*, 2004, 26(3): 236–249. https://doi.org/10.1177/0273475304268779
7. Mitin A. N. Thoughts on "academic capitalism". *Biznes, menedzhment i pravo*, 2014, (1): 120–125. (In Russ.)
8. Weingart P. *Die amerikanische Wissenschaftslobby: zum sozialen und politischen Wandel des Wissenschaftssystems im Prozess der Forschungsplanung.* Düsseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1970, 251.
9. Poell T., Nieborg D. B., Dijck J. van. Platformisation. *Internet Policy Review*, 2019, 8(4). https://doi.org/10.14763/2019.4.1425
10. Mejias U. A., Couldry N. Datafication. *Internet Policy Review*, 2019, 8(4). https://doi.org/10.14763/2019.4.1428
11. Smirnov A. V. Digital society: theoretical model and Russian reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, (1): 129–153. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790
12. Dugin A. G. *Archaeomodern*. Moscow: Arktogeia, 2011, 142. (In Russ.)
13. Denisova-Schmidt E., Huber M., Leontyeva E. On the development of students' attitudes towards corruption and cheating in Russian universities. *European Journal of Higher Education*. 2016, 6(2): 128–143. https://doi.org/10.1080/21568235.2016.1154477
14. McCabe D. L., Treviño L. K. Academic dishonesty: honor codes and other contextual influences. *The Journal of Higher Education,* 1993, 64(5): 522–538. https://doi.org/10.2307/2959991
15. Jeergal P. A., Surekha R., Sharma P., Anila K., Jeergal V. A., Rani T. Prevalence, perception and attitude of dental students towards academic dishonesty and ways to overcome cheating behaviors. *Journal of Advanced Clinical & Research Insights,* 2015, 2(1): 2–6. https://doi.org/10.15713/ins.jcri.32
16. Maloshonok N., Shmeleva E. Factors influencing academic dishonesty among undergraduate students at Russian universities. *Journal of Academic Ethics*, 2019, 17(3): 313–329. https://doi.org/10.1007/s10805-019-9324-y
17. Boltanski L., Thévenot L. The sociology of critical capacity, tr. Vinogradova K. A., ed. Tavrovskii A. V. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii,* 2000, 3(3): 66–83. (In Russ.)
18. Boltanski L., Thévenot L. *De la justification: les economies de la grandeur*, tr. Koveneva O. V., ed. Koposov N. E. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 576. (In Russ.)

оригинальная статья

Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона

Светлана Ивановна Бабина
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; babina-si@rambler.ru

Наталья Михайловна Егорова
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Поступила в редакцию 06.09.2021. Принята после рецензирования 27.09.2021. Принята в печать 11.10.2021.

Аннотация: Статья имеет обзорно-аналитический характер. Цель – сравнительный анализ социально-экономических показателей уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса и России за период с 2005 по 2019 годы, выявление причин, объясняющих падение уровни жизни и усиление отрицательной миграции. Учитывая, что Кузбасс является угольным регионом, анализ проведен в контексте характеристик ресурсной экономики. Методологической основой исследования стали труды российских и зарубежных ученых по теории уровня жизни и благосостояния, ресурсной экономики, справедливой экономики. Дается авторское определение понятия *уровень жизни населения* – совокупность элементов человеческого бытия, определяемых возможностями выбора, которые зависят от социально-экономического развития общества и доступны человеку с учетом его личных доходов. Выявлено, что уровень жизни населения Кемеровской области, несмотря на богатейшие природные ресурсы, увеличение добычи угля за анализируемый период более, чем в 1,5 раза, положительную динамику валового регионального продукта, из года в год ухудшается. Большинство показателей, используемых в анализе, являются более низкими по сравнению с общероссийскими показателями; по некоторым из них разрыв достигает 50–60 %. Проблемы низкого уровня жизни актуальны и для других ресурсных регионов России. Разработка и реализация региональных стратегий и программ не способны в полной мере улучшить уровень жизни населения ресурсных регионов при существующей системе социальных институтов. Для изменения ситуации необходимы государственные решения по изменению механизмов распределения валового регионального продукта в пользу ресурсных регионов. Через изменение налогового и бюджетного законодательства финансовые потоки от деятельности ресурсных компаний должны быть направлены на решение региональных проблем, на улучшение благосостояния и повышение уровня жизни работников и населения, проживающего на территориях с зависимой экономикой.

Ключевые слова: качество жизни, благосостояние, стоимость жизни, свобода выбора, доходы, расходы, потребление, социально-экономическое развитие, социальные институты экономики, валовой региональный продукт, ресурсное проклятие

Цитирование: Бабина С. И., Егорова Н. М. Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 357–373. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

Введение

Уровень жизни населения является отражением степени развития общества, его научно-технического прогресса, экономической и социальной политики государства. Повышение уровня жизни выступает главной стратегической целью правительств в демократическом обществе. Этой цели подчинены проекты и программы социально-экономического развития, научные изыскания в области производства и управления. В настоящий момент глобальным мировым трендом является цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека. Четвертая промышленная революция (индустрия 4.0) способна поднять на качественно новый уровень производительность труда, систему государственного и производственного управления, что в конечном итоге должно повысить благосостояние населения.

В Указе Президента России № 474 определены целевые показатели в области демографии, здравоохранения, образования, комфортной и безопасной среды, цифровой трансформации. Выполнение программ в рамках данного указа должно обеспечить повышение уровня жизни, создать комфортные условия для проживания, способствовать раскрытию таланта каждого человека[1].

Однако реалии жизни свидетельствуют о том, что не всегда реализуемые в России проекты и программы социально-экономического развития позволяют достичь декларируемых государственных целей и обеспечить

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента России от 21.07.2020 № 474 // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 20.07.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

прогнозируемый рост уровня жизни населения во всех регионах страны в равной степени. Причины этого видятся в несовершенстве социальных институтов, сформированных к настоящему времени. Сложившаяся в рыночной экономике система отношений в сфере производства и распределения материальных благ, а также механизмы и инструменты (нормы, нормативы, законы и т. п.), используемые для их регулирования, порой идут вразрез с принципом экономической справедливости, формируют неоправданно высокую дифференциацию в уровнях жизни населения столичных мегаполисов и провинциальных регионов, к которым относится и Кемеровская область – Кузбасс.

Цель исследования – сравнительный анализ экономических показателей, характеризующих уровень жизни населения Кемеровской области, с аналогичными средними показателями России; выявление причин, объясняющих падение уровня жизни и усиление отрицательной миграции. Учитывая, что Кузбасс является угольным регионом, анализ проведен в контексте характеристик ресурсной экономики.

Методологической основой исследования стали труды российских и зарубежных ученых по теории уровня жизни и благосостояния, ресурсной экономики, справедливой экономики. Исследование базировалось на системном, комплексном и аспектном подходах с учетом выбора показателей для анализа, соответствующих дискурсу проблемы и характеризующих уровень жизни в регионе ресурсного типа.

Для экономической оценки уровня жизни применены методы построения динамических рядов, индексного, графического, структурного и сравнительного анализа. В качестве эталона для сравнения взяты средние аналогичные показатели по России. Исследование базируется на официальной статистике Росстата. Графики, диаграммы, таблицы составлены авторами на основе данных, опубликованных в сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели»[2] и «Социальное положение и уровень жизни населения России»[3] за 15-летний период с 2005 г. по 2019 г.

Методология исследования

Уровень жизни населения является интегральным критерием оценки социально-экономической политики государства. Данная категория и ее индикаторы исследуются различными научными школами, общественными организациями, учеными разных стран. Теория и методы оценки уровня жизни постоянно совершенствуются адекватно общественному развитию. Существует несколько концепций уровня жизни.

Традиционные концепции

Концепция потребления. «О своем успехе в материальном мире человек обычно судит по достигнутой обеспеченности потребительскими благами. Располагаемые блага, другими словами, находящиеся в распоряжении предметы потребления и услуги, отражаются в его сознании как элементы бытия, которые складываются мысленно в индивидуальный уровень жизни. Уровень жизни, понимаемый как обеспеченность, отражает объективную сторону условий жизни индивида, т. е. количество и качество окружающих его благ» [1, с. 70; 2, с. 74].

В рамках концепции возникло множество определений исследуемого понятия, методик, включающих разное количество показателей и способов получения комплексной оценки. Категория *уровень жизни* близко связана с такими понятиями, как *качество жизни, благосостояние, стоимость жизни*. Существуют разные подходы к раскрытию сущности данных категорий, их взаимосвязи и соотношения. Всероссийский центр уровня жизни определяет *уровень жизни* как «денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом» [3]. Авторы учебника «Социальная статистика» так трактуют *уровень жизни*: «обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей. Так понимается и *благосостояние*; «денежная оценка благ и услуг, фактически потребляемых в среднем домохозяйстве, …представляет собой *стоимость жизни*» [4].

Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева фактически ставят равенство между категорией *уровень жизни* и выражениями «уровень благосостояния населения, мера удовлетворения основных жизненных потребностей людей» [5]. Аналогичный взгляд представлен в работе «Политика доходов и качество жизни населения»: *уровень жизни* – «это интегрированная, существенная параметрическая величина, отражающая на определенный период степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, что выражается в количестве и качестве потребляемых человеком благ и услуг, оцениваемых системой показателей» [6, с. 77].

Раскрытие сущности уровня жизни через обеспеченность или степень обеспеченности людей материальными благами для удовлетворения многообразных человеческих потребностей, отражено в работах И. А. Хисамутдинова [7], Г. М. Дендак [8], М. А. Меньшиковой, К. В. Коптевой [9].

Понятие *качество жизни* рассматривается чаще всего как «субъективная оценка степени удовлетворения населением своих потребностей» [6, с. 75] или как

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

[3] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 352 с.

«комплексная характеристика уровня и условий жизнедеятельности людей, отражающая степень удовлетворения ими различных потребностей и субъективное восприятие жизни и ее отдельных аспектов» [10, с. 35–36]. Это понятие характеризуется более широким набором показателей. Как отмечает Е. А. Морозова, «богатое наполнение анализируемого понятия говорит, с одной стороны, о сложности его исчерпывающе широкого и глубокого эмпирического изучения, с другой стороны, о наличии определенного выбора наиболее представительных параметров и конструирования систем показателей для измерения качества жизни» [10, с. 36; 11].

Концепция уровня жизни как ее полезности. «Современная модификация этой концепции отождествляет полезность с осуществлением желаний. В отличие от концепции потребления данная концепция фокусируется на человеке, а не на внешних условиях его жизни» [1, с. 70; 2, с. 77]. Другими словами, оценка уровня жизни основывается на том, как тот или иной индивид ощущает свое благосостояние; она субъективна и является методологической основой социологических опросов населения.

Современные концепции уровня жизни

Теория Амартии Сена. Теория индийского экономиста, лауреата Нобелевской премии 1998 г. «За вклад в экономику благосостояния», получившая наибольшую популярность в конце 70-х гг. Теория основана на двух концепциях: фактического уровня жизни человека и возможностей или индивидуальной свободы выбора [1; 2]. В первой из них под уровнем жизни понимается «совокупность видов деятельности человека и аспектов существования, действительно свойственных его жизни в данный момент времени, или на протяжении учетного периода той или иной продолжительности. Жизнь человека в рамках этой концепции предстает как развертывающийся во времени поток событий и процессов, а его бытие – как мгновенный срез, поперечное сечение этого потока, соответственно, уровень жизни характеризуется обобщенной оценкой совокупности ключевых элементов фактического бытия индивида». Суть второй концепции заключается в том, что уровень жизни человека определяется «возможностями или индивидуальной свободой выбора доступных стилей жизни», которые ему может предоставить общество в конкретный момент времени [1, с. 74; 2, с. 80]. В понимании первой концепции выбор стиля жизни определяет в конечном итоге его фактический уровень жизни.

Концепция человеческого развития и индекса человеческого развития (ИЧР). В основу разработки концепции легла теория А. Сена. *ИЧР* – это интегрированный показатель, используемый в ежегодных докладах ООН о развитии человека для сравнения и ранжирования разных стран мира по уровню жизни. ИЧР строится на основе таких индикаторов, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности, валовой национальный доход по паритету покупательной способности, которые с 2010 г. корректируются на индексы социально-экономического неравенства, гендерного неравенства и многомерности бедности [12].

Россия в 2019 г. по ИЧР (0,824) заняла 52 место среди 189 государств, участвующих в оценке. За период с 1990 г. по 2019 г. рост ИЧР составил 12,1 %. По данным за 2018 г. Москва в списке регионов России имела ИЧР 0,959, опережая Норвегию (0,954), стоящую в рейтинге стран мира на первой позиции. Близкое значение ИЧР имел и Санкт-Петербург (0,951). Кемеровская область занимала 47 место (0,867), что примерно соответствует уровню показателя Польши (0,865), у которой 33 место в мировом рейтинге.

Согласно современным концепциям, материальную базу возможностей и свободы выбора человека обеспечивают социально-экономическое развитие общества (вся совокупность созданных в стране или в регионе материальных благ и оказываемых социальных услуг) и личные доходы. Чем значительнее их величины, тем шире спектр возможностей и тем больше свобода выбора конкретного гражданина для развития своих способностей, талантов, построения жизненного пути, и, соответственно, лучше уровень и качество жизни. Базовым показателем для оценки уровня жизни в рамках названной концепции, как и в традиционных теориях, является показатель ВВП в расчете на душу населения. В то же время, как отмечает А. А. Подузов, «совершенствование экономической и социальной политики должно учитывать, что производимые блага, при всей их важности и полезности, не являются самоцелью. Они являются средством, ценность которого определяется тем, что люди могут делать с их помощью. Их общая масса и состав должны быть подчинены достижению сбалансированной совокупности наиболее важных и обладающих самостоятельной ценностью элементов человеческого бытия» [1, с. 79; 2, с. 88].

Подводя итог вышесказанному, под уровнем жизни будем понимать совокупность элементов человеческого бытия, определяемых возможностями выбора, которые зависят от социально-экономического развития общества и доступны человеку с учетом его личных доходов. Исходя из приведенного определения, понятно, что чем выше уровень социально-экономического развития региона (страны) и доходы населения, тем шире спектр возможностей выбора не только материальных благ и услуг, но и построения жизненной траектории, следовательно, тем более высокий уровень жизни населения характерен для данного общества.

В существующих методиках содержится разное количество показателей для оценки уровня жизни человека, населения региона или страны в целом, которые могут объединяться в социально-экономические индикаторы по группам компонентов, а затем в обобщающие индексы. «Достигнутое к настоящему времени состояние дел

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

в области измерения и соизмерения уровней жизни – это результат продолжительной концентрации и координации значительных интеллектуальных усилий во всем мире» [1, с. 71; 2, с. 76].

Детальный анализ методик выходит за рамки настоящей статьи. В то же время отметим, что выбор исходных показателей для расчета социально-экономических индикаторов и индексов в российских методиках, как правило, основывается на Методологических положениях по статистике Федеральной службы государственной статистики[4], в которых представлена большая группа показателей, отражающих доходы, расходы, потребления населения, коэффициенты дифференциации, концентрации и др.

Во многих современных методиках для оценки уровня и качества жизни используются также индикаторы, отражающие демографическую ситуацию, положение дел в сфере охраны правопорядка, экологии, развитость социальной сферы (медицины, образования, культуры, спорта, жилищно-коммунального хозяйства), т.е. это показатели, характеризующие состояние среды проживания населения.

В нашем исследовании мы применяем относительные экономические и социальные показатели в расчете на 1000 человек или долевые значения при анализе структур, что позволяет проводить сравнение с эталоном, в качестве которого выступают среднероссийские аналогичные показатели. Использование простых показателей позволяет получить комплексную характеристику уровня жизни конкретного региона, выявить тенденции в динамике ключевых показателей, дать объективную картину состояния по факторам и сферам социально-экономического развития региона, определяющим уровень жизни населения. К индексам, объединяющим группы индикаторов или более частные индексы, чаще прибегают для сравнения регионов и стран. Недостаток агрегаторов – нивелирование низкого уровня отдельных показателей за счет высокого уровня других, что заложено в самом механизме их расчета.

Подчеркнем, что уровень социально-экономического развития общества является первичным фактором, определяющим уровень жизни. При положительной динамике ВВП и финансового результата деятельности организаций должны увеличиваться показатели доходов, потребления населения, развития социальной сферы, всего, что определяет свободу выбора. Поэтому несправедливой следует расценивать ситуацию, когда при росте ВВП в динамике происходит снижение уровня благосостояния населения, его обнищание.

Другие важные категории, которыми мы оперируем в своем исследовании, – *ресурсная зависимость экономики* и *ресурсное проклятие*. Под ресурсной зависимостью понимается такая экономика, в которой большая доля ВВП приходится на добывающие отрасли, экспорт сырья и продукции первого передела [13–16]. «В российской экономике регионы ресурсного типа занимают особое место, так как именно экспортно-ориентированные добывающие отрасли и отрасли первого передела обрабатывающей промышленности являются локомотивами российской экономики и определяют ее место в глобальном разделении труда» [14, с. 91]. Ресурсное проклятие выражается в более низких темпах развития регионов с богатыми ресурсами по сравнению с регионами, основу экономик которых составляет перерабатывающий сектор. «Проблема заключается в том, что влиятельные экономические и политические акторы удовлетворяют свои интересы в рамках сформировавшихся экспортно-ресурсных анклавов богатств, а сформировавшиеся институты подавляют стимулы к развитию других секторов экономики» [14, с. 92]. Следствием такой политики является более низкий уровень жизни населения многих ресурсных регионов.

Проблемам ресурсной зависимости и ресурсного проклятия посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых [13–24]. М. Росс [22] и Э. Венаблес [24] отмечают, что ресурсное проклятие возникает не во всех богатых ресурсами регионах, а только «там, где государство оказывается неспособным эффективно использовать природные ресурсы как фактор экономического роста. Это определяется как состоянием институтов, так и выбором политических элит» [14, с. 93].

В России при переходе к рыночным отношениям была разрушена система социалистических институтов, обеспечивающая стабильный баланс интересов всех участников социально-экономических отношений, в том числе между центром и регионами, добывающими и перерабатывающими секторами экономики, столичными и провинциальными городами. При всех недостатках социалистической экономики государство проявляло особую заботу о населении территорий с ресурсной экономикой. Через распределение национального дохода таким регионам оказывалась существенная финансовая поддержка, обеспечивающая высокий уровень благосостояния и качества жизни населения. В советское время шахтеры и металлурги составляли элиту рабочего класса страны, имели заработную плату выше, чем в среднем по стране; предприятия топливно-энергетического комплекса, металлургической промышленности обладали собственной хорошо развитой социальной инфраструктурой.

Формирование нового класса капиталистов в России в начале 1990-х гг. осуществлялось, в отличие от Запада, стремительно. Инструментами выступали приватизация общенародной собственности за ваучеры, а затем их скупка небольшим количеством предприимчивых людей за бесценок у обнищавшего народа как следствия гиперинфляции, банкротства предприятий и повсеместной задержки выплат заработной платы. Новые «правила

[4] Методологические положения по статистике // Федеральная служба государственной статистики. Вып. 4. 2003. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm (дата обращения: 12.04.2021).

игры» были чужды и непонятны большей части населения, включая руководителей разных структур и уровней управления, интеллигенцию. Как отмечалось в научных публикациях периода перестроечных реформ, «рыночная трансформация экономики России сопровождалась радикальными по своему характеру институциональными преобразованиями» [25].

Система законодательства как базовый институт функционирования любой экономики отставала в своем становлении от развития новых экономических отношений. Несовершенство законов, частое внесение поправок в уже действующие законы не могло поддерживать стабильность деловых взаимосвязей и экономических процессов. На этой почве стали процветать беззаконие в действиях недобросовестных чиновников и руководителей, уход части бизнеса в теневую экономику, лоббирование интересов крупных коммерческих компаний в органах власти через подкуп должностных лиц, коррупция, вывоз капитала за границу, миграция высококвалифицированных специалистов в страны с развитой рыночной инфраструктурой и другие, разрушающие национальные интересы и экономику страны, явления. Сильно снизился уровень жизни населения, упала рождаемость, увеличился отток населения из регионов в столичные мегаполисы и города с развитой промышленностью и социальной сферой. Эти процессы затронули большинство территорий России, но особенно негативно они отразились на регионах с ресурсной экономикой, о чем свидетельствуют официальные данные Росстата и многочисленные публикации.

Президент и Правительство РФ за последние 20 лет разработали множество стратегических и программных документов; Государственная Дума и Совет Федерации приняли сотни законов, регулирующих отношения в разных сферах жизнедеятельности государства. Эти усилия должны способствовать повышению уровня жизни населения всех регионов России, но ситуация меняется крайне медленно, а во многих регионах является катастрофической.

Результаты

Кемеровская область – Кузбасс известна своими богатыми природными ресурсами. На ее территории разведано и учтено Государственным балансом полезных ископаемых РФ «порядка 500 месторождений полезных ископаемых, среди которых преобладают каменный уголь, железная руда, торф-сырец. Из цветных металлов добывают полиметаллические руды, цинк, свинец, серебро, золото, медь, вольфрам, ртуть, молибден, кобальт, никель; из нерудного сырья – флюсовые известняки, доломиты, кварциты, огнеупорные глины, формовочные пески, асбест, тальк, базальт. <…> По запасам углей, пригодных для разработки открытым способом, Кузбасс занимает второе место в России (после Канско-Ачинского бассейна), по степени их промышленного освоения – первое; на его долю приходится 60 % всех добываемых углей в стране»[5].

Отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности первого передела, угольной отрасли и черной металлургии составляют основу экономики Кемеровской области, которая является монопрофильной: 70 % жителей проживают в поселениях с монопрофильным производством.

За анализируемые 15 лет объем добычи угля в Кузбассе увеличился на 52,5 %: со 164 млн т угля в 2005 г. до 250,1 млн т в 2019 г. (в 2018 г. – 255,8 млн т). При этом в отраслевой структуре (в текущих основных ценах, в процентах к итогу) валового регионального продукта (ВРП) доля, приходящаяся на добычу полезных ископаемых, увеличилась на 34,7 % (с 27,1 % до 36,5 %). Существенно упали доли других отраслей и сфер деятельности: сельского хозяйства – на 30,3 % (с 3,3 % до 2,3 %), обрабатывающих производств – на 15 % (с 16,9 % до 14,4 %), строительства – на 35,8 % (с 5,3 % до 3,4 %), оптовой и розничной торговли – на 34 % (с 13,8 % до 9,1 %). Структура ВРП по отраслям экономики в 2019 г. представлена на рис. 1.

В товарной структуре экспорта Кемеровской области доля продукции топливно-энергетического комплекса

Рис. 1. Структура ВРП по отраслям экономики в 2019 г.
Fig. 1. Gross regional product by industry, 2019

[5] О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года». Закон Кемеровской области – Кузбасса от 23.12.2020 № 163-ОЗ // Администрация Правительства Кузбасса. Режим доступа: https://xn---2035-3veg1c0a7eat.xn--p1ai/ (дата обращения: 20.07.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

(ТЭК) с 2005 г. по 2019 г. возросла с 49,6 % до 78,2 %, т. е. увеличилась в 1,58 раза (рис. 2). В России в целом этот показатель также велик и в среднем составляет 68–70 %. Некоторая флуктуация значения показателя объясняется колебанием цен на нефть, газ и уголь на мировых рынках. Отношение показателей Кузбасса и России имеет ярко выраженную тенденцию к росту от 0,73 в 2005 г. до 1,26 в 2019 г., что свидетельствует о погружении экономики Кузбасса во все большую ресурсную зависимость.

Доля экспорта металлов и изделий из них в товарной структуре экспорта Кузбасса снизилась с 44,5 % до 16,9 %, но осталась второй по значимости в экспорте региона (рис. 3). В России этот показатель также является вторым по величине: в 2005 г. он составлял около 15,0 % и уменьшился в 2019 г. до 8,9 %.

Поскольку в России в целом, как и в Кемеровской области, доля продукции экспортно-ориентированных отраслей, добывающей и обрабатывающей промышленности первого передела занимает ведущие позиции в товарной структуре экспорта, постольку развитие экономики регионов ресурсного типа, в частности Кузбасса, в значительной степени определяет развитие экономики страны. Объем ВРП в расчете на душу населения и в РФ, и в Кемеровской области ежегодно возрастал (рис. 4). Положительное влияние на динамику ВРП в России и в регионе оказали высокие цены на сырьевые товары (нефть, газ, уголь).

В годы экономических кризисов (2008–2009 гг. и 2013–2014 гг.) наблюдалось снижение ВРП на душу населения по причине уменьшения спроса на топливно-энергетические ресурсы и черный металл на мировых рынках. Однако уже к концу 2014 г. начался неуклонный рост объемов продаж, что повлекло и рост ВРП на душу населения. За анализируемый период ВРП Кузбасса вырос в 4,4 раза.

Учитывая, что определяющий вклад в ВРП вносят такие виды экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства, включенные в индекс промышленного производства, то показатель ВРП напрямую зависит от развития соответствующих отраслей. Таким образом, значительный рост объемов добычи угля, увеличение доли добывающих производств в отраслевой структуре ВРП и в экспорте продукции за пятнадцатилетний период свидетельствует об усилении ресурсной зависимости экономики Кемеровской области, при том что во всех региональных стратегиях и программах ставятся задачи по диверсификации экономики и ее освобождению от сырьевой зависимости.

Учитывая, что экономика региона формирует финансовые условия для уровня жизни ее населения и социального развития территории, логично утверждать, основываясь на принципе экономической справедливости, что динамика таких показателей, как расходы консолидированного

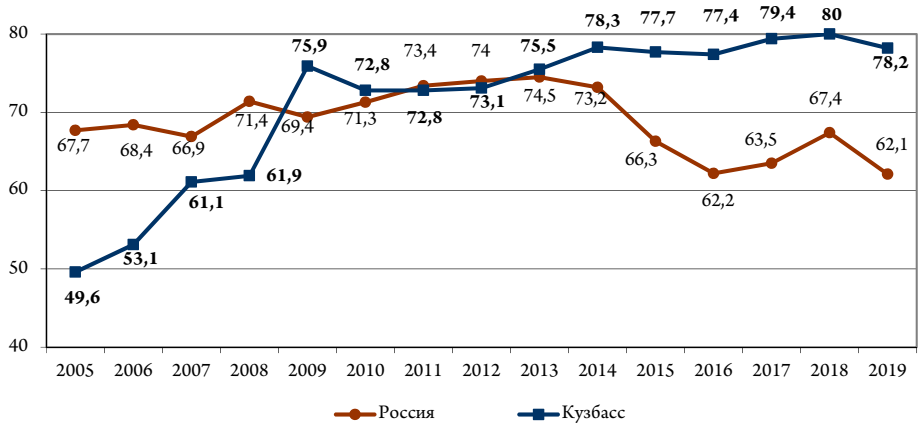

Рис. 2. Доля продукции ТЭК в товарной структуре экспорта, %
Fig. 2. Share of FEC products in the commodity structure of exports, %

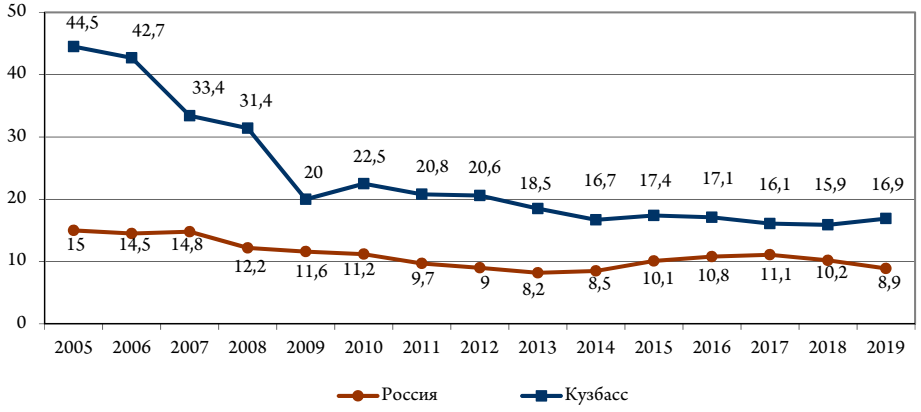

Рис. 3. Доля металлов и изделий из них в товарной структуре экспорта, %
Fig. 3. Share of metals and metal products in the commodity structure of exports, %

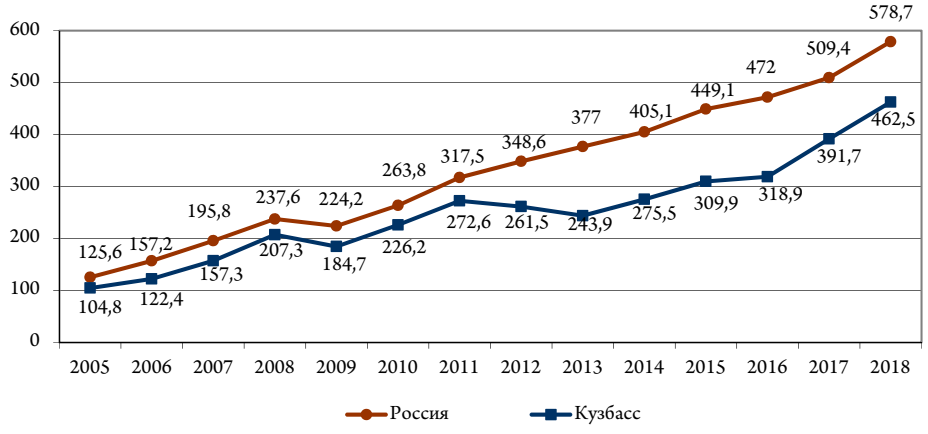

Рис. 4. ВРП на душу населения, тыс. руб.
Fig. 4. Gross regional product per capita, thousand rubles

бюджета на душу населения, различные показатели доходов, расходов и потребления населения, развития социальной сферы, должна совпадать с динамикой базового экономического показателя. От величины ВРП зависит объем налоговых перечислений в бюджеты разных уровней. Демонстрируя реализацию принципа экономической справедливости, проанализируем вышеназванные показатели в России и в Кузбассе за два крайних года анализируемого периода (табл. 1).

Так, в анализируемом периоде на региональном уровне наблюдается определенная деструкция пропорций между ВРП и расходами консолидированного бюджета в расчете на душу населения. При росте ВРП в 4,4 раза, показатель расходов консолидированного бюджета вырос в 3,6 раза и был ниже среднероссийского значения на 20 % (в 2005 г. они были на одном уровне). Российские же показатели ВРП и расходов консолидированного бюджета выросли почти одинаково, в 4,6 и 4,5 раза соответственно.

Объем бюджетных средств, в свою очередь, определяет не только уровень доходов работников социальной сферы, но и возможности финансирования программ и мероприятий, направляемых на развитие среды про-

Табл. 1. Показатели ВРП, доходов, расходов и потребления на душу населения
Tab. 1. Indicators of gross regional product, income, expenses, and consumption per capita

Показатели	2005			2019		
	Кузбасс	РФ	Отношение Кузбасс / РФ	Кузбасс	РФ	Отношение Кузбасс / РФ
ВРП, тыс. руб.	104,8	125,7	0,834	462,41* (рост в 4,4 раза)	578,71 (рост в 4,6 раза)	0,799
Расходы консолидированного бюджета, руб.	20,5	20,5	100	74,1 (рост в 3,6 раза)	92,5 (рост в 4,5 раза)	0,801
ФКПДХ, тыс. руб.	74,2	79,9	0,928	234,6671 (рост в 3,16 раза)	347,7381 (рост в 4,35 раза)	0,675
Среднедушевые денежные доходы в месяц, руб.	7889	8088	0,975	24886 (рост в 3,15 раза)	35247 (рост в 4,36 раза)	0,706
Место в рейтинге регионов	*23*	–	–	*63*	–	–
Среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников организаций, руб.	8654	8555	1,011	41770 (рост в 4,82 раза)	47867 (рост в 5,59 раза)	0,873
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимум, %	12,8	17,6	0,727	13,6 (рост в 1,06 раза)	12,3 (снижение на 30 %)	1,105
Среднедушевые денежные расходы в месяц, руб.	5224	5627	0,928	18885 (рост в 3,6 раза)	28470 (рост в 5,06 раза)	0,663
Место в рейтинге регионов	*26*	–	–	*71*	–	–
Доля социальных выплат в общей структуре доходов населения, %	12,8	12,7	1,008	26,7 (рост в 2,09 раза)	18,9 (рост в 1,49 раза)	1,413

Прим.: *Данные за 2018 г.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

живания населения. Основные причины названной деструкции в Кузбассе содержатся, на наш взгляд, в особенностях институтов по регулированию экономических отношений в ресурсных регионах, в частности в системах налогообложения добывающих предприятий, формирования региональных бюджетов; в отсутствии эффективных инструментов, регулирующих деятельность собственников ресурсодобывающих предприятий в интересах работников и населения, проживающего на территории ресурсного региона.

Существующая система институтов в сфере социально-экономических отношений негативно отразилась на показателях уровня жизни. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (ФКПДХ) на душу населения в Кемеровской области на протяжении всего 15-летнего периода было ниже, чем по России в целом. Однако если с 2005 г. по 2008 г. этот разрыв был незначительным, то с 2009 г. отставание резко возросло и продолжило увеличиваться до 2018 г., когда ФКПДХ на душу населения в Кузбассе составило 0,675 от среднего показателя по стране (рис. 5).

Существенно меньшая величина ФКПДХ на душу населения в Кемеровской области по сравнению с общероссийским уровнем в период с 2009 г. по 2018 г. обусловлена серьезным отставанием темпов роста региональных среднедушевых денежных доходов населения от общероссийских. Аналогичная ситуация наблюдается и по показателю среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций. Роль районного коэффициента, который призван компенсировать повышенные затраты населения, связанные с географическими особенностями региона, в рыночной экономике девальвировалась. Как показал проведенный анализ, коэффициент не выполняет предназначенной ему функции увеличения трудовых доходов населения с целью закрепления и привлечения кадров в регионе. Снижение доходов населения Кузбасса, рост числа населения с денежными доходами ниже величины прожиточного уровня повлияли на увеличение доли социальных выплат в общей структуре доходов населения.

За 15-летний период показатели уровня жизни населения Кузбасса отстали от среднероссийских показателей: по ФКПДХ на душу населения – на 32,5 %; по среднедушевым денежным доходам в месяц – на 29,4 %; по среднедушевым денежным расходам в месяц – на 33,7 %; по среднемесячной номинальной начисленной зарплате работников организаций (по разным сферам деятельности) – на 10–20 %. По данным Росстата, Кузбасс в рейтинге регионов России по среднедушевым денежным доходам с 23 позиции в 2005 г. опустился на 63 место в 2019 г., по потребительским расходам – с 26 на 71 место. При этом доля населения (% от общей численности населения субъекта) с денежными доходами ниже величины прожиточного минимум оказалась выше среднероссийского показателя на 10,5 пункта.

Итак, статистика по доходам и расходам населения, рост объемов социальной помощи и увеличение доли граждан, нуждающейся в ней, свидетельствуют о том, что за 15-летний период происходит снижение уровня жизни и, соответственно, личных возможностей свободы выбора населения Кемеровской области. Учитывая, что Кузбасс является богатейшим угольным регионом с высокими темпами роста добычи угля, но при этом существующий уровень жизни его населения имеет отрицательный тренд и значительно ниже среднего по стране, можно утверждать, что Кузбасс является регионом ресурсного проклятия.

Отражением снижения уровня жизни явилось сокращение численности населения в регионе на 148 тыс. человек (5,3 %), которое произошло как за счет сокращения естественного прироста населения, так и за счет отрицательной миграции, несмотря на демографические и социальные программы правительства. В 2019 г. Кузбасс вошел в первые пять регионов с наихудшей демографической ситуацией[6]. По показателям смертности на протяжении всего исследуемого периода Кузбасс занимает 1 место в Сибирском федеральном округе (СФО); в рейтинге регионов России в 2019 г. – 64 место.

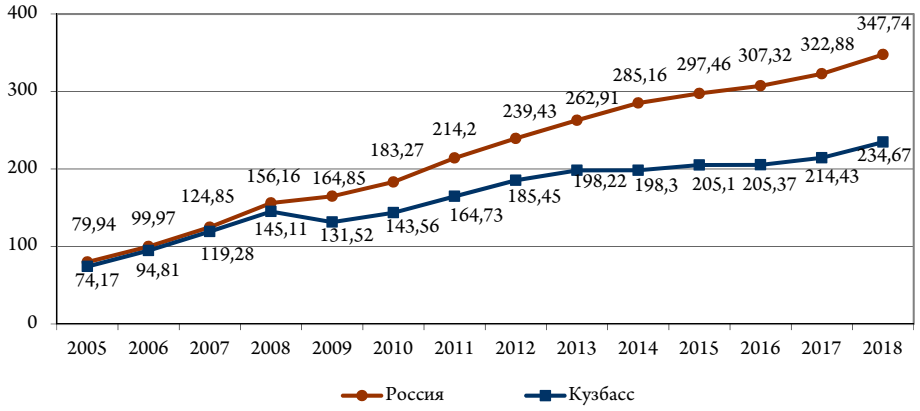

Рис. 5. ФКПДХ на душу населения, тыс. руб.
Fig. 5. Final consumption of households per capita, thousand rubles

[6] Там же.

Общий коэффициент рождаемости с 2005 г. по 2012 г. имел положительную динамику и был выше среднего показателя по России (табл. 2). В последующие годы наблюдается его падение: в 2019 г. он был ниже показателя 2005 г. на 15 % и ниже среднероссийского уровня на 11 %.

Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. человек населения) за все анализируемые годы имел отрицательное значение: он был равен –31 в 2018 г. и –9 в 2019 г. По показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении Кузбасс со значением 69,78 в 2019 г. занял 80 позицию в рейтинге регионов России. Отрицательная динамика демографических показателей негативно отразилась на структуре населения в сторону снижения доли трудоспособного возраста.

На неблагоприятный уровень жизни населения Кузбасса указывают показатели состояния экологии и развития социальной сферы. В регионе функционирует более 45 тыс. предприятий и организаций всех видов деятельности. «Такая концентрация промышленного производства неизбежно влечет за собой большую нагрузку на окружающую среду – выбросы в атмосферу, загрязнение вод, накопление отходов производства. Наибольший удельный вес в общем объеме загрязнений окружающей среды Кемеровской области занимают предприятия угледобывающей, металлургической и химической промышленности. В настоящее время по уровню загрязнения окружающей среды Кузбасс занимает 2 место в СФО после Красноярского края»[7].

Кузбасские показатели выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников на протяжении анализируемого периода многократно превышали средний общероссийский показатель (табл. 3). В 2019 г. количество выбросов в расчете на одного жителя Кузбасса в 5,66 раза больше, чем в среднем на одного жителя страны. При этом доля уловленных загрязняющих веществ с 79 % в 2005 г. снизилась до 65,8 %.

Наибольшее количество загрязненных сточных вод поступает в поверхностные водные объекты от предприятий, занятых добычей угля (40,6 %), обрабатывающих производств (35,3 %) и предприятий жилищно-коммунальной сферы (16 %). Основными промышленными отходами, загрязняющими водоемы региона, являются фенолы, соединения азота, меди, марганца, а также нефтепродукты. Показатели сброса загрязненных сточных вод в Кемеровской области также значительно выше среднероссийского показателя.

По количеству ежегодно образующихся отходов Кузбасс занимает 1 место в России. «Острейшей экологической проблемой региона является утилизация отходов (в т. ч. опасных), накопившихся за несколько десятков лет на территориях многих промышленных предприятий, в первую очередь горнодобывающих, химических и металлургических. Их многолетнее отрицательное воздействие на окружающую среду (накопленный вред окружающей среде), по экспертным данным, приводит к потерям до 11 % ВРП только от увеличения заболеваемости населения. Вблизи предприятий горнодобывающей промышленности расположены объекты размещения промышленных отходов III и IV классов опасности с суммарной массой порядка 13,3 млн т»[8].

Табл. 2. Демографические показатели, повлиявшие на численность и структуру населения

Tab. 2. Demographic indicators that affected the number and structure of the population

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Общий коэффициент рождаемости															
Кузбасс	10,9	11,3	12,1	13,2	13,6	13,1	12,7	13,8	13,6	13,2	12,5	12,1	10,5	9,9	9,0
РФ	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	11,5	10,9	10,1
Отношение Кузбасс / РФ	1,07	1,09	1,07	1,09	1,10	1,05	1,08	1,04	1,03	0,99	0,94	0,94	0,91	0,91	0,89
Общий коэффициент смертности															
Кузбасс	18,9	17,3	16,6	16,3	16,2	16,1	15,5	15,2	14,5	14,6	14,5	14,3	14,1	14,4	14,2
РФ	16,1	15,2	14,6	14,6	14,2	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4	12,5	12,3
Отношение Кузбасс / РФ	1,17	1,14	1,14	1,12	1,14	1,13	1,15	1,14	1,12	1,11	1,12	1,11	1,14	1,12	1,15
Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения, %															
Кузбасс	63,6	63,9	63,2	63,2	62,4	61,0	60,1	59,2	58,1	57,1	56,1	55,4	54,8	54,3	55,3
РФ	63,0	63,0	62,9	62,6	62,0	61,5	60,9	60,1	59,3	58,4	57,4	56,7	56,0	55,4	56,3
Отношение Кузбасс / РФ	1,00	1,01	1,01	1,01	1,01	0,99	0,99	0,99	0,98	0,98	0,98	0,98	0,98	0,98	0,98

[7] Там же.

[8] Там же.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

Табл. 3. Динамика показателей по охране окружающей природной среды на душу населения
Tab. 3. Dynamics of environmental protection indicators per capita

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, т															
Кузбасс	0,457	0,47	0,52	0,54	0,51	0,51	0,50	0,50	0,50	0,49	0,49	0,50	0,55	0,52	0,662
РФ	0,142	0,14	0,14	0,14	0,13	0,13	0,13	0,14	0,13	0,12	0,12	0,12	0,12	0,12	0,117
Отношение Кузбасс / РФ	3,21	3,36	3,71	3,86	3,92	3,92	3,85	3,57	3,85	4,08	4,08	4,17	4,58	4,33	5,66
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, м^3															
Кузбасс	247,70	262,16	275,59	281,47	268,86	252,97	239,84	208,25	218,39	175,12	169,77	163,64	160,26	132,24	113,0
РФ	123,52	122,26	120,28	119,93	111,03	115,62	111,68	109,48	105,84	101,09	98,48	100,35	92,54	89,46	85,9
Отношение Кузбасс / РФ	2,00	2,14	2,29	2,35	2,42	2,19	2,15	1,90	2,06	1,73	1,72	1,63	1,73	1,48	1,30
Затраты на охрану окружающей среды, тыс. руб.															
Кузбасс	0,43	1,27	1,57	1,87	1,73	1,95	1,98	2,08	2,77	3,75	2,52	2,67	3,59	4,08	6,47
РФ	1,63	1,81	2,07	2,58	2,40	2,61	2,88	3,11	3,34	3,83	3,98	4,03	4,48	4,91	5,94
Отношение Кузбасс / РФ	0,26	0,70	0,76	0,72	0,72	0,75	0,69	0,67	0,83	0,98	0,63	0,66	0,80	0,83	1,09

В то же время при таких бедственных показателях экологии затраты на охрану окружающей среды в Кузбассе (в расчете на душу населения) с 2005 г. по 2018 г. ниже, чем в среднем по России. Нет ярко выраженной положительной динамики вложений в охрану окружающей среды. В 2005 г. они были ниже российского показателя на 74 %, в 2013 г. – на 17 %, в 2016 г. – на 34 % и т. д.

Показатели состояния здоровья населения являются отражением экономического и социального благополучия региона. В 2019 г. в Кузбассе показатель количества зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, оказался выше среднероссийского показателя на 6,4 %, хотя в 2005 г. значение среднероссийского показателя превышало значение кузбасского (рис. 6).

В 2019 г. более высокая заболеваемость наблюдалась в Кузбассе по 12 из 15 регистрируемых статистикой основным классам болезней, в том числе по таким группам болезней, как болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (превышение общероссийского показателя в 1,7 раза), врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения (в 1,65 раза), болезни нервной системы (в 1,59 раза), травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин (в 1,33 раза), болезни мочеполовой системы (в 1,33 раза), болезни системы кровообращения (в 1,23 раза), болезни глаза и его придаточного аппарата (в 1,17 раза), болезни органов пищеварения (в 1,3 раза), болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (в 1,16 раза), новообразования (в 1,15 раза) (рис. 7).

Показатели общей площади жилых помещений, приходящейся на одного жителя, а также состояние жилищного фонда характеризуют частную среду проживания

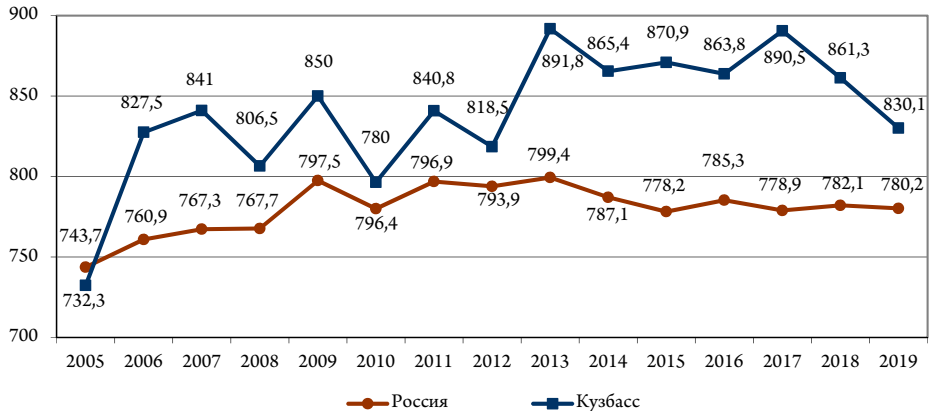

Рис. 6. Динамика зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек
Fig. 6. Dynamics of registered diseases in patients with a first-time diagnosis, per 1,000 people

и определяют возможности выбора населения, предоставляемые обществом исходя из уровня его социально-экономического развития. По данному показателю за 2019 г. кузбассовцы находятся примерно в одинаковых условиях со среднестатистическим гражданином России: 25,4 м^2 – в Кузбассе, 26,3 м^2 – в среднем по России (рис. 8).

Однако немаловажное значение для описания уровня жизни региона имеет не только обеспеченность жильем, но и характеристики этого жилья. Так, в 2019 г. в Кузбассе лишь 74,4 % жилищного фонда было оборудовано центральным отоплением (в России – 87,1 %), 73,8 % – канализацией (в России – 79,4 %), горячим водоснабжением – 66,3 % (в России – 71,7 %). В 2018 г. 1,1 % жилого фонда составляло аварийное жилье, в котором проживают в основном социально незащищенные категории граждан с низким уровнем доходов. В среднем по России этот показатель равнялся 0,7 %.

Показатели, характеризующие востребованность кузбасским населением благ в сфере культуры и отдыха, имеют в анализируемом периоде положительную динамику, но тем не менее они на 30–60 % ниже, чем в среднем по России (табл. 4). Это объясняется как низкой платежеспособностью населения, так и недостаточным количеством культурно-развлекательных учреждений в регионе. Отметим, что в силу удаленного географического расположения Кемеровской области от столичных городов, от российских и зарубежных морских зон отдыха затраты у жителей Кузбасса на отдых, путешествия, посещение исторических и культурных мест России значительно выше, чем у жителей центральной части страны.

Резко отрицательную динамику имеет показатель численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (рис. 9), отражающий в определенной степени возможности выбора

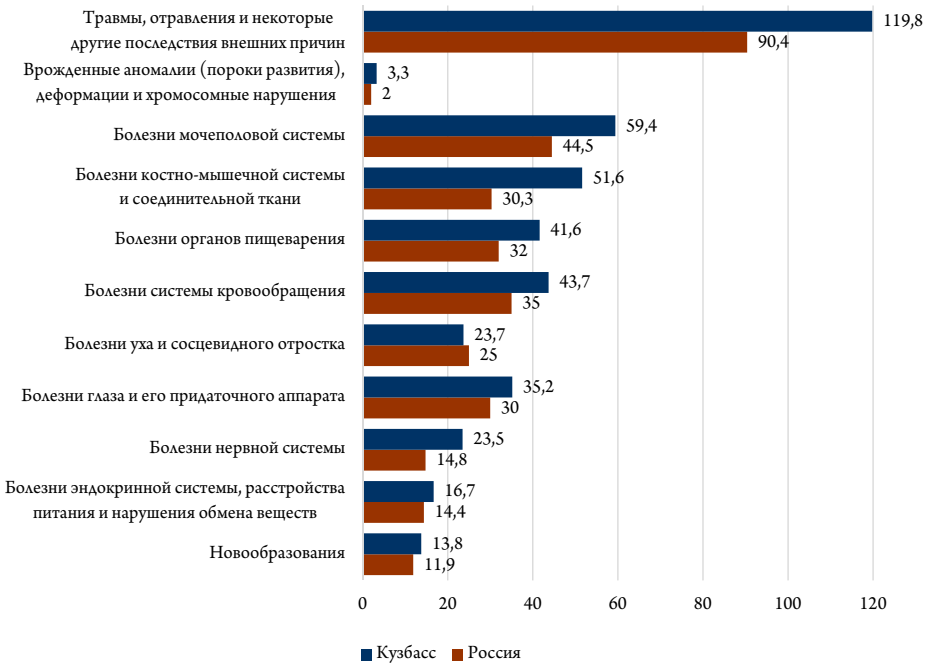

Рис. 7. Заболеваемость населения по основным классам болезней на 1000 человек в 2019 г.
Fig. 7. Morbidity by disease class per 1,000 people, 2019

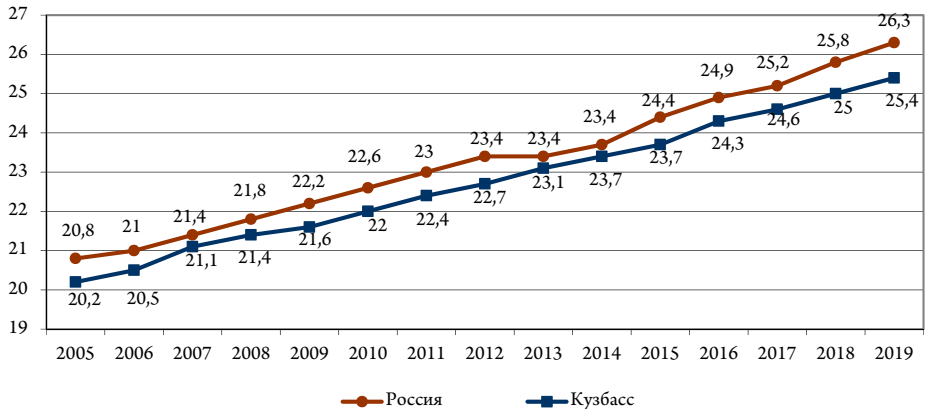

Рис. 8. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м^2
Fig. 8. Average floor area per person, m^2

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

Табл. 4. Показатели, характеризующие востребованность населением благ в сфере культуры и отдыха
Tab. 4. Demand for cultural and recreational services

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Численность зрителей театров на 1000 человек															
Кузбасс	129	139	137	133	148	149	166	164	180	193	193	193	186	192	206
РФ	195	200	205	213	211	217	230	237	249	255	261	265	269	278	280
Отношение Кузбасс / РФ	0,662	0,695	0,668	0,624	0,701	0,687	0,722	0,692	0,723	0,757	0,739	0,728	0,691	0,691	0,735
Число посещений музеев на 1000 человек															
Кузбасс	399	388	372	439	463	465	455	448	471	486	506	484	485	417	496
РФ	527	554	552	566	533	567	601	629	668	703	813	842	800	775	877
Отношение Кузбасс / РФ	0,757	0,700	0,674	0,776	0,869	0.820	0,757	0,712	0,705	0,691	0,622	0,575	0,606	0,538	0,566
Доля населения, приобретшая турпакеты, % от среднегодовой численности населения															
Кузбасс	0,38	0,61	0,60	0,69	0,66	0,77	0,75	0,78	0,82	0,88	1,05	1,26	1.12	1,08	1,09
РФ	1,18	1,41	1,85	1,35	1,11	1,22	1,21	1,25	1,34	1,35	1,80	2,24	2,24	2,30	2,98
Отношение Кузбасс / РФ	0,322	0,433	0,324	0,511	0,595	0,631	0,620	0,624	0,612	0,652	0,583	0,563	0,500	0,47	0,36

населения в плане получения высшего образования. В Кузбассе численность студентов сократилась больше, чем в два раза. Такая ситуация объясняется коммерциализацией высшего образования, сокращением бюджетных мест в высших учебных учреждениях, низкими доходами населения, что делает недоступным получение высшего образования для многих молодых людей. Тенденция резкого сокращения численности обучающихся по системе высшего образования характерна в целом и для России.

Одним из показателей безопасности среды проживания является число зарегистрированных преступлений. За исследуемый период данный показатель имел разную динамику по годам (рис. 10), с 2012 г. наблюдается некоторое снижение числа преступлений, но их количество остается высоким. В 2019 г. показатель был на 9,2 % больше, чем в 2005 г., и на 48 % больше, чем в России.

Итак, анализ показателей, характеризующих среду проживания и потребление населением благ и услуг в сфере культуры, образования и отдыха, выявил более низкий их уровень по сравнению со среднестатистическими по России, что говорит о более низком качестве жизни и свойственно населению с низким уровнем жизни. Динамика группы показателей, характеризующих качественную сторону жизни населения Кузбасса, имеет аналогичный показателям уровня жизни отрицательный тренд.

По результатам проведенного анализа население Кемеровской области, несмотря на богатейшие природные ресурсы, положительную динамику добычи угля (рост на 52 %) и ВРП (рост в 4,4 раза) за анализируемый период, имеет уровень жизни, свойственный региону ресурсного проклятия. Большинство показателей являются более низкими по сравнению с общероссийскими, по некоторым

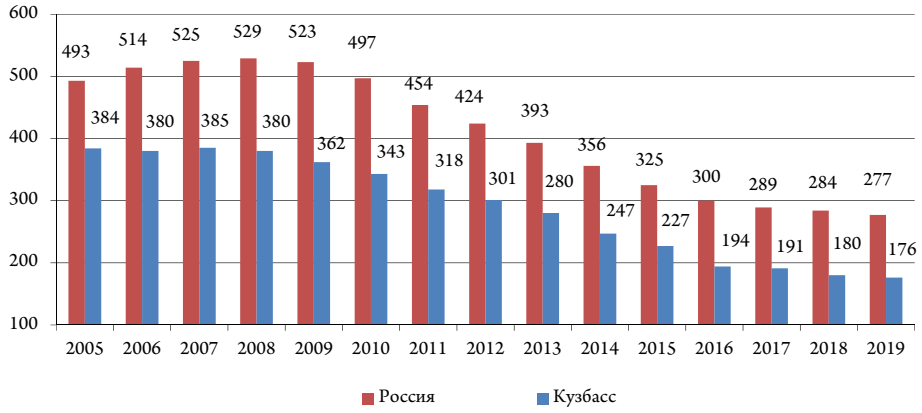

Рис. 9. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. человек
Fig. 9. University students, per 10,000 people

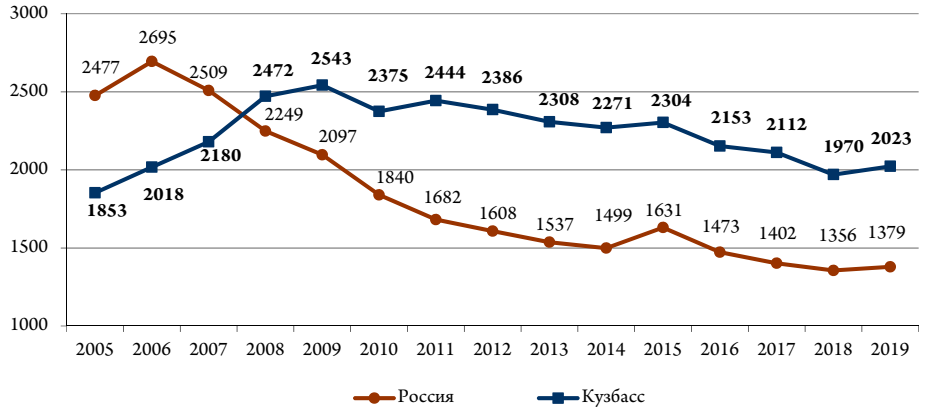

Рис. 10. Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек
Fig. 10. Crimes per 100,000 people

из них разрыв достигает 50–60 %. Причем отрицательный тренд за пятнадцатилетний период возрос.

Понимая катастрофическую системно ухудшающуюся ситуацию по уровню жизни населения Кузбасса, руководство области разрабатывает стратегии, программы, которые должны переломить негативную тенденцию. В Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года (Закон Кемеровской области № 74-ОЗ) и в Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года (Стратегия-2035), (Закон Кемеровской области – Кузбасса № 163-ОЗ) стратегические цели определяются как «повышение конкурентоспособности региона и рост на этой базе благосостояния жителей региона»[9], «создание качественно новой среды жизнедеятельности людей, радикальное улучшение экологических и социальных условий жизни в Кузбассе, общественного и экономического климата Кузбасса»[10].

В Стратегии-2035 основные стратегические направления развития (блоки) представлены контурами, в которых выделяются приоритеты-центры. Каждый приоритет-центр имеет цели, задачи, результаты. Например, контур приоритетов «Кузбасс – регион достойной жизни людей» состоит из приоритетов Кузбасс – центр профессионального превосходства, Кузбасс – центр высокого качества жизни населения, Кузбасс – центр достойного труда, Кузбасс – центр новых компетенций и рабочих мест зеленой экономики[11].

Центр высокого качества жизни населения включает: центр развития социальных услуг, центр развития здравоохранения, центр развития семьи, центр развития культуры и государственной национальной политики, центр предоставления гериатрических услуг, центр активного досуга, центр развития физической культуры и спорта в Кузбассе, центр обеспечения населения доступным и комфортным жильем в Кузбассе[12].

Представим некоторые результаты деятельности центра высокого качества жизни населения в положениях документа на период с 2026 г. по 2035 г.:

- проведены оценка и внедрение социальных инноваций;
- осуществлено развитие исследований в области семейных отношений;
- создан и функционирует центр молодой семьи, где проходят лекции, мероприятия, предоставляется консультативная помощь;
- созданы площадки для творчества всех возрастных групп (дети, взрослые, пожилые);
- проведено ознакомление детей с культурными особенностями Кузбасса;
- обеспечена полная доступность услуг здравоохранения всему населению[13].

Основной акцент в Стратегии-2035, как и в ранее принятых документах, сделан на увеличение добычи угля, модернизацию угольной отрасли, разработку инновационных технологий по более глубокой переработке угля и т. п. Значимым явлением в Кемеровской области должно стать освоение технологии по производству водорода как топлива нового класса. Это позволит привлечь в регион большой объем инвестиций, высококвалифицированных специалистов, значительно увеличить ВРП, создать новые рабочие места. В социальной сфере будет создан культурный кластер, в который войдут филиалы Мариинского театра оперы и балета, Государственного Русского музея и Российской академии музыки им. Гнесиных, образовательный комплекс с филиалами учреждений для

[9] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. Закон Кемеровской области от 11.07.2008 № 74-ОЗ // Гарант. Режим доступа: http://base.garant.ru/7500078/ (дата обращения: 20.07.2021).

[10] О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» …

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

подготовки специалистов в области хореографии, театрального и музыкального искусства.

Итак, вышеперечисленные результаты реализации Стратегии-2035 призваны повысить качество жизни населения Кузбасса. Однако в документе отсутствуют стратегические индикаторы, поэтому непонятно, на какие показатели и критерии качества и уровня жизни выйдет Кузбасс и как изменится ситуация в итоге реализации программ Стратегии-2035.

Заключение

Уровень жизни населения является отражением экономической и социальной политики государства и сформировавшихся социальных институтов. Цель исследования заключалась в изучении уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса как ресурсного региона. Авторами дано определение уровня жизни, под которым понимается совокупность элементов человеческого бытия, определяемых возможностями выбора, которые зависят от социально-экономического развития общества и доступны человеку с учетом его личных доходов.

Результаты исследования позволили выявить тенденции в динамике ключевых показателей Кемеровской области, большинство из которых являются более низкими по сравнению с аналогичными общероссийскими показателями; дать объективную картину состояния уровня жизни населения Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона; сделать вывод, что, несмотря на богатейшие природные ресурсы, увеличение добычи угля за анализируемый период более чем в 1,5 раза и положительную динамику ВРП, кузбассовцы имеют уровень жизни, свойственный региону ресурсного проклятия.

Проблемы низкого уровня жизни актуальны и для других ресурсных регионов России. Разработка и реализация региональных стратегий и программ не могут полностью сломить отрицательный тренд в показателях уровня жизни ресурсных регионов при существующих социальных институтах. Действующее налоговое и бюджетное законодательство направлено на концентрацию финансовых ресурсов в экономических столицах (Москве и Санкт-Петербурге) и служит интересам федерального центра, крупных ресурсных компаний и их менеджмента. Регионы при этом испытывают недостаток в финансовых средствах для реализации экономических, инновационных и социальных программ, направленных на улучшение благосостояния населения. Для изменения ситуации необходимы государственные решения по изменению механизмов распределения ВРП в пользу производящих его регионов. Через изменение налогового и бюджетного законодательства финансовые потоки от деятельности организаций должны быть направлены на решение региональных проблем, на улучшение благосостояния и повышение уровня жизни работников и населения, проживающего на территориях с ресурсной экономикой.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Подузов А. А. Концепция уровня жизни: очерк современных представлений // Проблемы прогнозирования. 2008. № 6. С. 69–84.
2. Подузов А. А. Философия уровня жизни. Очерк современных представлений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2008. Т. 6. С. 72–95.
3. Бобков В. Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26–36.
4. Социальная статистика / под ред. И. И. Елисеевой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2003. 480 с.
5. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с. Режим доступа: http://enbv.narod.ru/text/Econom/ses/str/0609.html (дата обращения: 12.05.2021).
6. Политика доходов и качество жизни населения / под ред. Н. А. Горелова. СПб.: Питер, 2003. 653. с.
7. Хисамутдинов И. А. Уровень жизни и методы его оценки // Основы экономики и теории рынка. Режим доступа: http://uchebnik-online.com/123/107.html (дата обращения: 12.04.2021).
8. Дендак Г. М. Уровень и качество жизни населения России: региональный аспект // Политика, экономика и инновации. 2016. № 5. Режим доступа: http://pei-journal.ru/index.php/PEII/article/view/147 (дата обращения: 20.07.2021).
9. Меньшикова М. А., Коптева К. В. Теоретико-методологические подходы к оценке уровня и качества жизни населения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 6. С. 5–7.
10. Морозова Е. А. Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 35–41. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-35-41

11. Морозова Е. А., Пастухова Е. Я., Прошкин Б. Г., Мухачева А. В. Качество жизни населения: теория и практика социологического изучения. Кемерово: КемГУ, 2011. 261 с.
12. Mishra S., Nathan H. S. K. Measuring Human Development Index: the old, the new and the elegant // Mumbai Working Papers. Mumbai: Indira Gandhi Institute of Development Research, 2013. 33 p.
13. Курбатова М. В., Кислицын Д. В. Проблема типологизации регионов ресурсного типа // Институциональная трансформация экономики: ресурсы и институты (ИТЭРИ–2019): мат-лы VI Междунар. науч. конф. (Красноярск, 9–12 октября 2019 г.) Красноярск: СФУ, 2019. С. 67–68.
14. Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С., Кислицын Д. В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 89–106. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106
15. Левин С. Н., Кислицын Д. В., Сурцева А. А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. Т. 11. № 4. С. 61–76. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076
16. Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 3. С. 92–101. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101
17. Гуриев С. М., Сонин К. И. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-61-74
18. Мальцев А. А. Особенности проявления «голландской болезни» деиндустриализации в современной российской и зарубежной практике // Современная конкуренция. 2008. № 4. С. 116–129.
19. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
20. Ploeg F. van der. Natural resources: curse or blessing? // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. № 2. P. 366–420. https://doi.org/10.1257/jel.49.2.366
21. Papyrakis E., Raveh O. An empirical analysis of a regional Dutch disease: the case of Canada // Environmental and Resource Economics. 2014. Vol. 58. № 2. P. 179–198. https://doi.org/10.1007/s10640-013-9698-z
22. Ross M. L. What have we learned about the resource curse? // Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 239–259. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052213-040359
23. Stiglitz J. E. Globalization and its discontents. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2003. 304 p.
24. Venables A. J. Using natural resources for development: why has it proven so difficult? // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30. № 1. P. 161–184. https://doi.org/10.1257/jep.30.1.161
25. Мещеряков Д. А., Чарахчян К. К. Структура системы институтов современной рыночной экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 2. С. 42–48.

original article

Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region

Svetlana I. Babina
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo;
babina-si@rambler.ru

Natalia M. Egorova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 6 Sep 2021. Accepted after peer review 27 Sep 2021. Accepted 11 Oct 2021.

Abstract: This review article introduces a comparative analysis of the standard of living in the Kemerovo region aka Kuzbass in 2005–2019. The research objective was to identify the reasons behind the decline in the living standards and the growing negative migration. Considering that Kuzbass is a coal region, the analysis was performed in the context of resource economy. It featured Russian and foreign studies on the theory of living standards and welfare, resource economy, and fair economy. The authors defined the concept of the standard of living as elements of human existence that depend on the socio-economic development of society and one's personal income. The standard of living in the Kemerovo region, which has enormous natural resources, is deteriorating from year to year, despite its increasing coal production and GRP. Most indicators appeared to be lower than Russia's average; in fact, the gap may reach 50–60 %. Poor living standards are an urgent problem for many resource regions. Regional strategies and programs seem unable to improve the situation, which requires state decisions to change the mechanisms of distribution of the gross regional product in favor of resource regions. By changing tax and budget legislation, the state should redirect financial flows from big resource companies to local problem areas.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: quality of life, welfare, cost of living, freedom of choice, income, expenses, consumption, socio-economic development, social institutions of the economy, gross regional product, resource curse

Citation: Babina S. I., Egorova N. M. Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 357–373. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Poduzov A. A. The standard of living concept: an essay on current perceptions. *Problemy Prognozirovaniya*, 2008, (6): 69–84. (In Russ.)
2. Poduzov A. A. The philosophy of the standard of living. An essay on current ideas. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN*. Moscow: MAKS Press, 2008, vol. 6, 72–95. (In Russ.)
3. Bobkov V. N. Academic school of All-Russian life level center studying and evaluating quality and level of population life. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2009, (2): 26–36. (In Russ.)
4. *Social statistics,* ed. Eliseeva I. I., 3rd ed. Moscow: Finansy i statistika, 2003, 480. (In Russ.)
5. Rayzberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. *Modern economic dictionary,* 2th ed. Moscow: INFRA-M, 1999, 479. Available at: http://enbv.narod.ru/text/Econom/ses/str/0609.html (accessed 12 May 2021). (In Russ.)
6. *Income policy and quality of life of the population*, ed. Gorelov N. A. St. Petersburg: Piter, 2003, 653. (In Russ.)
7. Khisamutdinov I. A. Standard of living and methods of its assessment. *Fundamentals of Economics and market theory*. Available at: http://uchebnik-online.com/123/107.html (accessed 12 Apr 2021). (In Russ.)
8. Dendak G. M. Standards of living and quality of life of the population in Russia: regional aspect. *Politika, ekonomika i innovatsii*, 2016, (5). Available at: http://pei-journal.ru/index.php/PEII/article/view/147 (accessed 20 Jul 2021). (In Russ.)
9. Menshikova M. A., Kopteva K. V. Theoretical and methodological approaches to assessing the level and quality of life of the population. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skoxozyajstvennoj akademii*, 2012, (6): 5–7. (In Russ.)
10. Morozova E. A. Living standards as indicator of socio-economic development of single-industry towns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (3): 35–41. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-35-41
11. Morozova E. A., Pastukhova E. Ya., Proshkin B. G., Mukhacheva A. V. *Quality of life: theory and practice of sociological study*. Kemerovo: KemGU, 2011, 261. (In Russ.)
12. Mishra S., Nathan H. S. K. Measuring Human Development Index: the old, the new and the elegant. *Mumbai Working Papers.* Mumbai: Indira Gandhi Institute of Development Research, 2013, 33.
13. Kurbatova M. V., Kislitsyn D. V. The problem of typologization of resource-type regions. *Institutional Transformation of the Economy: Resources and Institutions (ITERI–2019)*: Proc. VI Intern. Sci. Conf., Krasnoyarsk, 9–12 Oct 2019. Krasnoyarsk: SFU, 2019, 67–68. (In Russ.)
14. Kurbatova M. V., Levin S. N., Kagan E. S., Kislitsyn D. V. Resource-type regios in Russia: definition and classification. *Terra Economicus*, 2019, 17(3): 89–106. (In Russ.) https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106
15. Levin S. N., Kislitsyn D. V., Surtseva A. A. Institucional organization of resource-type regions in Russia: general description and structural shift in the economy. *Journal of Institutional Studies,* 2019, 11(4): 61–76. (In Russ.) https://doi.org/10.17835/2076- 6297.2019.11.4.061-076
16. Levin S. N., Kagan E. S., Sablin K. S. "Resource type" regions in the modern Russian economy. *Journal of Institutional Studies*, 2015, 7(3): 92–101. (In Russ.) https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101
17. Guriev S. M., Sonin K. I. Economics of the resource curse. *Voprosy Ekonomiki*, 2008, (4): 61–74. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-61-74
18. Maltsev A. A. The characteristics of "Dutch disease of de-industrialization" evidence in modern Russian and foreign practices. *Journal of Modern Competition*, 2008, (4): 116–129. (In Russ.)
19. *Resource regions of Russia in the "new reality"*, ed. Kuleshov V. V. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN, 2017, 308. (In Russ.)
20. Ploeg F. van der. Natural resources: curse or blessing? *Journal of Economic Literature*, 2011, 49(2): 366–420. https://doi.org/10.1257/jel.49.2.366

21. Papyrakis E., Raveh O. An empirical analysis of a regional Dutch disease: the case of Canada. *Environmental and Resource Economics*, 2014, 58(2): 179–198. https://doi.org/10.1007/s10640-013-9698-z
22. Ross M. L. What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science*, 2015, 18: 239–259. https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052213-040359
23. Stiglitz J. E. *Globalization and its discontents*. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2003, 304.
24. Venables A. J. Using natural resources for development: why has it proven so difficult? *Journal of Economic Perspectives*, 2016, 30(1): 161–184. https://doi.org/10.1257/jep.30.1.161
25. Mescheryakov D. A., Tcharahchan K. K. The modern market economy institutions system structure. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2005, (2): 42–48. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-374-381

оригинальная статья

Тенденции институциональной трансформации экономики России и их влияние на качество рабочей силы с позиции производительности труда

Татьяна Алексеевна Бельчик
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; https://orcid.org/0000-0001-5729-8475; t.a.belchik@mail.ru

Поступила в редакцию 13.09.2021. Принята после рецензирования 04.10.2021. Принята в печать 11.10.2021.

Аннотация: В статье анализируются последствия трансформации качества рабочей силы и производительности труда формальных и неформальных институтов. Среди тенденций институциональной трансформации автором рассмотрены следующие: цифровизация, государственное регулирование и экологизация. Представлено их влияние на рынок труда, трудовое законодательство, образование и государственное управление. Цель исследования – выявление основных тенденций институциональной трансформации и оценка их влияния на качество рабочей силы. Для достижения поставленной цели на основе анализа научной литературы описаны последствия институциональной трансформации качества рабочей силы с позиции производительности труда, сделаны предположения о динамике производительности труда под влиянием институциональных изменений. В качестве методов исследования использованы контент-анализ документов, анализ статистических данных, регрессионный анализ. Результаты исследования могут быть применены при формировании стратегии развития трудовых ресурсов как в рамках компании, так и в масштабах отрасли, региона, страны. При стратегировании трудовых ресурсов важно учитывать глобальные и национальные тренды, способные повлиять на его объект. Повышение качества рабочей силы является залогом успеха в проектах по увеличению производительности труда и оказывает существенное влияние на обеспечение экономического роста и улучшение уровня жизни.

Ключевые слова: цифровизация, государственное регулирование, экологизация, рынок труда, трудовое законодательство, образование, государственное управление, зеленые рабочие места, институты

Цитирование: Бельчик Т. А. Тенденции институциональной трансформации экономики России и их влияние на качество рабочей силы с позиции производительности труда // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 374–381. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-374-381

Введение

Замедление темпов экономического роста, связанное в значительной степени с отсутствием положительной динамики в показателях производительности труда, многие исследователи связывают с низким качеством рабочей силы [1; 2].

Изучение возможности обеспечения социально-экономического развития Российской Федерации за счет трансформации ее институтов является актуальной и активно обсуждаемой темой. Институциональная среда как совокупность институтов и их взаимодействия может и должна обеспечивать условия для достижения национальных целей государства. Вместе с тем на протяжении целого ряда лет сложившаяся институциональная модель социально-экономического развития, рассматриваемая как совокупность положений, отражающих представление государства о желаемом состоянии и направлениях реформирования институциональной среды [3], не обеспечивает должное развитие. Значит, требуется трансформация институтов, которые в данной статье рассматриваются как сложившиеся «правила игры» в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми и задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия [4]. По мнению П. А. Михненко, такая трансформация уже заложена в реализуемых в настоящее время национальных проектах, а именно она связана с заметным повышением роли института развития человеческого капитала [3].

Выделяют формальные и неформальные институты. К формальным институтам рынка труда относят профсоюзы, службы занятости, контролирующие органы [5], к неформальным – этические нормы и правила, моральные устои, традиции и т. д.

Высокое качество рабочей силы должно обеспечиваться адекватной структурой рынка труда, т. е. специалистам с высшим образованием необходимо предоставить возможность работать по профессии, требующей соответствующего уровня образования. Люди с высоким уровнем квалификации должны пользоваться высоким спросом на рынке труда. С другой стороны, рабочая сила как совокупность физических и духовных способностей человека к труду может обеспечивать высокие показатели результативности при грамотном управлении. Сложившаяся в настоящее время система

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

социально-трудовых отношений демонстрирует глубокое отчуждение человека от результатов своего труда. Многие люди выполняют работу механически, в какой-то степени формально, без стремления улучшения результатов. Заработная плата как стимул к более производительной работе также не выполняет своих функций в полной мере. У значительного количества работников уровень заработной платы настолько низкий, что говорить о выполнении воспроизводственной и стимулирующей функций не приходится. У других сотрудников чрезвычайно высокий уровень доходов, поэтому дифференциация в оплате труда слабо объяснима. Многие работники осуществляют свою деятельность не с полной отдачей сил, не используют все свои возможности. В этом смысле можно заключить, что в России не сложилась культура высокопроизводительного труда.

Одним из факторов роста производительности труда является повышение качества рабочей силы, понимаемое как совокупность демографических характеристик, показателей здоровья, знаний и навыков, личных качеств. Отсутствие роста производительности труда в ряде отраслей и регионов может свидетельствовать о снижении качества рабочей силы. Однако в ряде случаев мы имеем дело не с низким уровнем качества рабочей силы, а с ее неэффективным использованием. Так, выпускник вуза, получивший высокий уровень образования, попадает в среду, в которой эти знания не востребованы вообще или востребованы не в полной мере.

Появление новых современных технологий в разных областях жизни человека способствует повышению качества рабочей силы. Так, новые технологии в здравоохранении позволили выявить многие болезни на более ранних стадиях, эффективно лечить и победить их. Цифровизация содействовала увеличению темпа распространения и усвоения новых знаний. В связи с научно-техническим прогрессом произошла замена тяжелого физического труда машинами, роботами и т. д. Однако сложившиеся формальные и неформальные институты могут как способствовать развитию качества рабочей силы, так и препятствовать.

В статье объектом трансформации выступают рынок труда, система образования, трудовое законодательство и система государственного управления.

Цель исследования – выявление основных тенденций институциональной трансформации и оценка их влияния на качество рабочей силы. Для достижения поставленной цели необходимо решить две основные задачи: 1) описать последствия институциональной трансформации качества рабочей силы с позиции производительности труда; 2) выдвинуть предположения о ее динамике под влиянием институциональных изменений.

В качестве методов исследования использовались контент-анализ документов, анализ статистических данных, регрессионный анализ.

Результаты

На протяжении всей истории своего развития человечество сталкивается с проблемой гуманизации экономического роста через обеспечение сбалансированности экономических и социальных интересов, а также посредством разумного сочетания частного и общественного. Уроки прошлого показывают, что нет универсального, пригодного для всех стран рецепта для обеспечения данного роста.

В XXI в. в связи с переходом к новому цифровому технологическому укладу возникает опасность, что возможность гибкой настройки параметров промышленного производства может представлять опасность для человечества, если в качестве генеральной цели будут определены только коммерческие интересы (прибыль, рентабельность, производительность). В ближайшее время нас ожидает глубокая трансформация системы подготовки кадров, их распределения и использования. Крайне важно, чтобы общественные интересы, такие как развитие человеческого капитала, поддержка занятости, рациональное природопользование были максимально учтены, а технологический прорыв в экономике для отдельных категорий населения не обернулся социальной катастрофой.

Анализ литературы по теме исследования показал, что научный поиск выявления наиболее существенных тенденций институциональных трансформаций, способных повлиять на качество трудового потенциала, ведется специалистами разных сфер [6]. Созданы коллективы, занимающиеся междисциплинарными исследованиями данной проблемы [7; 8].

В работе нами выделено три тенденции институциональной трансформации:

1) цифровизация [9; 10];
2) государственное регулирование [11; 12];
3) экологизация [13; 14].

Логическая схема построения исследования представлена на рисунке. Далее построено изложение результатов по предложенной схеме.

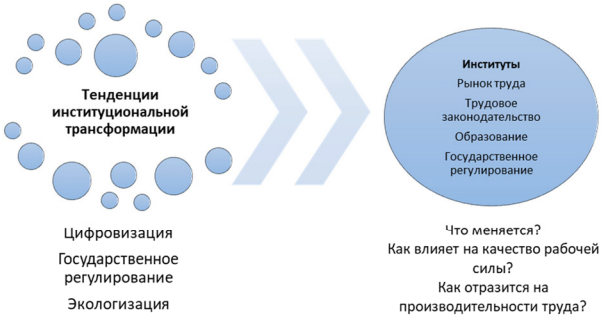

Рис. Логическая схема исследования
Fig. Spider diagram of the research

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-374-381

1. Цифровизация

• *Рынок труда*

С развитием цифровизации возникают новые направления деятельности, новые профессии, виды занятости. При этом увеличивается разрыв между потребностями рынка труда и возможностями системы образования [15]. Появляется опасность перекоса востребованности на рынке труда профессий, которые не могут обеспечить технологический прорыв в стратегической перспективе (блогеры, интернет-маркетологи, консультанты по красоте, стилисты, имидж-мейкеры и т. д.). Высвобождаемые работники в ходе автоматизации ручных процессов могут оказаться трудно подготавливаемыми для новых высокотехнологичных отраслей [16].

Заявленная трансформация работы центров занятости должна решить хотя бы частично данные проблемы и способствовать более точному подбору кадров, а, значит, и формированию более качественной рабочей силы. Важное значение для обеспечения роста производительности труда имеет решение проблемы трудоустройства молодежи по полученной специальности, т. к., обладая значительным объемом знаний, в т. ч. цифровыми компетенциями, но небольшим практическим опытом, они оказываются невостребованными на рынке труда, что приводит к потере мотивации и актуальности полученных знаний, а также к неэффективности самой системы подготовки специалистов.

• *Трудовое законодательство*

И хотя понятие удаленной работы введено в Трудовой кодекс РФ, предстоит сформировать нормативную базу, связанную с организацией труда при работе на дому. Цифровизация меняет требования к должностям и профессиям, возникает необходимость увеличения доли специалистов в области ИТ с соответствующей подготовкой.

Удаленная работа может оказать разнонаправленное воздействие на качество рабочей силы. С одной стороны, использование цифровых возможностей позволяет работодателю экономить на аренде офисных помещений, а высвобожденные ресурсы направлять на обучение персонала, повышение заработной платы. С другой стороны, усложняется контроль за деятельностью сотрудников, что может негативно сказаться на результатах. Требуется высокая мотивация работника к труду.

Благодаря формированию обновленных требований к должностям и профессиям с учетом стратегических ориентиров развития можно ожидать рост производительности труда за счет более высокого качества рабочей силы.

• *Образование*

В условиях цифровизации образование становится доступнее, однако качество может снижаться без адекватного контроля и высокой мотивации с обеих сторон образовательного процесса. Результаты внедрения удаленного обучения в системы общего и профессионального образования еще предстоит осмыслить.

В целом процесс трансформации системы непрерывного образования как института способствует совершенствованию рабочей силы. В настоящее время она должна развиваться на качественно новом уровне. Своевременное получение наиболее актуальных знаний позволяет использовать их в работе для повышения результативности трудовой деятельности работников всех сфер.

• *Государственное управление*

Поскольку в государственном управлении большинство рутинной работы передано компьютеру, сокращается время протекания многих процессов. Рутинные операции, не требующие высокой квалификации, исчезают, следовательно, требования к выполнению творческих (нерутинных) задач возрастают, а, значит, возникает потребность в более высоком уровне подготовки специалистов.

При высвобождении людей за счет автоматизации многих процессов производительность труда в этом секторе возрастет, т. к. один и тот же объем услуг будут оказывать меньшее количество сотрудников. Это возможно при научно-обоснованном кадровом планировании и высокой организации труда.

2. Государственное регулирование

• *Рынок труда*

Трансформация центров занятости как формальных институтов рынка труда – одна из первых тенденций в институциональной трансформации. Предстоит полное переформатирование работы центров занятости. Предполагается, что они возьмут на себя функции разработки перечня перспективных профессий и специальностей и обеспечение государственного заказа на их подготовку. Определение национальных целей развития и целевых показателей их достижения, направленных на развитие человеческого потенциала, также оказывают заметное влияние на функционирование рынка труда. Инициация национальных проектов, четыре из которых напрямую направлены на развитие человеческого капитала (образование, здравоохранение, культура, демография), указывают на вектор изменений в государственном управлении.

Формирование эффективной системы дополнительного образования, возложенное на центры занятости, для обеспечения переподготовки и повышения квалификации работников напрямую положительно может повлиять на качество рабочей силы. Достижение целевых показателей по национальным проектам и обучение современным навыкам (в т. ч. за счет государства) будут способствовать росту производительности труда.

• *Трудовое законодательство*

Определяя роль государственного регулирования вопросов обеспечения гарантий в сфере занятости (условия труда, заработная плата, поддержка семей с детьми, в т. ч. в части трудоустройства, переобучения и т. д.), отметим

необходимость возрождения регулирующей функции заработной платы и обеспечения более тесной связи между ростом эффективности трудовой деятельности и заработком.

Обеспечение занятости, сохранение здоровья и высокой работоспособности рабочей силы через государственное регулирование способствует росту ее качества. Более прозрачное регулирование законодательства в сфере труда на фоне реализации национального проекта «Производительность труда» могло бы способствовать росту производительности труда в стране.

- *Образование*

Совершенствование федеральных государственных образовательных стандартов, системы аккредитации образовательных организаций, определение контрольных цифр приема, формирование системы мониторинга показателей эффективности деятельности образовательных учреждений оказывает существенное влияние на функционирование системы образования. Турбулентность, создаваемая принимаемыми решениями, формирует неустойчивость всей системы образования.

Регулирование норм трудовых затрат (норм времени, обслуживания, численности) в системе образования привели к значительному росту учебной нагрузки на преподавателя, что не способствует ни улучшению качества преподавания, ни качества рабочей силы. Достижение нормативных показателей по соотношению количества обучающихся на одного преподавателя, а средней заработной платы преподавателей со средней по региону формально повышает производительность труда работников образовательных организаций, но может приводить к снижению удовлетворенности и качества работы всех сторон образовательного процесса.

- *Государственное управление*

Внедрение проектного подхода в деятельность Правительства и исполнительных органов обеспечивает более эффективное расходование бюджетных средств и повышает эффективность работы данного института. Обучение проектной деятельности и стратегированию государственных и муниципальных служащих способствует росту их трудового потенциала. Формирование системы измеримых, конкретных, релевантных и достижимых показателей деятельности содействует увеличению производительности труда государственного аппарата.

3. Экологизация

- *Рынок труда*

Рынок труда должен предложить новые рабочие места, где будут использоваться ресурсосберегающие и экологически чистые технологии. Труд людей на таких рабочих местах должен достойно оплачиваться. Сами рабочие места должны обеспечивать безопасные условия труда[1]. Сама занятость при экологизации экономики может расти за счет создания новых рабочих мест, направленных на сохранение лесов, создание новых видов энергии и транспорта. Но, с другой стороны, экологизация экономии может снижать занятость, например, в ресурсоемких отраслях [17].

Создание зеленых рабочих мест однозначно способствует росту качества рабочей силы как в части обеспечения здоровья и работоспособности, так и в части обеспечения достойного труда, связанного с материальным поощрением. Использование более совершенных технологий и стремление исключить негативное воздействие факторов производства на человека будет способствовать сокращению численности работающих, а, значит, росту производительности труда.

- *Трудовое законодательство*

Возможно изменение законодательства в части обеспечения условий труда и предельно-допустимых нагрузок на организм человека. Также может меняться классификация условий труда. Соблюдение экологических норм и правил может быть закреплено законодательно не только для работников, но и для предприятий.

Пересмотр норм в сторону обеспечения достойного труда может способствовать росту качества работы персонала. Увеличение издержек на привлечение трудовых ресурсов в случае ужесточения законодательства может приводить к снижению эффективности использования единицы рабочей силы. Однако в долгосрочной перспективе более здоровое и экологически мыслящее население, обладающее экологической культурой, способно эффективнее расходовать ресурсы и работать производительнее.

- *Образование*

В системе образования на всех ее уровнях необходимо формировать новую экологическую культуру хозяйствования и жизни [18; 19], включающую в себя и здоровый и безопасный образ жизни, и бережное отношение к природе и человеку. Эти идеи должны быть отражены в образовательных стандартах и включены в результаты освоения образовательных программ [20].

Формирование экологической культуры, экологического образования и воспитания однозначно положительно влияет на качество рабочей силы. Воспитанные со школьной скамьи дети с экологичным взглядом на жизнь изначально будут ориентированы на применение самых современных технологий в производстве и наиболее рациональное использование природных ресурсов.

[1] Докл. V. Устойчивое развитие, достойный труд и зеленые рабочие места // Междунар. конф. труда, 102-я сессия. Женева: Международное бюро труда, 2013. С. 37–46. Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_210974.pdf (дата обращения: 14.06.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-374-381

• *Государственное управление*

Внимание властей должно быть направлено на переход к «зеленой» экономике, основанной на принципах устойчивого развития [21]. Вся система государственного управления должна быть сориентирована на экологичное развитие отдельных территорий и всей страны.

Для проверки гипотезы о влиянии на производительность труда различных факторов использован датасет ИНК[2], содержащий сведения о 83 странах мира, расположенных на разных континентах. В качестве метода был применен регрессионный анализ, в ходе реализации которого получено уравнение регрессии для предсказания зависимой переменной (производительности труда) с помощью независимых переменных:

1) индекс эко-эффективности;
2) будущая ориентация регулирования;
3) прозрачность регулирования;
4) человеческий потенциал;
5) коэффициент неравенства людей;
6) коэффициент бедности;
7) индекс экономической свободы.

Коэффициент неравенства и коэффициент бедности исключены, т. к. их распределения далеки от нормального (значения эксцесса и асимметрии больше 1).

Также с помощью регрессионного анализа определен вклад отдельных независимых переменных в вариацию зависимой переменной.

Регрессионный анализ выполнен с помощью программной платформы IBM SPSS. При построении линейной регрессионной модели использован метод пошагового исключения. Анализ полученных результатов выявил наиболее существенные факторы, влияющие на производительность труда:

1. Индекс эко-эффективности: рассчитывается Йельским университетом (Yale University) и отражает текущее состояние окружающей среды, жизнеспособность экосистемы и результативность деятельности по улучшению экологической ситуации.

2. Будущая ориентация регулирования: рассчитывается Всемирным экономическим форумом, содержится в *The Global Competitiveness Report 2019*[3] и отражает стабильность государственного регулирования, ответственность государства за изменения перед будущими поколениями, поддержку цифрового бизнеса, долгосрочное видение (стратегическую ориентацию), энергоэффективность, использование возобновляемой энергии и защиту окружающей среды (табл. 1).

Табл. 1. Общие сведения о линейной регрессионной модели
Tab. 1. Linear regression model

Сводка для модели[c]				
Модель	**R**	**R-квадрат**	**Скорректированный R-квадрат**	**Дурбин-Уотсон**
2	0,804[b]	0,646	0,626	2,113

Прим.: b – предикторы: (константа); индекс зеленой экономики; будущая ориентация регулирования, баллы 1–100; c – зависимая переменная: производительность труда одним работником в час, доллары.

Качество модели довольно высокое: 66 % дисперсии производительности труда объясняется экологичностью (как мы писали выше) и государственным регулированием, направленным на стратегические интересы общества. Полученная модель показывает: предикторы и зависимая переменная связаны прямой связью. Коэффициенты, отражающие взаимосвязь производительности труда с экологичностью и государственным регулированием,

Табл. 2. Сводка для линейной регрессионной модели
Tab. 2. Summary for the linear regression model

Коэффициенты[a]						
Модель		**Нестандартизованные коэффициенты**		**Стандартизованные коэффициенты**	**t**	**Значение**
		B	**Стандартная ошибка**	**Бета**		
2	(Константа)	–82,631	16,877	–	–4,896	0
	Индекс зеленой экономики	1,115	0,249	0,534	4,483	0
	Будущая ориентация регулирования, баллы 1–100	0,833	0,262	0,379	3,183	0,003

Прим.: a – зависимая переменная: производительность труда одним работником в час, доллары.

[2] Датасеты Института научных коммуникаций. Режим доступа: https://www.archilab.online/data2/gumanizatsiya-ekonomicheskogo-rosta/ (дата обращения: 21.08.2021).

[3] The Global Competitiveness Report 2019: how to end a lost decade of productivity growth, ed. Schwab K. Geneva: World Economic Forum, 2019. 650 p.

равны 0,534 и 0,379 соответственно (табл. 2). Таким образом, уравнение регрессии имеет следующий вид:

Производительность труда на одного работника в час = 1,115 × индекс зеленой экономики + 0,833 × будущая ориентация регулирования – 82,631.

Заключение

В статье были рассмотрены трансформация некоторых институтов и ее влияние на качество рабочей силы с позиции производительности труда. Причинами трансформации автор назвал цифровизацию экономики, экологизацию и государственное регулирование. Анализ публикаций и собственный исследовательский опыт позволили сделать следующие выводы:

1. Институциональные преобразования, обусловленные трансформацией формальных и неформальных институтов, происходят под влиянием изменений и в поведении людей, и в сознании. Отчетливо просматриваются изменения в стереотипах поведения на рынке образовательных услуг и на рынке труда. Эти изменения накладывают серьезный отпечаток на качество рабочей силы и на эффективность ее использования. Для обеспечения позитивных последствий происходящей трансформации для состояния рабочей силы требуется масштабная работа не столько организационного, сколько идеологического, смыслового характера. Это касается и цифровизации, и экологизации, и государственного регулирования. Смыслы для мотивирования работника к более производительной работе невозможно задать распоряжением, приказом, реформой. Смыслы начинают складываться в школе в ходе формирования ответственного отношения к делу, дисциплинированности в выполнении учебных поручений, высокой мотивации к постижению знаний. Затем в профессиональном обучении должна быть продолжена линия, где государственное регулирование и цифровизация не подменяются дистанционным (зачастую формальным) прохождением практик, выполнением заданий и отчетов. Необходимо с учетом новых современных реалий обратиться к формированию культуры высокопроизводительной учебы, а затем и высокопроизводительной работы, бережного и рационального отношения к окружающим людям, природе.

2. Все рассмотренные в статье тенденции и институты играют важнейшую роль в развитии высокого качества рабочей силы. Однако сложившиеся традиции, менталитет и несовершенство законодательства препятствуют использованию современных реалий для повышения качества трудовых ресурсов. Коррупция, привычка работать ради показателей, социальная безответственность как бизнеса, так и работников не способствуют тому, чтобы они осуществляли свою деятельность с полной отдачей сил, знаний и умений. Мотивация трудового поведения требует изучения и грамотного управления.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Аброськин П. Н. Взаимосвязь стоимости трудовых ресурсов и эффективности их использования на транспорте // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2019. Т. 6. № 1. Режим доступа: https://resources.today/PDF/08ECOR119.pdf (дата обращения: 14.06.2021). https://doi.org/10.15862/08ECOR119
2. Ясинский Д. Ю. Содержание понятия «качество рабочей силы» // European Social Science Journal. 2017. № 12-1. С. 106–116.
3. Михненко П. А. От Стратегии-2020 к национальным проектам: трансформация институциональной модели социально-экономического развития // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 2. С. 6–23.
4. Норт Д. С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с.
5. Кузьмина А. Г., Кот В. В. Цифровизация как детерминант трансформации институциональной структуры рынка труда // Территория науки. 2019. № 3. С. 41–47.
6. Тетеринец Т. А. Инвестиции в человеческий капитал как фактор формирования инновационной экономики // Економічний вістник університету. 2019. № 41. С. 75–82. https://doi.org/10.31470/2306-546X-2019-41-75-82
7. Никитина Е. Н. Изменение климата в Арктике: адаптация в ответ на новые вызовы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 177–200. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-177-200
8. Берендеева А. Б. Новые социальные и экономические концепции оценки трансформаций российского общества и экономики // Теоретическая экономика. 2019. № 3. С. 12–28.
9. Институциональная трансформация социально-экономических систем в условиях цифровизации: состояние, тренды, проблемы и перспективы / под ред. Ю. В. Вертаковой. Курск: Университетская книга, 2020. 294 с.
10. Санникова Т. Д. Институциональные и ресурсные ограничения на пути решения задачи перехода к цифровой экономике // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 3. С. 633–646. https://doi.org/10.18334/vinec.9.3.41059
11. Лихтин А. А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 18–26. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-18-26

12. Беликова И. П. Управление инновационным развитием в региональной экономической системе: проектный подход. Ставрополь: Секвойя, 2019. 213 с.
13. Вертакова Ю. В., Евченко А. В., Щербаков Д. Б. Зеленая экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 24–36.
14. Шелудько Е. І. Модернізаційні інструменти інституціонального забезпечення екологізації промисловості // Економічний вістник університету. 2019. № 42. С. 136–149. https://doi.org/10.31470/2306-546X-2019-42-136-149
15. Легай А. В., Мэркэуцяну Т. А., Макарова О. Е. Образование и рынок труда в условиях цифровизации // Цифровая экономика и финансы: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 марта 2020 г.) Санкт-Петербург: ЦНИТ Астерион, 2020. С. 68–72.
16. Кашепов А. В. Опасна ли цифровизация экономики для рынка труда // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2. С. 58–65.
17. Фролов А. С. Влияние процессов экологизации экономики на занятость населения // Теоретическая экономика. 2020. № 11. С. 99–106.
18. Сухорукова С. М., Погорелый А. М. Экологизация и космизация экономического образования для «цифрового» класса // Экономика и управление инновациями. 2021. № 1. С. 20–28. https://doi.org/10.26730/2587-5574-2021-1-20-28
19. Цверианашвили И. А. Экологизация образования в Швеции в 1980-х–2000-х гг. // Журнал педагогических исследований. 2020. Т. 5. № 4. С. 19–22.
20. Курбатова С. М. Экологизация образования: сущностные аспекты // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2020. № 36. Режим доступа: vsoa.esrae.ru/211-1205 (дата обращения: 14.06.2021).
21. Ускова Т. В., Копытова Е. Д. Вектор экологизации современной экономики России: проблемы и направления их решения // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2018. Т. 13. № 1. С. 37–57. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2018-1-37-57

original article

Trends in the Institutional Transformation of the Russian Economy and Their Impact on the Quality of the Labor Force from the Perspective of Workforce Productivity

Tatyana A. Belchik
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; https://orcid.org/0000-0001-5729-8475; t.a.belchik@mail.ru

Received 13 Sep 2021. Accepted after peer review 4 Oct 2021. Accepted for publication 11 Oct 2021.

Abstract: The research featured the transformations of formal and informal institutions and their effect on the quality of labor force and workforce productivity. Such trends in institutional transformation as digitalization, government regulation, and environmentalization are known to affect labor market, labor legislation, education, and public administration. The research objective was to identify the main trends in institutional transformation and assess their impact on the quality of the labor force. The methods included a content analysis of documents, an analysis of statistical data, and a regression analysis. The article introduces an extended review of scientific publications, a description of trends in institutional transformation from the standpoint of labor productivity, and a forecast of workforce productivity as affected by the abovementioned institutional changes. The research results can help to plan strategies for personnel development on the business, industrial, regional, and state scale. If strategizing of labor resources is based on relevant global and national trends, it can increase company's performance, ensure economic growth in the region, and improve the living standards of local population.
Keywords: digitalization, government regulation, environmentalization, labor market, labor legislation, education, public administration, green jobs, institutions

Citation: Belchik T. A. Trends in the Institutional Transformation of the Russian Economy and Their Impact on the Quality of the Labor Force from the Perspective of Workforce Productivity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 374–381. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-374-381

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Abroskin P. N. The relationship between the cost of labor and the efficiency of their use in transport. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*, 2019, 6(1). Available at: https://resources.today/PDF/08ECOR119.pdf (accessed 14 Jun 2021). (In Russ.) https://doi.org/10.15862/08ECOR119
2. Yasinskiy D. Yu. The concept of "quality of workforce". *European Social Science Journal*, 2017, (12-1): 106–116. (In Russ.)
3. Mikhnenko P. A. From Strategy-2020 to national projects: transforming the institutional model of socio-economic development. *Problems of management theory and practice*, 2020, (2): 6–23. (In Russ.)
4. North D. C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997, 180. (In Russ.)
5. Kuzmina A. G., Kot V. V. Digitization as a determinant of the transformation of the institutional structure of the labor market. *Territoriia nauki*, 2019, (3): 41–47. (In Russ.)
6. Tsetsiarynets T. A. Investments into the human capital as a factor of innovative economy formation. *Ekonomìčnij vìsnik unìversitetu*, 2019, (41): 75–82. (In Russ.) https://doi.org/10.31470/2306-546X-2019-41-75-82
7. Nikitina E. N. Climate change in the Arctic: adaptation to new challenges. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2019, 12(5): 177–200. (In Russ.) https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-177-200
8. Berendeeva A. B. New social and economic concepts of the assessment of transformations of Russian society and economy. *Teoreticheskaia ekonomika*, 2019, (3): 12–28. (In Russ.)
9. *Institutional transformation of socio-economic systems in the context of digitalization: state, trends, problems, and prospects*, ed. Vertakova Yu. V. Kursk: Universitetskaia kniga, 2020, 294. (In Russ.)
10. Sannikova T. D. Institutional and resource constraints on the way to solving the problem of transition to a digital economy. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2019, 9(3): 633–646. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/vinec.9.3.41059
11. Likhtin A. A. Transformation of public administration in the digital era. *Administrative consulting*, 2021, (4): 18–26. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-18-26
12. Belikova I. P. *Management of innovative development in the regional economic system: a project approach*. Stavropol: Sekvoiia, 2019, 213. (In Russ.)
13. Vertakova Yu. V., Evchenko A. V., Shcherbakov D. B. Green economy and sustainable development: towards "ecologization" state socio-economic policy in the context of institutional transformation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2020, 10(5): 24–36. (In Russ.)
14. Sheludko E. I. Modernizational instruments of institutional support of industry ecologization. *Ekonomìčnij vìsnik unìversitetu*, 2019, (42): 136–149. (In Ukr.) https://doi.org/10.31470/2306-546X-2019-42-136-149
15. Legai A. V., Merkeutsyanu T. A., Makarova O. E. Education and the labor market in the context of digitalization. *Digital Economy and Finance:* Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 19–20 Mar 2020. St. Petersburg: TsNIT Asterion, 2020, 68–72. (In Russ.)
16. Kashepov A. V. Is digitalization of economy dangerous for labor market? *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2020, (2): 58–65. (In Russ.)
17. Frolov A. S. The impact of greening the economy on employment. *Teoreticheskaia ekonomika*, 2020, (11): 99–106. (In Russ.)
18. Sukhorukova S. M., Pogorely A. M. Environmentalization and cosmization of economic education for "digital" class. *Economics and Innovation Management*, 2021, (1): 20–28. (In Russ.) https://doi.org/10.26730/2587-5574-2021-1-20-28
19. Tsverianashvili I. A. Greening education in Sweden in the 1980s–2000s. *Zhurnal pedagogicheskikh issledovanii*, 2020, 5(4): 19–22. (In Russ.)
20. Kurbatova S. M. Ecologization of education: essential aspects. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii*, 2020, (36). Available at: vsoa.esrae.ru/211-1205 (accessed 14 Jun 2021). (In Russ.)
21. Uskova T. V., Kopytova E. D. Ecologization of modern Russian economy: problems and ways to solve them. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika*, 2018, 13(1): 37–57. (In Russ.) https://doi.org/10.17072/1994-9960-2018-1-37-57

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-382-389

оригинальная статья

Влияние адаптационных мероприятий и профессионального обучения на результативность деятельности организаций с многонациональным персоналом

Сергей Михайлович Васин
Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза;
https://orcid.org/0000-0002-0371-5517

Юлия Евгеньевна Прохорова
Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза;
https://orcid.org/0000-0003-4816-797X; Yliana105@gmail.com

Поступила в редакцию 14.09.2021. Принята после рецензирования 05.10.2021. Принята в печать 11.10.2021.

Аннотация: В условиях глобализации и интенсивной миграции представители различных культур и социальных статусов могут свободно перемещаться по миру. Основные места межкультурных контактов в России – крупные города, промышленные центры с развитой инфраструктурой, привлекающие людей из других регионов, в том числе и трудовых мигрантов. В настоящее время в нашей стране получают развитие организации с многонациональным персоналом. Вхождение иностранного сотрудника в такую организацию не может быть оптимальным без процесса адаптации. Очевидной является проблема поиска и интегрирования методов профессионального обучения представителей различных культур в пределах организации. Уменьшение социальной дистанции, высокая степень взаимодействия между сотрудниками способствуют повышению результативной деятельности многонациональных команд. Цель – обоснование необходимости применения в организациях с многонациональным персоналом системы адаптации и профессионального обучения с учетом специфики работников и отражение ожидаемого эффекта от данных мероприятий. Научная новизна заключается в обосновании специфики адаптационных мероприятий и методов профессионального обучения многонационального персонала и разработке практических рекомендаций по повышению результативности деятельности организаций, учитывающих культурные особенности человеческих ресурсов. Предложен метод прогнозирования результатов работы предприятий на основе расчета рекомендуемого уровня использования процессов адаптации и обучения многонационального персонала в организациях. В основе метода – выражение традиционно качественных показателей управления человеческими ресурсами в количественных форматах с целью определения регрессионных зависимостей результативности работы организаций от исходных процессов управления персоналом. Изучены отличительные особенности адаптации и обучения персонала различных национальностей, проанализировано фактическое состояние этих процессов в организациях с многонациональным персоналом, определены рекомендуемые уровни управленческих показателей, оказывающих влияние на промежуточную результативность работы исследуемых организаций.

Ключевые слова: полиэтнический трудовой коллектив, социальная адаптация, межкультурная коммуникация, кросс-культурный тренинг, наставничество, эффективность

Цитирование: Васин С. М., Прохорова Ю. Е. Влияние адаптационных мероприятий и профессионального обучения на результативность деятельности организаций с многонациональным персоналом // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 382–389. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-382-389

Введение

Эффективная система адаптации – одна из важных частей в системе управления человеческими ресурсами в организациях с многонациональным персоналом. В рамках настоящего исследования под организацией с многонациональным персоналом будем понимать организацию, созданную в результате глобализационных экономических процессов, направленную на организационное единство, функционирующую на территории Российской Федерации для осуществления стратегических целей, состоящую из персонала различных национальностей (представителей стран ближнего и дальнего зарубежья). Специфика данных организаций заключается в наличии персонала с отличительными характеристиками, сформированными на основе культурных, языковых, правовых, экономических различий, возникающих в процессе интернационализации. Ввиду вышеназванной специфики адаптация многонационального персонала является трудным стрессогенным процессом как для мигранта, так и для принимающего сообщества.

Анализ публикаций, посвященных проблемам адаптации иностранцев, позволяет сделать вывод, что наиболее значимыми аспектами этого процесса являются приспособление к новой социокультурной среде, языку общения, новым климатическим, временным и бытовым условиям [1–4]. Особо трудной является адаптация иностранного сотрудника к новой социальной, культурной и языковой среде.

Социальная проблема адаптации иностранных сотрудников состоит в том, что их ожидания не совпадают с реальным отношением принимающей среды: в результате отсутствия толерантности могут возникать конфликтные

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ситуации. Значительная часть конфликтов, как отмечает B. Dietz, возникает в результате национального «этического» высокомерия коренных жителей [5].

Часть трудовых мигрантов, приезжающих в Россию для работы на неквалифицированных должностях, имеют низкое правовое сознание и, как следствие, очень плохо социально адаптированы. Социальное включение таких работников в организациях с многонациональным персоналом происходит чаще всего через неформальные связи, что приводит к усложнению и увеличению сроков социальной адаптации.

По нашему мнению, основными проблемами социальной адаптации являются:

- незнание языка и культуры страны, проблема выстраивания адекватного обмена информацией;
- отсутствие коммуникативной готовности к взаимодействию с местными жителями.

Игнорирование аспектов интернациональной адаптации может привести к отсутствию кросс-культурной согласованности действий членов многонациональных команд, обусловленной этническими стереотипами и моделями поведения, что в итоге снизит результативность деятельности организации [6]. Адаптация к новому культурному окружению может вызвать у мигранта негативные психологические состояния (напряженность, тревога, чувство неполноценности вследствие потери постоянного круга общения и отсутствия друзей и знакомых), определяемые как «культурный шок» [7] или «стресс аккультурации» [8; 9].

Термин *культурный шок* введен в научный оборот К. Обергом, обозначавшим этот феномен как состояние, которое испытывает человек при взаимодействии с чужой культурой [10]. «Когда чужеземцы входят в новую культуру, они испытывают неопределенность в отношении установок, чувств, верований, ценностей и поведения принимающих граждан» [9].

Г. Х. Триандис детализирует этот процесс, выделяя пять этапов: 1) восхищение и энтузиазм; 2) депрессия от чувства взаимного непонимания с местным населением; 3) кризис; 4) выздоровление (освоение норм и ценностей принимающего сообщества); 5) адаптация (работа в условиях освоения новой культуры) [11].

Однако следует согласиться с мнением ряда исследователей, которые считают неточной данную позицию в описании социально-психологической реальности [12–14]. С нашей точки зрения, культурный шок имеет и положительные последствия, связанные с личным саморазвитием вследствие принятия ценностей и моделей поведения индивида. Так, формирование эффективных кросс-культурных коммуникаций позволит организациям с многонациональным персоналом достигнуть устойчивых конкурентных преимуществ в условиях поликультурной среды.

Большую роль в адаптации иностранного сотрудника играет профессиональное обучение – сложный, комплексный процесс, оказывающий влияние не только на производственные результаты, но и на адаптацию персонала, улучшение социально-психологического климата и социальных процессов за счет повышения ценности представителей различных культур в многонациональном коллективе. Проблемным для руководства организации с многонациональным персоналом является выбор программ профессионального обучения представителей разных культур в пределах одной страны [15]. Корпоративное обучение полиэтнического персонала в условиях специфической микросоциальной среды (межчеловеческие отношения, творческая деятельность, общение, психологический климат и т. д.) нацелено на:

- повышение профессионального уровня и стремление к профессиональному росту с учетом специфики и потребностей многонационального персонала;
- адаптацию новых сотрудников и вовлечение их в деятельность компании, минимизацию возможных противоречий между представителями различных стран и национальностей;
- формирование общих корпоративных ценностей и развитие толерантного отношения к окружающей среде (сотрудникам, стране пребывания);
- выявление скрытых персональных знаний сотрудников, принадлежащих к разным культурам.

Мы разделяем мнение Т. А. Солтицкой, считающей, что обучение иностранного сотрудника направлено не только на то, как работать в данной культуре, но и на то, как жить в ней [16]. Профессиональное обучение трудовых мигрантов в соответствии с потребностями организации с многонациональным персоналом является основным элементом их адаптации. Для обучения основам межкультурной коммуникации в организации с полиэтническим трудовым коллективом целесообразно проводить кросс-культурные тренинги. Важным фактором психологической адаптации к другой культуре является общение, а тренинги с одновременным участием российских и иностранных граждан позволяют получить практический опыт кросс-культурного взаимодействия, увидеть национальные стереотипы и ценности глазами другой стороны и понять психологические тонкости межкультурного общения. На важность использования тренинга в обучении межкультурной коммуникации обращают внимание многие зарубежные исследователи [17–20]. Дж. С. Блэк и М. Менденхолл определили результаты кросс-культурного тренинга:

1. Знания о культуре (значимых в данной культуре ценностях; ключевых исторических, политических и культурных событиях; поведенческом выражении ценностей).

2. Адаптация к культуре [21].

Эффективная система развития полиэтнического трудового коллектива невозможна без интегрированного и индивидуально-ориентированного подхода к представителям различных культур. Одним из методов обучения и адаптации многонационального персонала организации является наставничество. Наставник – это человек с передовым опытом и знаниями, обеспечивающий мобильность и поддержку в процессе построения карьеры

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-382-389

своего протеже [22]. А. Р. Масалимова, исследуя модели компетенций современного наставника, отмечает наиболее важные цели наставничества: сокращение периода и сроков адаптации, передача знаний и опыта, психологическая помощь вновь принятому сотруднику [23].

Закрепление за иностранным сотрудником наставника – представителя аналогичной культуры – будет способствовать не только социализации личности в новых для него культурных условиях. Наставник должен являться для новых сотрудников проводником ценностей, традиций, политики и целевых ориентаций организации [24]. Немаловажную роль он играет и в процессе обучения, передавая свои знания и опыт на языке трудового мигранта. Таким образом, грамотно проработанная система адаптации и обучения многонационального персонала способствует повышению результативности деятельности организации за счет конкурентных преимуществ на рынке.

Методы и материалы

С целью исследования адаптационных процессов и методов профессионального обучения и их влияния на результативность деятельности организаций с многонациональным персоналом был проведен опрос в форме анкетирования сотрудников таких организаций, расположенных на территории Пензенской области (400 человек), и экспертов: руководителей различных управленческих звеньев; сотрудников, имеющих высокую квалификацию и стаж работы (60 человек). На выбор объекта исследования повлиял ряд базовых методических требований, главными из которых явились:

- типичность (репрезентативность) исследования;
- принцип единственного различия;
- требование учета результатов деятельности и достоверности исследования.

Промежуточные и конечные результаты – главный объективный показатель при характеристике факторов, изучаемых в эксперименте. Учет результативности предприятий дает возможность установить влияние факторов, рассматриваемых в данном исследовании [25]. В результате экспертного опроса определены факторы, оказывающие первостепенное значение на уровень результативности работы организаций с многонациональным персоналом, и получена оценка их важности. Рейтинговые значения важности оценивались по шкале от 0 до 1. При помощи анкетного опроса получены данные фактического использования факторов в исследуемых организациях, которые оценивались по десятибалльной шкале (табл. 1).

Оценка результатов работы компаний с полиэтническим трудовым коллективом производилась на основе анализа информации Росстата (по данным годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности). Показатели фактического уровня использования и рейтинговые значения важности факторов применены для расчетов величин фактической и максимально возможной результативности их использования.

Табл. 1. Эффективность использования факторов в организациях с многонациональным персоналом (2018–2020 гг.)
Tab. 1. Effectiveness of various factors in multinational organizations (2018–2020)

Факторы	Средние значения опроса работников (Fn)	Средние значения опроса экспертов (On)	Значение фактической эффективности (En)
Адаптационные мероприятия			
Знакомство с коллегами – представителями аналогичной национальности	4,9	0,75	3,7
Наличие программы адаптации для иностранного сотрудника	3,7	0,92	3,4
Оказание помощи бытового характера (предоставление бесплатного жилья и питания, трудоустройство членов семьи)	5,5	0,84	4,6
Знакомство с местными сотрудниками	5,1	0,76	3,9
Закрепление наставника – представителя аналогичной культуры	3,2	0,83	2,7
Возможность получения медицинского обслуживания и дополнительного образования в принимающей стране	5,9	0,92	5,4
Методы профессионального обучения			
Корпоративное обучение	0,63	4,2	2,6
Кросс-культурный тренинг	0,56	0,7	0,4
Языковой тренинг	0,55	0,2	0,1
Практические семинары	0,44	3,2	1,4
Самостоятельное обучение	0,42	2,1	0,9

Расчеты осуществлены с помощью авторской методики, которую отражает обобщенная модель:

$$E_n = F_n \times O_n,$$

где F_n – фактическое использование n-ного фактора, O_n – экспертная оценка важности n-ного фактора (по оценочной шкале), E_n – эффективность использования n-ного фактора.

При помощи корреляционно-регрессионного анализа были зафиксированы связи в исследованных переменных, что позволило построить математические модели выявленных зависимостей. На основе данного анализа рассчитаны коэффициенты корреляции. Коэффициенты, значения которых выше табличных, дали возможность проведения регрессионного анализа. Его итог – двухфакторные регрессионные модели, в рамках которых рассчитывалась зависимость Y (зависимого фактора) от X (фактора влияния). Модели зависимостей носят линейный характер и представляют уравнения прямой, полученные из условий минимизации суммы квадратов отклонений, измеренных по оси Y:

$$Y = A_0 + A_1 \times X.$$

Результаты

Корреляционно-регрессионный анализ послужил базой для группировки факторов. В первую группу входят факторы, фактическая оценка которых показала их влияние на промежуточные результаты работы предприятий, во вторую – факторы, влияющие на рентабельность собственного капитала (табл. 2).

Первая группа (группа первичных факторов): адаптационные мероприятия «Знакомство с представителями аналогичной культуры», «Закрепление наставника – представителя аналогичной культуры», «Наличие программы адаптации для иностранного сотрудника».

Табл. 2. Модели влияния первичных и вторичных факторов
Tab. 2. Impact models for the primary and secondary factors

	Название зависимости	Вид модели, t-критерий, коэффициент корреляции, коэффициент детерминации	Объяснение зависимости
Первая группа	Модель влияния результативности адаптационного мероприятия «Знакомство с представителями аналогичной культуры» (X) на результативность способа профессионального обучения «Кросс-культурный тренинг» (Y)	$Y = 0{,}9684 + 0{,}6131 \times X$ t-критерий – 5,52 К корреляции – 0,89 R^2=0,79	знакомство с представителями аналогичной культуры дает возможность сотруднику, слабо владеющему языком, повысить знания и снизить коммуникативные барьеры; проведение кросс-культурных тренингов способствует социализации мигранта в новых культурных условиях
	Модель влияния результативности адаптационного мероприятия «Знакомство с представителями аналогичной культуры» (X) на результативность способа профессионального обучения «Языковой тренинг» (Y)	$Y = -0{,}9552 + 1{,}0617 \times X$ t-критерий – 3,99 К корреляции – 0,82 R^2=0,65	социальные и языковые барьеры – ключевые моменты социализации мигранта: незнание языка снижает мотивацию к результативной деятельности, приводит к конфликтным ситуациям; для преодоления языкового барьера целесообразны дополнительные занятия по русскому языку в форме тренинга
	Модель влияния результативности адаптационного мероприятия «Закрепление наставника – представителя аналогичной культуры» (X) на результативность способа профессионального обучения «Корпоративное обучение» (Y)	$Y = 2{,}397 + 2{,}0123 \times X$ t-критерий – 2,39 К корреляции – 0,65 R^2=0,42	использование наставника со специфическими компетенциями (важными для профессиональной и повседневной деятельности мигранта) минимизирует сроки прохождения адаптации и позволяет достичь невысокого уровня затрат на профессиональное обучение персонала и снижения текучести кадров
Вторая группа	Модель зависимости рентабельности собственного капитала (Y) от результативности использования метода профессионального обучения «Корпоративное обучение»	$Y = -82{,}3087 + 33{,}559 \times X$ t-критерий – 3,44 К корреляции – 0,77 R^2=0,59	использование различных методов обучения с учетом специфики персонала позволит сотрудникам освоить способы и средства установления межличностных контактов в новом окружении, овладеть ценностями, нормами, ролями в чужой культуре, сформирует умение справляться с психологическим стрессом, что в конечном итоге поспособствует результативной деятельности, оказывающей непосредственное влияние на повышение рентабельности организации
	Модель зависимости рентабельности собственного капитала (Y) от результативности использования метода профессионального обучения «Кросс-культурный тренинг»	$Y = -68{,}6836 + 26{,}034 \times X$ t-критерий – 4,99 К корреляции – 0,87 R^2=0,76	

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-382-389

Вторая группа (группа вторичных факторов): методы профессионального обучения «Корпоративное обучение» и «Кросс-культурный тренинг».

Корреляционно-регрессионным анализом подтверждена прямая долгосрочная зависимость рентабельности собственного капитала от метода профессионального обучения «Корпоративное обучение». Коэффициент корреляции составляет 0,77, t-критерий Стьюдента – 3,44 (превосходит табличное значение и свидетельствует о значимом отличии от нуля коэффициента корреляции). Зависимость выражена моделью:

$$Y = -82{,}3087 + 33{,}559 \times X,$$

где X – уровень использования метода профессионального обучения «Корпоративное обучение», Y – рентабельность собственного капитала.

На следующем этапе анализа установлено: уровень результативности использования метода профессионального обучения «Корпоративное обучение» зависит от закрепления за новым иностранным сотрудником наставника – представителя аналогичной культуры на этапе адаптации. Рассчитанный коэффициент корреляции (2020 г.) составил 0,89, t-критерий – 5,52 (превышает табличную величину, свидетельствуя о значимом отличии от нуля найденного коэффициента корреляции). Регрессионная зависимость (2020 г.) выражена моделью:

$$Y = 0{,}9684 + 0{,}6131 \times X,$$

где X – уровень использования адаптационного мероприятия «Закрепление наставника – представителя аналогичной культуры», Y – результативность использования способа профессионального обучения «Корпоративное обучение».

Характер зависимости объясняется наличием временного интервала с момента повышения уровня использования адаптационного мероприятия «Закрепление наставника – представителя аналогичной культуры» до практической реализации и наступления положительного эффекта, оказывающего непосредственное влияние на продуктивность профессиональной деятельности сотрудника. Это объясняется тем, что наставник (представитель аналогичной культуры) сможет в более короткие сроки не только помочь своему протеже в решении вопросов бытового характера, но и оказать помощь в профессиональном обучении. Кроме того, при слабом владении неродным языком общение может происходить на языке страны прибытия мигранта, соответственно, не требуется дополнительных финансовых вложений как на этапе адаптации, так и в период профессионального обучения в новых экономико-культурных условиях.

Далее, принимая за желаемую величину значения максимально возможной результативности использования вторичных факторов, определим показатели результативности использования соответствующих первичных факторов. Руководству исследуемых организаций с многонациональным персоналом необходимы практические меры, направленные на рост результативности способа адаптационного мероприятия «Закрепление наставника – представителя аналогичной культуры». В этом поможет выявленная регрессионная зависимость:

$$X = (6{,}3 - 0{,}9684)/0{,}6131,$$

где X – результативность использования критерия отбора «Знание национального языка страны, в которой находится организация-работодатель», 6,3 – максимально возможная результативность использования способа профессиональное обучение «Корпоративное обучение».

Полученное значение X=8,7 выше максимально возможной результативности использования данного критерия и значительно превосходит фактические показатели на исследуемых предприятиях. Расчеты указывают на необходимость повышения в рассматриваемых организациях результативности использования адаптационного мероприятия «Закрепление наставника – представителя аналогичной культуры».

Определим рентабельность собственного капитала с помощью выведенной модели регрессионной зависимости:

$$Y = -82{,}3087 + 33{,}559 \times 6{,}3,$$

где Y – рентабельность собственного капитала, 6,3 – максимально возможная результативность способа профессионального обучения «Корпоративное обучение». Таким образом, Y=129,1 тыс. руб. Полученная величина в значительной степени превосходит максимальный показатель среди значений рентабельности собственного капитала предприятий выборочной совокупности, определенных за 2018–2020 гг. по данным бухгалтерского баланса (табл. 3).

Табл. 3. Значения рентабельности собственного капитала предприятий, %

Tab. 3. Values of return on equity of enterprises, %

Предприятия	Значения		
	2018	2019	2020
ООО АПК «Дамате»	–0,29	–0,33	–0,15
ООО «Бетониум»	93,59	96,28	31,62
ООО «Пензенский завод Телема Гино»	44,25	37,06	13,71
ООО «Русская молочная компания» и «Olam International»	–5,05	0,09	0,00
ООО «Инвест Пенза» и «Cemil Özgür Group»	–146,38	–844,00	128,44
ООО «Кайнак»	20,11	12,61	13,24
ООО «Маяк-Техноцелл»	24,12	24,15	17,35
ООО «Азия Цемент»	–51,15	81,40	–4,71
ОАО «Молочный комбинат "Пензенский"»	–0,42	–0,43	–0,25
ОАО «Пензадизельмаш»	33,12	32,82	23,27

Итак, с помощью созданных регрессионных моделей произведен расчет рекомендуемых значений результативности использования первичных факторов, необходимых для практического достижения организациями с многонациональным персоналом максимально возможных показателей результативности использования соответствующих вторичных факторов, что, в свою очередь, ведет к существенному росту рентабельности собственного капитала.

Заключение

В статье рассмотрены отличительные особенности адаптации и обучения сотрудников – представителей ближнего и дальнего зарубежья – в организациях с многонациональным персоналом. Выявлены факторы, осложняющие процесс адаптации (приспособление к новой социокультурной среде, языку общения, бытовым условиям и т. д.). С помощью авторской методики исследовано фактическое состояние адаптационных мероприятий и способов профессионального обучения указанных сотрудников. На основе построения моделей регрессионной зависимости определены рекомендуемые уровни управленческих показателей, оказывающих влияние на промежуточную результативность работы рассматриваемых предприятий. Полученные результаты позволят руководству компаний с многонациональным персоналом усовершенствовать процессы адаптации и профессионального обучения сотрудников, приступить к выработке конкретных мер, что в конечном итоге должно выразиться в росте результативности использования фактора и, как следствие, в повышении рентабельности работы предприятия.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Корабельникова Л. Ч., Савчик М. К. Проблема влияния социокультурной адаптации иностранцев на эффективность процесса обучения // Язык. Общество. Медицина: сб. мат-лов XIX Респ. студенческой конф. с междунар. участием и XVI Респ. науч.-практ. семинара «Формирование межкультурной компетентности в учреждениях высшего образования при обучении языкам» (Гродно, 14 ноября 2019 г.) Гродно: ГрГМУ, 2020. С. 265–267.
2. Амосова О. К. Социокультурная адаптация иностранца как форма взаимодействия с новой реальностью // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7–9 ноября 2019 г.) Москва: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2019. С. 56–57.
3. Бессонова М. А. Особенности адаптации многонационального персонала в компании // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 11. С. 73–76.
4. Ушкин С. Г. Принимающее сообщество и иностранные мигранты: региональные практики адаптации // Управленческое консультирование. 2019. № 12. С. 191–201. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-12-191-201
5. Dietz B. Migration in der Ukraine: hintergründe und trends (ergebnisse einer haushaltsbefragung) // Kurzanalysen und Informationen. Regensburg: Osteuropa-Institut Regensburg, 2007. Nr. 29. 8 p.
6. Васин С. М., Прохорова Ю. Е. Особенности адаптации персонала многонациональное организации // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 8. С. 847–854. https://doi.org/10.18334/ce.11.8.38223
7. Gudykunst W. B., Lee C. M., Nishida T., Ogawa N. Theorizing about intercultural communication. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 3–32.
8. Berry J. W., Annis R. C. Acculturative stress: the role of ecology, culture and differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. Vol. 5. № 4. P. 382–406. https://doi.org/10.1177/002202217400500402
9. Moumita N., Zaman L. An analysis of global training and experience sharing in multinational companies // American Journal of Business and Management. 2013. Vol. 2. № 1. P. 75–83. https://doi.org/10.11634/216796061706274
10. Oberg K. Cultural shock: adjustments to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol. os-7. № 4. P. 177–182. https://doi.org/10.1177/009182966000700405
11. Triandis H. C., Malpass R. S., Davidson A. R. Psychology and culture // Annual Review of Psychology. 1973. Vol. 24. P. 355–378. https://doi.org/10.1146/annurev.ps.24.020173.002035
12. Kealey D. J. A study of cross-cultural effectiveness: theoretical issues and practical applications // International Journal of Intercultural Relations. 1989. Vol. 13. № 3. P. 387–428. https://doi.org/10.1016/0147-1767(89)90019-9
13. Смолина Т. Л. Симптомы культурного шока: обзор и классификация // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 3. Режим доступа: http://psyedu.ru/journal/2012/3/3028.phtml (дата обращения: 03.09.2021).
14. Ward C., Kennedy A. Coping with cross-cultural transition // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. № 5. P. 636–642. https://doi.org/10.1177/0022022101032005007
15. Прохорова Ю. Е. Развитие персонала многонациональной организации как основа ее эффективного функционирования // Научные горизонты. 2018. № 9. С. 39–44.

16. Солтицкая Т. А. Кросс-культурные аспекты управления персоналом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2002. № 3. С. 51–70.
17. Thomas A. Analyse der Handlungswirksamkeit von Kulturstandarts // Psychologie interkulturellen Handelns / Hrsg. A. Thomas. Göttingen, Bern, Toronto, Seattle: Hogrefe, Verlag für Psychologie, 1996. S. 107–135.
18. Byram M. Teaching communicative and intercultural competence // Lend – lingua e nuova didattica. 2013. Vol. XLII. № 2. P. 34–43.
19. Caligiuri P. Developing global leaders // Human Resource Management Review. 2006. Vol. 16. № 2. P. 219–228. https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2006.03.009
20. Schilcher C., Poth A.-K., Sauer S., Stiefel K.-P., Will-Zocholl M. Trust in international teams: cultural, spatial, and organizational issues // International Journal of Business Research. 2011. Vol. 11. № 4. P. 29–38.
21. Black J. S., Mendenhall M. Cross-culture training effectiveness: a review and theoretical framework for future research // Academy of Management Review. 1990. Vol. 15. № 1. P. 113–136. https://doi.org/10.2307/258109
22. Ragins B. R., Cotton J. L., Miller J. S. Marginal mentoring: the effects of type of mentor, quality of relationship, and program design on work and career attitudes // Academy of Management Journal. 2000. Vol. 43. № 6. https://doi.org/10.5465/1556344
23. Масалимова А. Р. Модель компетенций современного наставника // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 104–108.
24. Кожевникова О. А. Новый взгляд на роль наставничества в организациях // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 61. С. 235–238.
25. Васин С. М., Прохорова Ю. Е. Методика оценки процессов управления персоналом многонациональной организации // ЦИТИСЭ. 2018. № 1. Режим доступа: https://ma123.ru/ru/2018/04/методика-оценки-процессов-управлени/ (дата обращения: 03.09.2021).

original article

The Impact of Adaptation Measures and Vocational Training on the Effectiveness of Organizations with Multinational Personnel

Sergey M. Vasin
Penza State University, Russia, Penza; https://orcid.org/0000-0002-0371-5517; pspu-met@mail.ru

Yulia E. Prokhorova
Penza State University, Russia, Penza; https://orcid.org/0000-0003-4816-797X; Yliana105@gmail.com

Received 14 Sep 2021. Accepted after peer review 5 Oct 2021. Accepted for publication 11 Oct 2021.

Abstract: Globalization has turned Russian industrial cities into intercultural hubs that attract migrant workers. Organizations with multinational personnel need to provide their foreign employees with adaptation procedures and professional training. Multinational teams perform better when social distance is small and interaction is more vivid. The research objective was to substantiate the need for multinational organizations to use a system of adaptation and vocational training, as well as to describe the expected effect of such measures. The article introduces some practical recommendations for improving and forecasting the corporative performance based on the cultural profile of human resources. The forecasting method relies on the quantitative expression of qualitative indicators of personnel management in order to determine the regression dependency of the performance from the initial processes of personnel management. The paper also describes the adaptation and training features of foreign personnel, the current state of adaptation and personnel training in multiethnic organizations, and the optimal levels of management indicators that affect the intermediate performance of such organizations.
Keywords: multiethnic personnel, social adaptation, intercultural communication, cross-cultural training, mentoring, efficiency

Citation: Vasin S. M., Prokhorova Yu. E. The Impact of Adaptation Measures and Vocational Training on the Effectiveness of Organizations with Multinational Personnel. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 382–389. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-382-389

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

1. Korabelnikova L. Ch., Savchik M. K. The problem of the impact of socio-cultural adaptation of foreigners on the effectiveness of the learning process. *Language. Society. Medicine:* Proc. XIX Republican Student Conf. with Intern. Participation and XVI Republican Sci.-Prac. Seminar "Formation of intercultural competence in higher education institutions when teaching languages", Grodno, 14 Nov 2019. Grodno: GrGMU, 2020, 265–267. (In Russ.)
2. Amosova O. K. Socio-cultural adaptation of a foreigner as a form of interaction with new reality. *The socio-cultural environment of the university and the linguistic development of the personality of a foreign student*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 7–9 Nov 2019. Moscow: RGU im. A. N. Kosygina, 2019, 56–57. (In Russ.)
3. Bessonova M. A. Features of adaptation of multinational staff in the company. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, 2016, (11): 73–76. (In Russ.)
4. Ushkin S. G. Host community and foreign migrants: regional adaptation practices. *Administrative consulting*, 2019, (12): 191–201. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-12-191-201
5. Dietz B. Migration in der Ukraine: hintergründe und trends (ergebnisse einer haushaltsbefragung). *Kurzanalysen und Informationen*. Regensburg: Osteuropa-Institut Regensburg, 2007, iss. 29, 8.
6. Vasin S. M., Prokhorova Yu. E. Features of adaptation of staff of a multinational corporation. *Creative economy,* 2017, 11(8): 847–854. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ce.11.8.38223
7. Gudykunst W. B., Lee C. M., Nishida T., Ogawa N. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005, 3–32.
8. Berry J. W., Annis R. C. Acculturative stress: the role of ecology, culture and differentiation. *Journal of Cross-Cultural Psychology,* 1974, 5(4): 382–406. https://doi.org/10.1177/002202217400500402
9. Moumita N., Zaman L. An analysis of global training and experience sharing in multinational companies. *American Journal of Business and Management*, 2013, 2(1): 75–83. https://doi.org/10.11634/216796061706274
10. Oberg K. Cultural shock: adjustments to new cultural environments. *Practical Anthropology*, 1960, os-7(4): 177–182. https://doi.org/10.1177/009182966000700405
11. Triandis H. C., Malpass R. S., Davidson A. R. Psychology and culture. *Annual Review of Psychology,* 1973, 24: 355–378. https://doi.org/10.1146/annurev.ps.24.020173.002035
12. Kealey D. J. A study of cross-cultural effectiveness: theoretical issues and practical applications. *International Journal of Intercultural Relations*, 1989, 13(3): 387–428. https://doi.org/10.1016/0147-1767(89)90019-9
13. Smolina T. L. Symptoms of culture shock: overview and classification. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru,* 2012, (3). Available at: http://psyedu.ru/journal/2012/3/3028.phtml (accessed 3 Sep 2021). (In Russ.)
14. Ward C., Kennedy A. Coping with cross-cultural transition. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, 32(5): 636–642.
15. Prokhorova Yu. E. Development of staff in multinational organizations as a basis for its effective functioning. *Nauchnye gorizonty*, 2018, (9): 39–44. (In Russ.)
16. Soltitskaia T. A. Cross-cultural aspects of personnel management. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment*, 2002, (3): 51–70. (In Russ.)
17. Thomas A. Analyse der Handlungswirksamkeit von Kulturstandarts. *Psychologie interkulturellen Handelns*, Hrgs. Thomas A. Göttingen, Bern, Toronto, Seattle: Hogrefe, Verlag für Psychologie, 1996, 107–135.
18. Byram M. Teaching communicative and intercultural competence. *Lend – lingua e nuova didattica*, 2013, XLII(2): 34–43.
19. Caligiuri P. Developing global leaders. *Human Resource Management Review,* 2006, 16(2): 219–228. https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2006.03.009
20. Schilcher C., Poth A.-K., Sauer S., Stiefel K.-P., Will-Zocholl M. Trust in international teams: cultural, spatial, and organizational issues. *International Journal of Business Research*, 2011, 11(4): 29–38.
21. Black J. S., Mendenhall M. Cross-culture training effectiveness: a review and theoretical framework for future research. *Academy of Management Review*, 1990, 15(1): 113–136. https://doi.org/10.2307/258109
22. Ragins B. R., Cotton J. L., Miller J. S. Marginal mentoring: the effects of type of mentor, quality of relationship, and program design on work and career attitudes. *Academy of Management Journal*, 2000, 43(6). https://doi.org/10.5465/1556344
23. Masalimova A. R. Modern tutors competencies model. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2012, (4): 104–108. (In Russ.)
24. Kozhevnikova O. A. A new look at the role of mentoring in organizations. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera*, 2014, (61): 235–238. (In Russ.)
25. Vasin S. M., Prokhorova Yu. E. Methods of evaluation of the personnel management processes of multinacional organizations. *CITISE*, 2018, (1). Available at: https://ma123.ru/ru/2018/04/методика-оценки-процессов-управлени/ (accessed 3 Sep 2021). (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-390-400

оригинальная статья

Развитие академического технологического предпринимательства в России

Рудик Левович Корчагин
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; https://orcid.org/0000-0001-8173-277X; kor4.ru@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.08.2021. Принята после рецензирования 23.09.2021. Принята в печать 11.10.2021.

Аннотация: Технологические предприниматели играют важнейшую роль в современных моделях экономического роста. Вместе с тем особенности и траектории развития технологического предпринимательства, стартапов в России отличаются от тех, что представлены в странах со зрелой рыночной экономикой. Цель – оценка состояния академического технологического предпринимательства в российских университетах и выработка рекомендаций по его развитию. Использованы методы двумерной классификации университетов по двум показателям развития технологического предпринимательства, корреляционный анализ, оценка межгрупповых различий по U-критерию Манна-Уитни, качественный анализ предпринимательских экосистем в вузах, методы построения алгоритмов. Установлено, что количество стартапов и вероятность получения коммерческого финансирования практически не коррелируют. Существует группа вузов, не входящих в число крупнейших столичных университетов, но имеющих высокую удельную долю предпринимательских проектов, успешно прошедших посевную стадию, получивших коммерческое финансирование (бизнес-ангел, венчурный фонд). Эти наиболее эффективные университеты отличаются не только наличием инновационной инфраструктуры, но и большим разнообразием центров коллективного пользования. Разработана схема развития академического технологического предпринимательства на базе университета как инновационного хаба. Важными его элементами являются преактивный маркетинг научно-исследовательского задела, развитие социального капитала экосистемы, практик коллабораций. Результаты могут быть использованы как самими технологическими предпринимателями, так и университетами, заинтересованными в развитии академического предпринимательства.
Ключевые слова: технологическое предпринимательство, академическое предпринимательство, инновационный хаб, университет, инновационная инфраструктура, студенческий стартап, научно-технический задел

Цитирование: Корчагин Р. Л. Развитие академического технологического предпринимательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 390–400. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-390-400

Введение

Вопросы активизации технологического предпринимательства, создания стартапов крайне важны в сложных экономических условиях, поскольку именно они, как показывает мировой опыт, ответственны за основную долю прироста макроэкономических показателей и рабочих мест [1–5]. Но зарубежные подходы и представления о технологическом предпринимательстве не всегда применимы в России в связи с его особенностями [6–9]. Для стран с развивающейся или переходной экономикой, недостаточным уровнем инновационного развития существует задача анализа и формирования именно академического технологического предпринимательства (АТП). Как показано в исследованиях П. Рюкер-Шеффер, Б. Фишера, С. Кьероза и Г. Сю, Ю. Вю, Т. Миншалла, Ю. Чжоу, основным источником научно-технических разработок как базы технологических стартапов в развивающихся и переходных странах являются именно университеты, в т. ч. региональные [10; 11].

Создание стартапов учеными, студентами и другими представителями академической среды всегда рассматривалось в качестве важной, но далеко не единственной части технологического предпринимательства. Достаточно в этой связи отметить ту роль, которую играют, например, Массачусетский технологический университет (США) или Лёвенский католический университет (Бельгия) в качестве центров создания технологий и появления стартапов [12; 13].

В то же время из пяти крупнейших центров технологического предпринимательства в мире – Кремниевая долина, Нью-Йорк, Лондон, Пекин и Бостон («маршрут 128») – лишь последний в решающей степени зависит от Массачусетского технологического университета [14, с. 420]. В Кремниевой долине Стэнфордский университет, напротив, генерирует гораздо меньшее число академических стартапов. Он стал точкой притяжения технологического предпринимательства в основном благодаря созданию на участке земли, который не мог продать, индустриального парка, где разместились производства или штаб-квартиры таких компаний, как «Eastman Kodak», «General Electric», «Lockheed Martin», «Hewlett-Packard».

Таким образом, в странах со зрелой рыночной экономикой и высоким уровнем инновационного развития роль университета как инновационного хаба, и, соответственно, АТП не следует переоценивать. Здесь важнейшую роль играет создание инноваций крупными компаниями

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

со значительными бюджетами на исследование и разработки. Представляется, что практика развития технологического предпринимательства в России и особенности нашей страны могут давать дополнительные аргументы в пользу приоритета академического предпринимательства. Под этим термином принято понимать участие ученого в коммерциализации его разработок, а в более широком контексте – всю деятельность по трансферу знаний и инноваций [15, с. 101].

В данном случае *академическое предпринимательство* и *академическое технологическое предпринимательство* – не тождественные понятия, поскольку первое не ограничивается созданием стартапов и включает, например, консультирование. Наибольшую роль в структуре академического предпринимательства играет именно коммерциализация созданных научным сообществом университета результатов исследований и разработок, установление связи между наукой и индустрией [16–19]. При этом в развивающихся и переходных экономиках устроено так, что «вузы выступают здесь важнейшими участниками технологической модернизации и драйверами "догоняющего развития"» [10]. Обычно это объясняют ограниченным числом крупных компаний, недостаточным финансовым и человеческим потенциалом коммерческого сектора. Однако применительно к экономике России можно выделить иные факторы более высокой значимости АТП по сравнению с индустриальным:

1. Значительная пространственная концентрация крупнейших компаний и в особенности их подразделений, связанных с исследованиями и разработками, обусловливает необходимость формирования более сбалансированной пространственной конфигурации центров развития технологического предпринимательства. Эту роль могут взять на себя только университеты, которые более равномерно распределены по территории страны, особенно если отнести к центрам развития технологического предпринимательства категорию опорных региональных вузов.

2. Крупнейшие производственные структуры России в силу исторических причин имеют крайне ограниченный потенциал исследований и разработок (в частности, кадровый) по сравнению с зарубежными конкурентами, поскольку многие десятилетия эти функции выполняли отраслевые научно-исследовательские институты и в меньшей степени специализированные отраслевые вузы. Поэтому они не в полной мере способны стать инновационными хабами и нуждаются в потоке новых технологий от партнеров по инновационной системе, в частности университетов.

Многими экспертами в контексте АТП отмечается характерный факт: прямое взаимодействие научно-педагогических работников с бизнесом сложно и недостаточно продуктивно. Первые пока не готовы представлять свои разработки в формате, приемлемом для коммерческой организации, а вторые в принципе не заинтересованы в местных инноваторах[1]. Следовательно, АТП и создание передовых производственных технологий университетами требует к себе первоочередного внимания.

Цель исследования – оценка состояния АТП в российских университетах и выработка рекомендаций по его развитию. В настоящее время эта проблема исследована весьма ограниченно, хотя низкая активность российской высшей школы в создании технологических стартапов давно и хорошо известна [20].

Методы и материалы

В настоящее время практика реализации технологических предпринимательских проектов имеет место в ограниченном числе вузов, а многие малые инновационные предприятия (МИП) создавались номинально и оставались малопродуктивными. Поэтому при формировании выборки наиболее успешных в создании стартапов вузов для эмпирического анализа были использованы материалы рейтинга «Предпринимательские университеты. Рейтинг предпринимательских университетов и бизнес-школ – 2020», рассчитываемого с 2018 г. аналитическим центром «Эксперт» (создан при одноименном журнале)[2].

Рейтинг включает в себя 48 университетов страны, имевших в 2011–2020 гг. ненулевые результаты по наличию технологических предпринимателей и упорядоченных по децильным группам на основе ряда показателей. В их число входят количество запущенных стартапов и доля технологических проектов, которые смогли получить поддержку (в виде инвестиций). Определенное исследовательское ограничение связано с тем, что рейтинг учитывает все стартапы выпускников, в т. ч. реализованные вне России. Однако в настоящее время не имеется иных сводных данных об общей результативности технологического предпринимательства университетских экосистем. Кроме того, учитывая значительную степень интернационализации и глобализации предпринимательства такого типа, можно предположить, что для крупных университетов, расположенных по преимуществу в Москве и Санкт-Петербурге, нет существенных отличий в пропорциях локализации стартапов.

В ходе исследования непосредственно из рейтинга были заимствованы данные рэнкингового распределения вузов по количеству технологических предпринимателей, а также удельному весу проектов, получивших инвестиции.

[1] Ворожейкин В. Экосистема инноваций в Кузбассе: перед переходом на новый уровень // A42.RU. 05.03.2021. Режим доступа: https://gazeta.a42.ru/lenta/projects/104638-ekosistema-innovatsiy-v-kuzbasse-pered-perekhodom-na-novyy-uroven (дата обращения: 10.06.2021).

[2] Рейтинг предпринимательских университетов и бизнес-школ – 2020 // Аналитический центр «Эксперт». 11.10.2020. Режим доступа: https://acexpert.ru/publications/rating/reyting-predprinimatelskih-universitetov-i-biznes--2#metod (дата обращения: 10.06.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-390-400

Важность второго показателя определяется возможностью создания университетом большого количества стартапов, но этого недостаточно для высокой продуктивности экосистемы. Необходимо учесть также вероятность привлечения технологическими предпринимателями инвестиций. В противном случае невозможно дифференцировать практики либо чисто номинального создания технологических предпринимательских проектов, либо скоропалительные попытки коммерциализации научных разработок на ранней стадии жизненного цикла.

Поскольку рэнкинговые позиции университетов по созданию стартапов и получению инвестиций далеко не всегда коррелируют, в исследовании было проанализировано распределение вузов рейтинга и разработана их классификация по двум основаниям (количество стартапов и доля стартапов, получивших инвестиции).

Результаты

Полученная классификация отражена в табл. 1. В данном случае под категориями *большой* и *малый* понимаются попадания в первый – пятый и шестой – десятый децили рейтинга соответственно.

Так, лишь 8 университетов из 48 одновременно имеют большое число технологических предпринимательских проектов и высокий удельный вес стартапов, получивших инвестиции. Они расположены в Москве, Санкт-Петербурге (кроме ТПУ) и относятся к специализированным техническим вузам (кроме ВШЭ). Ожидаемо, что нестоличным университетам сложно конкурировать по общему числу технологических предпринимателей. Однако выявлен интересный феномен – многие региональные вузы при меньшем числе технологических предпринимателей входят в число лучших по привлечению финансирования. Например, КНИТУ и ЧелГУ находятся в последнем децие по числу технологических предпринимателей, но в первом – по доле стартапов, получивших инвестиции.

Внутри ведущих вузов регионов технологические фирмы создаются с более конкретным акцентом на потенциальных инвесторов и (или) заказчиков, на определенные потребности территории. Это связано с индивидуальными различиями на уровне университетских экосистем. Например, в одном и том же городе (Казань) один университет входит в первый дециль по доле проектов, получивших инвестиции (КНИТУ), а другой – только в шестой (КФУ). В этой связи представляет интерес анализ показателей инновационно-технологической деятельности и особенностей предпринимательских экосистем нескольких групп вузов.

Группа А: явные лидеры развития технологического предпринимательства, входящие одновременно в первый – третий децили по количеству технологических предпринимателей и доле проектов, получивших инвестиции.

Группа Б: вузы с небольшим числом технологических стартапов (девятый и десятый децили), но с максимальной долей технологических предпринимателей, которые смогли привлечь финансирование.

Группа В: вузы последних трех децилей по обоим показателям развития технологического предпринимательства.

По каждой группе вузов был сформирован массив количественных показателей, связанных с инновационно-предпринимательской деятельностью на основе данных «Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования» за 2020 г.[3]

Табл. 1. Классификация университетов России по количеству технологических предпринимателей и доле стартапов, получивших инвестиции
Tab. 1. Classification of Russian universities by the number of technology entrepreneurs and the share of startups that have received investments

		Число технологических предпринимателей	
		Большое	**Малое**
Доля поддержанных проектов	**Большая**	• МФТИ • ВШЭ • СПбГУ • Университет ИТМО • СПбПУ • МАИ • МИЭТ • ТПУ	• ЮФУ • РУТ (МИИТ) • ТУСУР • Московский политех • ТГУ • ПГНИУ • КНИТУ-КАИ • МТУСИ • МГЮА • Сколтех • ИжГТУ • РГСУ • КНИТУ • ОмГУ • ЧелГУ
	Малая	• МГТУ им. Н. Э. Баумана • МГУ • МГИМО • НИЯУ МИФИ • УрФУ • СПбГЭТУ «ЛЭТИ» • КФУ • МИСиС • РТУ МИРЭА • НГТУ • ЮУрГУ • СФУ • Самарский университет • МИЭТ • РУДН	• Университет Лобачевского (ННГУ) • НИУ «МЭИ» • ПНИПУ • ГУАП • ДВФУ • ГГУ • БГТУ «Военмех» • Военный университет Министерства обороны РФ

[3] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // ГИВЦ Минобрнауки России. Режим доступа: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo (дата обращения: 10.06.2021).

Также были изучены качественные особенности предпринимательских инновационных экосистем по данным официальных сайтов образовательных организаций. При выборе количественных показателей использованы как относительные метрики размеров (коэффициенты), позволяющие непосредственно сопоставить вузы между собой, так и абсолютные, что дает возможность оценить взаимосвязь масштабов вуза и уровня развития технологического предпринимательства.

Показатели, которые могли быть связаны с уровнем развития технологического предпринимательства, представлены в табл. 2. Данные показывают, что сложно сразу выделить какие-то принципиальные отличия рассматриваемых показателей в трех группах вузов. Все вузы группы А находятся в Московской агломерации и Санкт-Петербурге, которые рассматриваются как территориальные единицы, резко отличные от «остальной России» по своим возможностям. В регионах затруднительно генерировать большое число технологических стартапов, но при определенных условиях их можно обеспечить необходимыми инвестициями. Более того, расположение в Москве и Санкт-Петербурге не гарантирует лидерство развития технологического предпринимательства – это подтверждается отнесенностью двух столичных университетов (РГГУ и БГТУ «Военмех») к группе В.

Анализируя масштабы деятельности вузов, отметим, что численность студентов и научно-педагогических работников (НПР) не имеет никакого влияния на создание и финансирование стартапов. Хотя в университетах группы А численность преподавателей выше среднего, это обусловлено влиянием СПбГУ с его особым статусом. При этом доходы разных групп различаются значительно. Наиболее обеспечена группа А, на втором месте – группа В, а группа Б – лишь на третьем. Можно предположить, что группе Б удается при меньшем объеме ресурсов более продуктивно использовать их. Такое разделение проявляется и при рассмотрении показателя доходов из всех источников на 1 НПР. Следовательно, ни расположение вне столичных регионов, ни меньшие по сравнению с лидирующими вузами размеры, ни более низкий уровень абсолютных и относительных доходов не могут быть барьером для создания хотя бы небольшого числа продуктивных технологических предпринимательских проектов и получения инвестиций.

Таким образом, технологическое предпринимательство – прерогатива не только известных центральных вузов. Такая задача может ставиться и решаться в национальных исследовательских, опорных университетах, регионах со средним уровнем социально-экономического развития. Однако в небольших вузах, депрессивных регионах развития внедрение технологического предпринимательства вряд ли возможно.

Табл. 2. Показатели деятельности вузов, потенциально связанные с развитием технологического предпринимательства
Tab. 2. Performance indicators of universities, potentially related to the development of technological entrepreneurship

Показатель	Группа А				Группа Б				Группа В			
	МФТИ	ИТМО	СПбГУ	Среднее	КНИТУ	ЧелГУ	ИжГТУ	Среднее	ДВФУ	РГГУ	БГТУ «Военмех»	Среднее
Расположение	Москва	СПб.	СПб.	–	Регион	Регион	Регион	–	Регион	Москва	СПб.	–
Численность студентов	6730	12711	19490	12977	17935	14532	10130	14199	18466	16323	6545	13778
Численность ППС	404	655	3508	1522	1041	1380	483	968	1478	770	493	914
Всего доходы, млн руб.	9352	7970	18745	12022	4256	1481	1274	2337	12080	3053	1836	5656
Доходы на 1 НПР, тыс. руб.	10226	9507	4984	8239	4001	2544	2260	2935	7087	4232	3162	4827
Объем НИОКР, млн руб.	3945	3066	3158	3390	1115	60	44	406	500	126	340	322
Объем НИОКР на 1 НПР, тыс. руб.	4314	3658	840	2937	1048	103	78	410	293	174	586	351
Доходы от внебюджетных НИОКР на 1 НПР, тыс. руб.	3066	2624	150	1947	1008	103	54	388	161	155	317	211
Доля доходов от НИОКР, %	42,2	38,5	17,3	32,7	26,2	5	3,5	11,6	4,1	4,2	18,6	9,0
Публикации в WoS на 100 НПР	278	186	95	186	33	20	13	22	39	77	10	42
Лицензионные соглашения	4	16	5	8	1	0	0	0	45	0	2	16
Бизнес-инкубаторы	1	1	1	1	0	1	1	1	2	0	0	1
Технопарки	0	1	0	0	1	0	0	0	2	0	0	1
Центры коллективного пользования	1	1	1	1	2	1	7	3	3	0	6	3
МИП	17	57	21	32	38	2	5	15	15	0	2	6

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-390-400

Для сопоставления групп вузов между собой по доходам от НИОКР, публикационной активности, инновационно-предпринимательской инфраструктуре был использован U-критерий Манна-Уитни, рекомендуемый в статистике для сравнения малых выборок (с числом объектов 3–5) при отсутствии нормального распределения). Результаты расчетов и их интерпретация представлены в табл. 3. При уровне значимости 0,05 критическое значение данного критерия составляет 3; если эмпирическое значение выше, то принимается нулевая гипотеза об отсутствии различий малых выборок (n≥3). В противном случае на степень успешности развития технологического предпринимательства влияют разные значения соответствующих показателей.

По результатам расчетов, представленным в табл. 3, можно сделать следующие выводы относительно роли рассматриваемых показателей в развитии АТП:

- объемные и удельные показатели доходов от НИОКР не имеют существенных различий по всем трем группам, следовательно, все зависит от эффективности их использования;
- публикационная активность по разным группам вузов также не имеет существенных различий и напрямую не сказывается на успешности развития технологического предпринимательства;
- большее число лицензионных соглашений связано с большим числом технологических стартапов, но не сказывается на удельном весе проектов, получающих финансирование, и не дает абсолютных гарантий по количеству запущенных проектов;
- количество бизнес-инкубаторов и технопарков не влияет на результаты развития технологического предпринимательства, но само их наличие желательно (в группе В 2 из 3 вузов не имеют их);
- в группе Б центров коллективного пользования (ЦКП) значительно больше, следовательно, они разнообразнее, что сказывается на вероятности привлечения академическим технологическим предпринимателем инвестиций, но создание таких центров должно быть «умным»;
- по количеству инновационных предприятий группы А и Б опережают В, что имеет тривиальное объяснение (хотя бы часть МИП становится стартапами), в то же время отсутствие разницы между группами А и Б указывает на ограниченный потенциал МИП для дальнейшего создания успешных проектов.

Наряду с этим в исследовании проверена корреляция показателей, отраженных в табл. 2, с позициями университетов в рэнкингах по количеству технологических предпринимателей и доле стартапов, получивших инвестиции. Для расчета коэффициентов корреляции была введена балльная оценка позиций в рэнкингах по принципу: первый дециль – 100 баллов, второй дециль – 90 баллов и т. д.

Расчеты показали, что позиция в рэнкинге по общему количеству технологических предпринимательских проектов коррелирует с двумя показателями – количеством публикаций в Web of Science на 100 НПР (коэффициент 0,8463) и общим объемом НИОКР (коэффициент 0,9430) при критическом значении 0,7977. Это объясняется так:

Табл. 3. Оценка различий групп вузов по U-критерию Манна-Уитни

Tab. 3. Assessment of differences between groups of universities using the Mann-Whitney U-test

Показатель	Значение U-критерия		Интерпретация
	Между группами А и Б	Между группами Б и В	
Объем НИОКР	15,0	15,0	Группы А, Б, В не имеют значимых различий
Объем НИОКР на 1 НПР			
Доходы от внебюджетных НИОКР на 1 НПР			
Доля доходов от НИОКР			
Публикации в WoS на 100 НПР			
Лицензионные соглашения	**0,0**	**2,0**	Группы А и В существенно опережают группу Б
Бизнес-инкубаторы	3,0	4,0	Группы Б и В не имеют значимых различий
Технопарки	4,5	4,0	Группы А, Б, В не имеют значимых различий
Центры коллективного пользования	**1,5**	15,0	Группа Б существенно опережает группу А, группы Б и В не имеют значимых различий
МИП	15,0	**2,5**	Группы А и Б не имеют значимых различий, группа Б существенно опережает группу В

Прим.: разные значения показателей выделены полужирным шрифтом.

чем больше объем НИОКР и публикационная активность, тем выше абсолютный и удельный научный задел. Следовательно, существует база для инициирования большего числа технологических предпринимателей, но скоропалительный старт значительного количества технологических фирм часто оказывается малопродуктивным, а макроэкономический эффект от такого запуска стартапов – нулевым или отрицательным. Государством потрачены средства на ускоренное развитие и поддержку проектов, использованы ресурсы университета и человеческий капитал самого технологического предпринимателя, но стартап не в состоянии привлечь инвестиции для выхода хотя бы на точку безубыточности (хотя не всегда ответственность уместно возлагать только на него). При этом ни один из показателей доходов от НИОКР, публикационной активности, состояния инновационно-предпринимательской инфраструктуры не коррелирует с позициями вуза по доле технологических предпринимателей, которым удалось привлечь инвестиции. Следовательно, общий ресурсный и научно-исследовательский потенциал не обеспечивает возможности успешного выхода в «постпосевную» стадию.

Нередко большое число разноплановых стартапов, запущенных в ведущих университетах (МГУ, МГТУ им. Н. Э. Баумана), сталкивается с тем, что средства государственной поддержки исчерпаны, а частные инвестиции привлечь не удается. В то же время небольшое число нишевых технологических предпринимателей, более четко ориентированных на инвестора, отрасль или регион, имеют лучшие шансы преодолеть «постпосевную» стадию. Все это должно учитываться при принятии решений по развитию АТП. Качественный анализ инновационно-предпринимательских экосистем университетов группы Б показал их характерную особенность: большое разнообразие и специфику объектов инновационной инфраструктуры, их значительную децентрализацию.

Например, в ЧелГУ имеются Центр изучения комплекса Аркаим, Центр изучения Челябинского метеорита, Научно-исследовательская лаборатория финансового моделирования, Научно-исследовательский центр «Суперкомпьютерные технологии и открытое программное обеспечение», Учебный научно-исследовательский центр биотехнологий, Научно-исследовательская лаборатория «Интеллектуальные информационные технологии и системы» и др.[4]. В КНИТУ функционируют инновационный полигон «Искра», Научно-производственный центр «Панхимтех», несколько центров коллективного пользования и технологических центров по различным видам материалов и технологий и т. д.[5].

По мнению автора, диверсификация инновационной инфраструктуры, ее ориентация на «точки подключения» разработок университета к потребностям отрасли и (или) региона существенно повышает вероятность успешного прохождения стадии прототипирования, создания опытных образцов, выполнения на площадке вуза большего числа стадий инновационного процесса. Именно это позволяет при меньшем числе технологических предпринимателей повысить степень готовности их проектов и вероятность получения венчурных инвестиций на коммерческой основе (либо продажи стартапа крупному индустриальному партнеру).

При разработке рекомендаций по развитию АТП целесообразно учесть результаты проведенного в рамках рейтинга предпринимательских университетов опроса технологических предпринимателей. Один из вопросов касался ключевых факторов успеха, поэтому ответы на него могут иллюстрировать потребности стартапов, которые должна удовлетворить университетская экосистема. Безусловно, итоги любого подобного опроса не могут восприниматься как «истина в последней инстанции». Успешный предприниматель вряд ли избежит соблазна назвать в первую очередь собственные таланты и упорство в качестве важнейшего фактора успеха. Тем не менее, первые три места заняли такие варианты ответа, как *Предварительный анализ рынка*; *Команда, знакомства, среда* и *Личные качества основателя* (более 15 % опрошенных). Часто назывались такие варианты, как *Постоянное отслеживание технологий и трендов* и *Попадание в нишу* (около 10 %)[6]. Следовательно, в АТП важно:

- ориентировать научно-исследовательский задел и сами технологические проекты на потребности или «открытого рынка» (Что может быть интересно широкому кругу потребителей в перспективе?) или индустриального партнера (Какую технологию может купить и тиражировать крупная компания?);
- формировать благоприятную среду для контактов, взаимодействия, сотрудничества, создания предпринимательских команд, развития социального капитала (это принято относить к «мягкой» компоненте предпринимательских экосистем, в отличие от «жесткой», представленной объектами инновационной инфраструктуры) [21].

Оба фактора – ориентация на потребности людей и включение потенциального технологического предпринимателя в самую широкую коллаборацию с партнерами – в определенной степени коррелируют с положениями современной стейхолдерской теории и концепции

[4] Научные подразделения // Челябинский государственный университет. Режим доступа: https://www.csu.ru/science/science-dep.aspx (дата обращения: 10.07.2021).

[5] Научно-производственная инфраструктура // Казанский национальный исследовательский технологический университет. Режим доступа: https://www.kstu.ru/article.jsp?id_e=25862 (дата обращения: 10.07.2021).

[6] Рейтинг предпринимательских университетов и бизнес-школ – 2020 ...

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-390-400

общих ценностей. Они характеризуются «ростом запроса на максимизацию совокупной общественной выгоды от предпринимательства, повышением роли социальных ценностей в производстве товаров и услуг» [22, с. 10], «удовлетворением разнонаправленных интересов множественных групп влияния» [23, с. 518], а также необходимостью продуктивного взаимодействия большого числа стейкхолдеров, которого недостает на практике.

Не только на уровне отдельной коммерческой компании, но и при управлении крупнейшими объектами инновационной инфраструктуры, предпринимательскими кластерами наблюдается недостаточный уровень коллабораций участников, учета потребностей друг друга, согласования интересов, сбалансированного распределения издержек и прибыли. Так, в промышленных парках, технопарках, кластерах получаемые участниками доходы «распределяются асимметрично, что может неблагоприятно сказаться на параметрах развития промышленной парковой структуры» [24, с. 170]. Поэтому участникам инновационно-предпринимательской экосистемы, массовому потребителю или индустриальному партнеру необходимо ценить влияние АТП на их развитие.

Одним из результатов работы стала авторская структурно-логическая схема основных мероприятий по развитию технологического предпринимательства на базе университета как инновационного хаба (рис. 1), основанная на методических требованиях к построению таких объектов [25]. Предлагаемые мероприятия ориентированы преимущественно на крупные региональные вузы, заинтересованные в повышении эффективности инновационной деятельности, получении доходов от интеллектуальной собственности, предпринимательства, самореализации НПР и обучающихся. Большинство из них в настоящее время сформировали инновационную инфраструктуру, прилагают усилия к стимулированию персонала, вовлечению студентов в технологическое предпринимательство, но имеют ограниченные результаты. Использование рекомендаций позволит заполнить недостающие элементы и «узкие места» в системе развития АТП.

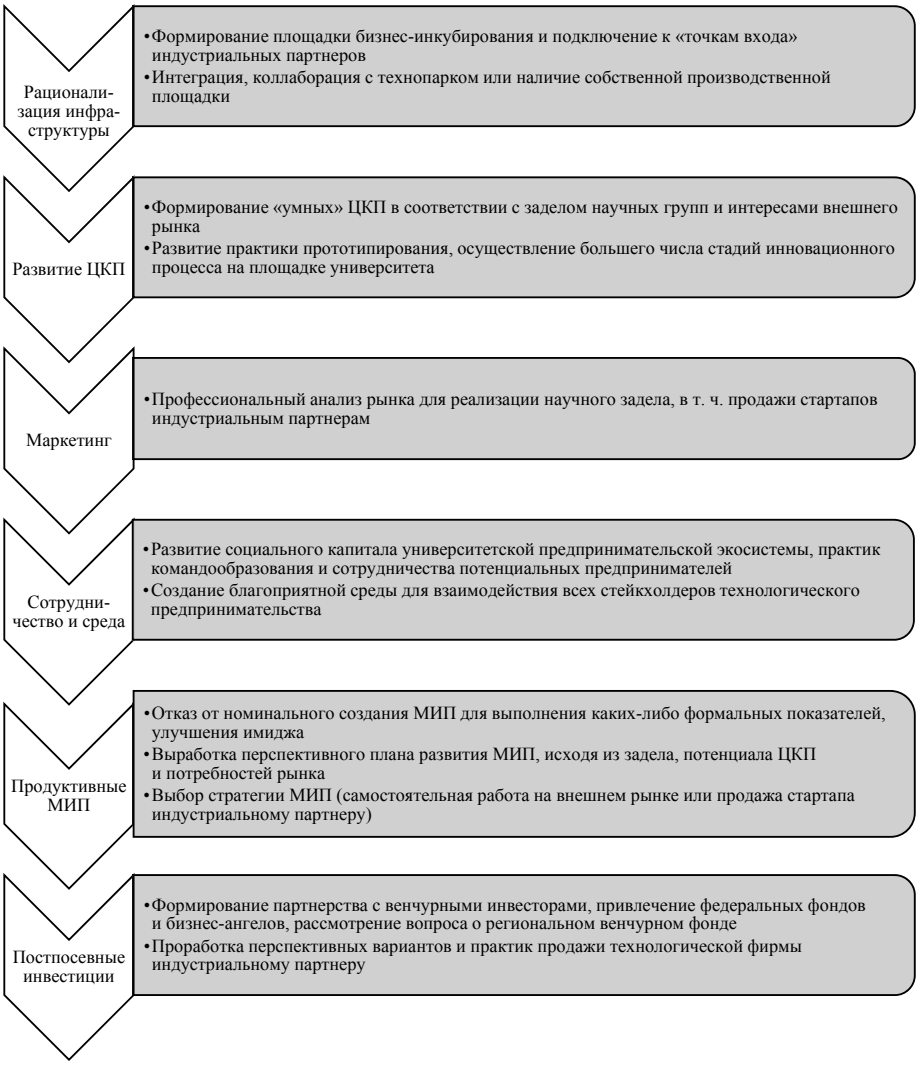

Рис. 1. Схема мероприятий по развитию АТП на базе университета как инновационного хаба
Fig. 1. Scheme of measures for the development of academic technological entrepreneurship on the basis of the university as an innovation hub

Заключение

Как показывает проведенное исследование, в российской экономике центр тяжести в развитии технологического предпринимательства приходится на академический сектор. Доля государственного финансирования науки и инновации гораздо выше, а крупные компании чаще всего не готовы выступать технологическими хабами. Исследование 48 университетов с ненулевыми показателями создания технологических стартапов показало, что количество стартапов и вероятность привлечения технологическими предпринимателями инвестиций практически не связаны друг с другом. Лишь 8 университетов попадают в первые три дециля по обоим показателям, в то время как отдельные региональные вузы при меньшем числе стартапов входят в первые децили по привлечению инвестиций технологическими предпринимателями.

В этой связи был проведен сравнительный анализ трех групп вузов: лидеров по обоим показателям; отстающих по этим же показателям; лидеров по доле стартапов, получивших инвестиции, и отстающих по общему числу технологических предпринимателей. На основе сведений о НИОКР, публикационной активности, инновационно-предпринимательской инфраструктуре установлено, что в большинстве случаев значения показателей не различаются у отдельных групп и не коррелируют с позициями в рэнкингах. Расположение, размеры и доходы не имеют статистически значимых межгрупповых различий.

На продуктивность АТП практически не влияют также относительные и абсолютные доходы от НИОКР, публикационная активность (они связаны только с количеством стартапов, но не с привлечением инвестиций). Группа вузов с наибольшей эффективностью использования меньших ресурсов отличается наличием объектов инновационной инфраструктуры (минимум один бизнес-инкубатор или технопарк), большим разнообразием ЦКП. Аутсайдеры имеют минимальное число МИП, но их наличие – необходимое, однако недостаточное условие для продуктивного технологического предпринимательства.

Кроме того, для успешного технологического предпринимательства важна ориентация на потребности рынка, преактивный маркетинг научно-исследовательского задела и разработок, постоянный поиск возможностей коммерциализации. Речь здесь может идти не только о создании товара для «открытого рынка», но и о продаже стартапа индустриальному партнеру, который тиражирует технологию, при этом также выиграют все. Наряду с этим нужно развивать социальный капитал, возможности для создания команд, коллабораций, партнерств, совместной деятельности как внутри университета, так и с внешними акторами. Учитывая все эти соображения, в исследовании разработана схема развития АТП на базе университета как инновационного хаба.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Birch D. L. Job creation in America: how our smallest companies put the most people to work. N. Y.: Free Press, 1987. 244 p.
2. Jones-Evans D. Technical entrepreneurship, experience and the management of small technology–based firms–exploratory evidence from the UK // Entrepreneurship & Regional Development. 1997. Vol. 9. № 1. P. 65–90. https://doi.org/10.1080/08985629700000004
3. Jovanovic B. New technology and the small firm // Small Business Economics. 2001. Vol. 16. № 1. P. 53–56. https://doi.org/10.1023/A:1011132809150
4. Subrahmanyam M. H. B. Comparing the entrepreneurial ecosystems for technology startups in Bangalore and Hyderabad, India // Technology Innovation Management Review. 2017. Vol. 7. № 7. P. 47–62. http://doi.org/10.22215/timreview/1090
5. Wells J. The role of universities in technology entrepreneurship // Technology Innovation Management Review. 2012. Vol. 2. Iss. 4. P. 35–40. http://doi.org/10.22215/timreview/549
6. Волков С. К., Акимова О. Е. Опорные университеты как центры развития технологического предпринимательства // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23. № 3. С. 30–39. https://doi.org/10.15826/umpa.2019.03.017
7. Глухих П. Л., Красных С. С., Осинцев С. И. Активизация экспортного потенциала малого и среднего технологического предпринимательства в регионе. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. 118 с.
8. Глухих П. Л., Мыслякова Ю. Г., Малышева Е. В., Красных С. С. Взаимосвязь экспортного потенциала региона и стартап-движения молодежи // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 4. С. 1512–1525. http://doi.org/10.17059/2018–4–35
9. Степаненко Д. А., Перелыгина Л. Б. Технологическое предпринимательство как драйвер структурных изменений рынка труда // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 2. С. 137–141. http://doi.org/10.26163/GIEF.2020.29.43.021

10. Schaeffer P. R., Fischer B., Queiroz S. Beyond education: the role of research universities in innovation ecosystems // Foresight and STI Governance. 2018. Vol. 12. № 2. P. 50–61. http://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.2.50.61
11. Xu G., Wu Y., Minshall T., Zhou Y. Exploring innovation ecosystems across science, technology, and business: a case of 3D printing in China // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 136. P. 208–221. http://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.06.030
12. Byers T. H., Dorf R. C., Nelson A. J. Technology ventures: from idea to enterprise. 4th ed. N. Y.: McGraw Hill, 2014. 624 p.
13. Giones F., Brem A. Digital technology entrepreneurship: a definition and research agenda // Technology Innovation Management Review. 2017. Vol. 7. № 5. P. 44–51. http://doi.org/10.22215/timreview/1076
14. Толмачев Д. Е., Чукавина К. В. Технологическое предпринимательство в российских регионах: образовательные и географические траектории основателей стартапов // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 420–434. http://doi.org/10.17059/2020-2-7
15. Белкин В. Г., Бабак Л. Н., Хегай Е. В., Филаткина И. Д. Развитие академического предпринимательства в некоторых странах АТР (по материалам научных публикаций) // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2016. № 2. С. 99–111. http://doi.org/10.5281/zenodo.58328
16. Сысоева О. В. Развитие академического предпринимательства в системе моделей инновационной деятельности // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 3. С. 83–100. http://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-6
17. Азимов Т. А., Безнощук Л. Ю. Подходы к определению понятия «академическое предпринимательство» // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 1259–1261.
18. Измайлов А. М. Академическое предпринимательство в свете влияния основных трендов развития системы образования в России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2019. № 4. С. 103–109. http://doi.org/10.24866/2311-2271/2019-4/103-109
19. Бабак Л. Н., Хегай Е. В., Белкин В. Г. Академическое предпринимательство: анализ факторов, влияющих на принятие решения учеными о начале предпринимательской карьеры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 5. С. 51–77.
20. Карпов А. О. Возможен ли университет 3.0 в России? // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 59–70. http://doi.org/10.31857/S013216250001959-7
21. Корчагина И. В. Развитие «мягкой» компоненты инновационных экосистем опорных университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 1. С. 106–118. http://doi.org/10.15826/umpa.2020.01.008
22. Ткаченко И. Н. Актуализация стейкхолдерского подхода корпоративного управления в условиях коронакризиса: от декларирования приверженности к прикладным моделям // Управленец. 2021. Т. 12. № 2. С. 2–16. http://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-1
23. Плахин А. Е., Огородникова Е. С. Асимметрия распределения доходов стейкхолдеров в рамках парковых структур // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211. № 3. С. 514–524.
24. Плахин А. Е. Дуализм позиции стейкхолдеров как основа управления промышленными парковыми структурами // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 1. С. 167–174. http://doi.org/10.18334/vinec.9.1.39797
25. Соляник С. А., Кравец О. Я. Модели и алгоритмы оперативного управления вероятностными процессами в многоуровневой специализированной системе // Информационные технологии моделирования и управления. 2016. Т. 100. № 4. С. 305–320.

original article

Development of Academic Technological Entrepreneurship in Russia

Rudik L. Korchagin
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; https://orcid.org/0000-0001-8173-277X; kor4.ru@yandex.ru

Received 19 Aug 2021. Accepted after peer review 23 Sep 2021. Accepted 11 Oct 2021.

Abstract: Technology entrepreneurs play a critical role in modern models of economic growth. At the same time, the features and development trajectories of technological entrepreneurship and gazelle firms in Russia differ from countries with mature market economies. The purpose of the article is to assess the state of academic technology entrepreneurship in Russian universities and to develop recommendations for its development. The methods of two-dimensional classification of universities according to two indicators of technological entrepreneurship development, correlation analysis, assessment of intergroup differences according to the Mann-Whitney U-criterion, qualitative analysis of entrepreneurial ecosystems

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

in universities, methods of constructing algorithms were used. As a result, it was found that the number of start-ups and the likelihood of receiving commercial funding are practically not correlated. There is a group of universities that are not among the largest metropolitan universities, but have a high proportion of entrepreneurial projects that have successfully passed the seed stage and received commercial funding (business angel, venture fund). These top performing universities are distinguished not only by their innovative infrastructure, but also by a wide variety of community centers. Taking into account the results obtained an algorithm for the development of academic technological entrepreneurship on the basis of the university as an innovation hub has been developed. Its important elements are: pre-active marketing of scientific research groundwork, development of the social capital of the ecosystem, and collaboration practices. The results may be of interest to technology entrepreneurs themselves, as well as to universities interested in the development of academic entrepreneurship.

Keywords: technological entrepreneurship, academic entrepreneurship, innovation hub, university, innovation infrastructure, student startup, scientific and technical groundwork

Citation: Korchagin R. L. Development of Academic Technological Entrepreneurship in Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 390–400. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-390-400

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Birch D. L. *Job creation in America: how our smallest companies put the most people to work*. N. Y.: Free Press, 1987, 244.
2. Jones-Evans D. Technical entrepreneurship, experience and the management of small technology–based firms–exploratory evidence from the UK. *Entrepreneurship & Regional Development*, 1997, 9(1): 65–90. https://doi.org/10.1080/08985629700000004
3. Jovanovic B. New technology and the small firm. *Small Business Economics*, 2001, 16(1): 53–56. https://doi.org/10.1023/A:1011132809150
4. Subrahmanyam M. H. B. Comparing the entrepreneurial ecosystems for technology startups in Bangalore and Hyderabad, India. *Technology Innovation Management Review,* 2017, 7(7): 47–62. http://doi.org/10.22215/timreview/1090
5. Wells J. The role of universities in technology entrepreneurship. *Technology Innovation Management Review*, 2012, 2(4): 35–40. http://doi.org/10.22215/timreview/549
6. Volkov S. K., Akimova O. E. Flagship universities as centers of technological entrepreneurship development. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2019, 23(3): 30–39. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/umpa.2019.03.017
7. Glukhikh P. L., Krasnykh S. S., Osintsev S. I. *Enhancing the export potential of small and medium-sized technological entrepreneurship in the region*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2019, 118. (In Russ.)
8. Glukhikh P. L., Myslyakova Yu. G., Malysheva E. V., Krasnykh S. S. The relationship of the region's export potential and the start-up movement of the youth. *Ekonomika regiona*, 2018, 14(4): 1512–1525. (In Russ.) http://doi.org/10.17059/2018–4–35
9. Stepanenko D. A., Pereligina L. B. Technological entrepreneurship as driver of structural changes of labor market. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanii*, 2020, (2): 137–141. (In Russ.) http://doi.org/10.26163/GIEF.2020.29.43.021
10. Schaeffer P. R., Fischer B., Queiroz S. Beyond education: the role of research universities in innovation ecosystems. *Foresight and STI Governance*, 2018, 12(2): 50–61. http://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.2.50.61
11. Xu G., Wu Y., Minshall T., Zhou Y. Exploring innovation ecosystems across science, technology, and business: a case of 3D printing in China. *Technological Forecasting and Social Change*, 2018, 136: 208–221. http://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.06.030
12. Byers T. H., Dorf R. C., Nelson A. J. *Technology ventures: from idea to enterprise*, 4th ed. N. Y.: McGraw Hill, 2014, 624.
13. Giones F., Brem A. Digital technology entrepreneurship: a definition and research agenda. *Technology Innovation Management Review*, 2017, 7(5): 44–51. http://doi.org/10.22215/timreview/1076
14. Tolmachev D. E., Chukavina K. V. Technology entrepreneurship in the Russian regions: educational and geographical paths of start-up founders. *Ekonomika regiona*, 2020, 16(2): 420–434. (In Russ.) http://doi.org/10.17059/2020-2-7
15. Belkin V. G., Babak L. N., Khegay E. V., Filatkina I. D. The development of academic entrepreneurship in some countries of the Asia-Pacific (overview of scientific publications). *The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, 2016, (2): 99–111. (In Russ.) http://doi.org/10.5281/zenodo.58328
16. Sysoeva O. V. Development of academic entrepreneurship in the system of innovation models. *Journal of New Economy,* 2019, 20(3): 83–100. (In Russ.) http://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-6

17. Azimov T. A., Beznoshchuk L. Yu. Approaches to the definition of "academic entrepreneurship". *Finansovaia ekonomika*, 2018, (6): 1259–1261. (In Russ.)
18. Izmailov A. M. Academic entrepreneurship in the light of impact of the main trends of development of the educational system in Russia. *The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management,* 2019, (4): 103–109. (In Russ.) http://doi.org/10.24866/2311-2271/2019-4/103-109
19. Babak L. N., Khegay E. V., Belkin V. G. Academic entrepreneurship: an analysis of factors affecting scientists' decisions to start an entrepreneurial career. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2019, 9(5): 51–77. (In Russ.)
20. Karpov A. O. Is university 3.0 feasible in Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, (9): 59–70. (In Russ.) http://doi.org/10.31857/S013216250001959-7
21. Korchagina I. V. Developing a "soft" component of innovative ecosystems in flagship universities. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2020, 24(1): 106–118. (In Russ.) http://doi.org/10.15826/umpa.2020.01.008
22. Tkachenko I. N. Rethinking the stakeholder approach to corporate governance amid the coronavirus crisis: from commitment declaration to applied models. *Upravlenets*, 2021, 12(2): 2–16. (In Russ.) http://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-1
23. Plakhin A. E., Ogorodnikova E. S. The asymmetry of the income distribution of stakeholders within the park structures. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2018, 211(3): 514–524. (In Russ.)
24. Plakhin A. E. The duality of stakeholders position as the basis for the industrial park structures management. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2019, 9(1): 167–174. (In Russ.) http://doi.org/10.18334/vinec.9.1.39797
25. Solyanik S. A., Kravets O. Ja. Models and algorithms for operational control of probabilistic processes in a multilevel specialized system. *Informatsionnye tekhnologii modelirovaniia i upravleniia.* 2016, 100(4): 305–320. (In Russ.)

оригинальная статья

Методические подходы к формированию индикаторов устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров

Ирина Николаевна Краковская
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Россия, г. Саранск; https://orcid.org/0000-0003-3332-2332; menegment310@yandex.ru

Надежда Дмитриевна Гуськова
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Россия, г. Саранск; https://orcid.org/0000-0002-2473-9657

Поступила в редакцию 10.09.2021. Принята после рецензирования 01.10.2021. Принята в печать 11.10.2021.

Аннотация: Цель – обоснование методического подхода к формированию системы индикаторов для оценки устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров. Проведено исследование существующих в научной литературе и международной практике подходов к мониторингу и оценке деятельности кластеров, предложена их авторская классификация по типу оценки, уровню исследования, измеряемым затратам и эффектам. Выявлено, что наиболее комплексной характеристикой развития кластерного образования является его устойчивая конкурентоспособность. Выделены две группы параметров устойчивой конкурентоспособности кластера (долгосрочная конкурентоспособность кластера, его устойчивость и сбалансированность как социо-эколого-экономической системы), по каждой из которых определен перечень индикаторов для количественной и качественной оценки: индикаторы потенциала развития кластерной системы, ее организационно-управленческого совершенства, социо-эколого-экономической устойчивости. Отмечены пробелы в российской статистике кластерного развития, препятствующие релевантному информационному обеспечению мониторинга и оценки устойчивой конкурентоспособности кластеров. Обоснована необходимость устранения фрагментарности и хронологической несопоставимости баз данных о социальных, экономических и экологических аспектах деятельности кластеров в России в целях повышения эффективности кластерной политики страны и регионов.

Ключевые слова: кластерная система, социо-эколого-экономическая устойчивость, бенчмаркинг, потенциал развития, организационно-управленческое совершенство, эффективность

Цитирование: Краковская И. Н., Гуськова Н. Д. Методические подходы к формированию индикаторов устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 401–407. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-401-407

Введение

Кластерный подход к развитию экономики в отраслевом и территориальном аспектах не теряет своей актуальности в мире уже несколько десятилетий. В России официальный старт его применения связан с принятием в 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года[1], хотя отдельные инициативы по формированию региональных кластеров имели место и ранее. Дальнейшее развитие кластеров в промышленности страны, их кураторство со стороны Минэкономразвития и Минпромторга предопределили Стратегия инновационного развития России на период до 2020 года, ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», приоритетный проект «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня», ряд государственных программ[2]. Формирование и государственная поддержка инновационных промышленных кластеров потребовали решения нескольких проблем, среди которых определение методов и показателей, характеризующих эффективность деятельности кластерных образований.

Теория и методология кластерного развития получили свое активное развитие с 1990-х гг. в работах американских, британских, скандинавских ученых [1–8], а также отечественных исследователей [9–12]. В частности, различные аспекты оценки уровня развития и конкурентоспособности кластеров рассматриваются в публикациях Е. С. Куценко [13], А. В. Брыкина и К. А. Колегова [14],

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008. № 1662-р // СПС КонсультантПлюс.

[2] Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р // СПС КонсультантПлюс; О промышленной политике в Российской Федерации. ФЗ от 31.12.2014 № 488-ФЗ // СПС КонсультантПлюс; О приоритетном проекте Минэкономразвития России «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня». Приказ Минэкономразвития России от 27.06.2016 № 400 // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/456008319 (дата обращения: 05.09.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-401-407

П. Д. Иванова и Н. И. Решетько [15], Н. И. Клепиковой [16], Л. А. Костыговой [17], О. В. Пантюшиной [18], Э. А. Фиякселя, М. Г. Назарова и Е. А. Исланкиной [19], А. Ю. Шехтман [20], Н. Ю. Щетининой [21]. Несмотря на значительный вклад исследователей в обоснование экономических показателей оценки деятельности кластерных структур, методов обработки и сведения этих показателей, проблемы анализа устойчивой конкурентоспособности кластеров остаются нерешенными.

Цель – обоснование методического подхода к формированию системы индикаторов для оценки устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров на основе исследования существующих подходов к мониторингу и оценке кластерного развития.

Теоретические основы

Вопросы оценки кластерного развития активно исследуются в научных кругах, на практике в этих целях используются различные подходы, как закрепленные официальными нормативными документами, так и предложенные экспертным сообществом. С середины 2000-х гг. учеными Гарвардской школа бизнеса и Стокгольмской школы экономики продвигаются *U.S. Cluster Mapping, European Cluster Observatory* и *European Cluster Excellence Initiative (ECEI)*[3] – проекты по изучению явлений кластеризации в экономике и картированию кластеров [22; 23]. В России аналогичный проект – *Российская кластерная обсерватория*, содействующая функционированию портала *Карта кластеров России*, – реализуется с 2012 г. НИУ ВШЭ[4]. Мониторинг и оценка развития промышленных кластеров в нашей стране проводятся в рамках инициативы Государственной информационной системы промышленности (ГИСП)[5].

Подходы к оценке кластерного развития и бенчмаркингу кластеров могут быть классифицированы по следующим основаниям[6]:

1) тип оценки (качественная, количественная, рейтинговая);
2) уровень исследования (кластерная политика, кластерная инициатива, кластерное образование, ядро и участники кластера, межкластерное взаимодействие);
3) измеряемые затраты и эффекты (прямые / косвенные; внешние / внутренние, «входы» / «выходы», результаты, влияние).

Измерению могут быть подвергнуты один или несколько аспектов кластерного развития, например, отдельные частные виды эффектов или синергетический эффект, инновационная активность, международное сотрудничество, уровень зрелости кластера, его конкурентоспособность и др.

Наиболее комплексной характеристикой развития кластерного образования, с нашей точки зрения, является его *устойчивая конкурентоспособность*, т. е. «способность в условиях нестабильной внешней среды, ужесточения конкуренции и глобальных вызовов современности сохранять свое лидирующее положение в соответствующем сегменте рынка на основе внедрения инноваций, новых, в том числе цифровых и энергосберегающих технологий, сохраняя и преумножая природный капитал, реализуя социально-ответственную модель поведения, позволяющую удовлетворять потребности различных групп заинтересованных сторон не только в настоящем, но и в долгосрочной перспективе» [25, с. 150]. Термин является относительно новым для экономической и управленческой среды, поэтому в научном сообществе нет единства мнений относительно описывающих его показателей и индикаторов, тем более применительно к кластерным системам.

Основные подходы к формированию системы индикаторов социально-экономического развития рассмотрены в статье М. С. Сюповой и Н. А. Бондаренко: мониторинг результативности на основе KPI, система сбалансированных показателей, проектный подход, сравнительный подход (бенчмаркинг, рейтингование). Авторы отмечают, в частности, необходимость выделения целевых индикаторов и индикаторов управления, отражающих соответственно достижение поставленных целей, качество подготовки и реализации планов [26].

Результаты

Индикаторы устойчивой конкурентоспособности кластеров, по нашему мнению, должны учитывать ключевые факторы, оказывающие воздействие на формирование данной характеристики кластерной системы [27]. Логично предположить, что подбор критериев для оценки устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров должен быть ориентирован на изучение двух комплексных характеристик: 1) долгосрочная конкурентоспособность кластера (ресурсный и рыночный потенциал, организационно-управленческое совершенство); 2) его устойчивость и сбалансированность как социо-эколого-экономической системы.

[3] European Cluster Excellence Initiative (ECEI): the quality label for cluster organisations (cluster management excellence label GOLD – proven for cluster excellence). Criteria, processes, framework of implementation. ECEI. 2013. 31 p.

[4] Карта кластеров России // НИУ ВШЭ. Режим доступа: https://map.cluster.hse.ru/list (дата обращения: 05.09.2021).

[5] Геоинформационная система «Индустриальные парки, технопарки, кластеры» // Государственная информационная система промышленности. Режим доступа: https://www.gisip.ru/#!ru/clusters/ (дата обращения: 05.09.2021).

[6] Составлено авторами на основании European Cluster Excellence Initiative (ECEI)… и [24].

Анализ нормативно-правовых документов[7] и источников научной литературы [11–21] позволил нам выделить две группы индикаторов устойчивой конкурентоспособности промышленных кластеров.

Индикаторы потенциала развития кластерной системы:

1) критическая масса участников кластера[8], их территориальная близость, уровень локализации производства, сырьевой, компонентой и технологической базы кластера;
2) высокотехнологичность и наукоемкость продукции кластера, ее соответствие мировым стандартам качества и экологичности;
3) обеспеченность участников кластера квалифицированными кадрами, их способность к совершенствованию существующих технологий и продукции, созданию и внедрению новых;
4) состояние материально-технической базы кластера, ее соответствие передовым технологическим укладам, уровень износа и загрузки производственных мощностей, использование в производстве ресурсо- и энергосберегающих, безотходных, экологически безопасных технологий, степень импортозависимости производства;
5) развитость логистической инфраструктуры кластера, в частности сетей поставок;
6) инвестиционная привлекательность и финансовая устойчивость участников и кластера в целом, возможность реализовывать проекты кластерного развития за счет диверсификации источников финансирования;
7) рыночный (в т. ч. экспортный) потенциал кластера, развитость его имиджа и бренда.

Данная группа индикаторов предполагает преимущественно количественную оценку.

Индикаторы организационно-управленческого совершенства кластеров:

1) достигнутая стадия жизненного цикла кластера;
2) формат кластерной инициативы (международный, национальный, межрегиональный, региональный, межотраслевой, отраслевой);
3) выделение в структуре кластера ключевых групп участников (предприятия, научно-исследовательские и образовательные организации, финансовые институты, инфраструктура, государственные структуры), степень их вовлеченности и активности;
4) уровень самоорганизации, кооперации и конкуренции в кластере (функциональная взаимозависимость и конкуренция участников кластера, плотность их коммуникаций, опыт реализации кооперационных проектов);
5) специализированная организация кластера (управляющая компания, центр кластерного развития), ее представительность (включение в состав ее органов управления представителей не менее половины участников кластера), информационная открытость и прозрачность ее деятельности, востребованность ее услуг участниками кластера;
6) наличие качественной программы развития кластера, обеспечивающей его стратегическую ориентацию на инновации и определяющей четкий механизм достижения стратегических целей.

Данная группа индикаторов предполагает преимущественно качественный анализ.

Устойчивость инновационного промышленного кластера характеризуется непротиворечивостью и сбалансированностью социальных, экологических и экономических показателей развития кластерной системы в целом и отдельных ее участников. Данная характеристика отражает эффекты от создания и деятельности кластера для систем выше- и нижестоящего уровней. Это один из самых сложных и непроработанных к настоящему времени аспектов оценки кластерного развития, который чрезвычайно актуален в свете принятия Россией 17 Целей устойчивого развития ООН и соответствующих данным целям Национальных проектов и других инициатив правительства РФ.

В качестве методической базы для оценки данного аспекта устойчивой конкурентоспособности кластера в целом и организаций-участников может быть использована система индексации *IES (Innovation, Efficiency, Sustainability)*[9], разработанная Институтом энергетической стратегии по заказу Российского союза промышленников и предпринимателей [28, с. 190–194]. Ключевыми количественными индикаторами социо-эколого-экономической устойчивости кластера являются:

- экономическая эффективность, измеряемая показателями рентабельности (продаж, продукции, активов и др.), производительности труда, добавленной стоимости, капитализации;
- экологическая ответственность, оцениваемая показателями энергоэффективности, энергосбережения,

[7] О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров. Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 // Гарант. Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/71150302/paragraph/1:0 (дата обращения: 05.09.2021); Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения. Постановление Правительства РФ от 28.01.2016 № 41 // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/420332939 (дата обращения: 05.09.2021).

[8] Требования Минпромторга России к промышленным кластерам (в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 779): не менее 10 промышленных предприятий, в т. ч. не менее 1 предприятия, осуществляющего производство конечной продукции. Исходя из европейского опыта, для достижения необходимого потенциала в кластер должны входить не менее 30–50 организаций [13, с. 35].

[9] Комплексная система индексации корпоративной эффективности в ТЭК. М.: Институт энергетической стратегии. 11.09.2014. Режим доступа: http://www.energystrategy.ru/ab_ins/source/Index_IES_11.09.14.pdf (дата обращения: 05.09.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-401-407

воздействия кластера на окружающую среду (водопотребление, выбросы в атмосферу, отходы производства и др.) в сравнении с затратами на ее охрану;

- социальная ответственность, характеризуемая затратами кластера на охрану труда и обеспечение промышленной безопасности, величиной выплат социального характера, расходов на благотворительность, показателями создания новых рабочих мест, производственного травматизма, текучести персонала;
- инновационная активность, определяемая затратами кластера на НИОКР, показателями коммерциализации их результатов, величиной нематериальных активов;
- эффективность государственно-частного партнерства, оцениваемая величиной инвестиций в основной капитал, налоговых и таможенных выплат участников кластера, вовлечения в кластер субъектов малого и среднего предпринимательства, показателями экспорта и импортозамещения.

Частично перечисленные характеристики устойчивости кластеров (касающиеся экономической эффективности, инноваций и государственно-частного партнерства) представлены целевыми индикаторами (показателями) реализации программ развития промышленных кластеров (утверждены Постановлением Правительства РФ № 779) и целевыми показателями эффективности реализации совместного проекта по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения (утверждены Постановлением Правительства РФ № 41). Эти показатели фрагментарно отслеживаются ГИСП. Наименее проработанный (с методологической и прикладной точек зрения) аспект изучения проблемы в российской практике – оценка социальных и экологических эффектов от создания и деятельности кластера.

В настоящее время Росстатом не сформированы перечень показателей развития промышленных кластеров для регулярного наблюдения и соответствующие статистические базы данных. Имеющаяся в открытом доступе статистика кластеров (Карта кластеров, ГИСП) не позволяет проводить статистический и экономико-математический анализы устойчивой конкурентоспособности в связи с недостаточной полнотой либо несопоставимостью данных в хронологическом разрезе. Следовательно, существующие базы данных решают задачу мониторинга и оценки устойчивой конкурентоспособности кластеров в очень незначительной ее части.

В то же время в Европейском союзе (ЕС), например, оценка кластеров отличается последовательностью и комплексностью. В 2009 г. была внедрена *European Cluster Excellence Initiative* (*ECEI*), в рамках которой разработана методология бенчмаркинга и отбора лучших практик европейских кластеров. *ECEI* – независимая система оценки качества менеджмента в кластерах (*с* присвоением золотого, серебряного или бронзового Знака качества менеджмента кластерной организации), которая следует методологии *European Foundation for Quality Management* (*EFQM*) и базируется на индикаторах качества, применимых к различным типам кластеров как в ЕС, так и в других странах[10].

Однако и европейская практика до недавнего времени имела свои недостатки: 1) использовались рейтинговые оценки; 2) основное внимание уделялось качеству кластерного менеджмента [29]. В связи с этим в 2020 г. был предложен комплексный подход к мониторингу и оценке кластерной политики с целью создания более всеобъемлющей оценки кластеров с точки зрения уровня (от кластерной политики до отдельных участников кластера), разнообразия эффектов и методов оценки (качественные, количественные) [24].

Заключение

Существующие методические подходы к оценке деятельности инновационных промышленных кластеров и статистические базы не позволяют системно отслеживать ключевую комплексную характеристику их текущего и перспективного развития – устойчивую конкурентоспособность. Актуальность решения данной проблемы применительно к российским инновационным промышленным кластерам очевидна.

На основе анализа нормативно-правовых документов и источников научной литературы с учетом факторов, оказывающих влияние на долгосрочную конкурентоспособность и социо-эколого-экономическую устойчивость промышленных кластеров, предложен авторский подход к формированию системы индикаторов для оценки их устойчивой конкурентоспособности. Это индикаторы потенциала развития кластерного образования (производственного, инновационного, кадрового, финансового, рыночного), его организационно-управленческого совершенства, экономической эффективности, социальной и экологической ответственности, инновационной активности и эффективности государственно-частного партнерства.

Нами не ставилась задача формулировки конкретных статистических показателей и индикаторов устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров, а лишь намечались подходы к их выбору, обозначался круг вопросов по изучаемой проблеме. Обоснование статистически значимых индикаторов может стать направлением дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

[10] European Cluster Excellence Initiative (ECEI) …

Критерии авторства: И. Н. Краковская – концептуализация, написание текста статьи; Н. Д. Гуськова – постановка научной проблемы, редактирование, формулирование выводов.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00550 А «Обеспечение устойчивой конкурентоспособности инновационных кластерных образований в промышленности в условиях вызовов Общества 5.0».

Литература

1. Porter M. E. Clusters and economic policy: aligning public policy with the new economics of competition // ISC White paper; Harvard Business School, 2007. 10 p.
2. Enright M. J. Why clusters are the way to win the game? // Word Link. 1992. № 5. P. 24–25.
3. Enright M. J., Ffowcs-Williams I. Local partnership, clusters and SME globalisation. OECD Workshop paper, 2001. 38 p.
4. Humphrey J., Schmitz H. Governance and upgrading: linking industrial cluster and global value chain research. IDS Working Paper 120. Brighton: IDS, 2000. 37 p.
5. Sölvell Ö., Lindqvist G., Ketels C. The cluster initiative greenbook. Stockholm: Brommatryck AB, 2003. 93 p.
6. Asheim B. Localiced learning, innovation and regional clusters // Cluster policies – cluster development? / ed. Å. Mariussen. Stockholm, 2001. 58 p.
7. Andersson T., Serger S. S., Sörvik J., Hansson E. W. The Cluster Policies Whitebook. Malmö: IKED, 2004. 266 p.
8. Brachert M., Titze M., Kubis A. Identifying industrial clusters from a multidimensional perspective: methodical aspects with an application to Germany // Papers in Regional Science. 2011. Vol. 90. № 2. P. 419–439. https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2011.00356.x
9. Горкин А. П., Смирнягин Л. В. О факторах и условиях размещения капиталистической промышленности // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1973. № 1. С. 68–72.
10. Кластерная политика: концентрация потенциала для достижения глобальной конкурентоспособности / под ред. И. М. Бортника, Л. М. Гохберга, А. Н. Клепача, П. Б. Рудника, О. В. Фомичева, А. Е. Шадрина. СПб.: «Corvus», 2015. 356 с.
11. Инновационные кластеры цифровой экономики: теория и практика / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. 676 с. https://doi.org/10.18720/IEP/2018.4
12. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Хлынин М. Ю. Формирование и развитие промышленных кластеров // Технико-технологические проблемы сервиса. 2014. № 1. С. 92–99.
13. Куценко Е. С. Пилотные инновационные территориальные кластеры России: модель устойчивого развития // Форсайт. 2015. Т. 9. № 1. С. 32–55. https://doi.org/10.17323/1995-459X.2015.1.32.55
14. Брыкин А. В., Колегов К. А. Факторная модель оценки конкурентоспособности инновационных кластеров электроники на основе анализа этапов их жизненного цикла // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2012. № 1. С. 134–139.
15. Иванов П. Д., Решетько Н. И. Механизмы оценки конкурентоспособности промышленных кластеров // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 5. С. 91–94.
16. Клепикова Н. И. Оценка эффективности создания отраслевого кластера // Фундаментальные исследования. 2013. № 4-4. С. 934–939.
17. Костыгова Л. А. Соответствие титанового кластера требованиям устойчивого развития отрасли // Экономика в промышленности. 2013. № 4. С. 32–36.
18. Пантюшина О. В. Методические основы оценки конкурентоспособности элементов льняного кластера // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 3. С. 104–114.
19. Фияксель Э. А., Назаров М. Г., Исланкина Е. А. Интернационализация кластеров как инструмент повышения национальной конкурентоспособности: европейский опыт // Инновации. 2013. № 2. С. 86–95.
20. Шехтман А. Ю. Системный анализ подходов к оценке эффективности политики кластерного развития // Системный анализ в проектирования и управлении: сб. науч. тр. XXII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 мая 2018 г.) СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. Ч. 2. С. 18–25.
21. Щетинина Н. Ю. Конкурентоспособность технологических кластеров // Креативная экономика. 2012. Т. 6. № 12. С. 72–80.
22. Мешков И. А. Основные черты кластерной политики ЕС // Современная Европа. 2020. № 1. С. 182–190. http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12020182190
23. Чкония А.-М. Е., Мешков И. А. Состояние кластерного развития в государствах – участниках ЕАБР. Евразийский Банк Развития, 2019. 48 с.
24. Wintjes R., Spinoglio M., Pellegrin J., Hausemer P., Amichetti C. Smart Guide to cluster policy monitoring and evaluation. Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2020. 62 p. https://doi.org/10.2826/519400

25. Салимова Т. А., Бирюкова Л. И. К вопросу о содержании понятия «устойчивая конкурентоспособность» // Наука и бизнес: пути развития. 2020. № 5. С. 148–151.
26. Сюпова М. С., Бондаренко Н. А. Индикаторы социально-экономического развития муниципального образования для целей проведения мониторинга и управления территорией // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 1. С. 155–164.
27. Краковская И. Н. Промышленные кластеры: факторы устойчивой конкурентоспособности // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Макеевка, 15 апреля 2021 г.) Макеевка: ДОНАГРА, 2021. Т. 3. С. 220–224.
28. Управление изменениями в современных компаниях / под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, С. Д. Резника. М.: ИНФРА-М, 2018. 263 с.
29. Hollander H. Methodology report for the European panorama of clusters and industrial change and European cluster database. Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2020. 45 p. https://doi.org/10.2826/466162

original article

Methods of Developing Sustainable Competitiveness Indicators for Innovative Industrial Clusters

Irina N. Krakovskaya
Mordovia State University, Russia, Saransk; https://orcid.org/0000-0003-3332-2332; menegment310@yandex.ru

Nadezhda D. Guskova
Mordovia State University, Russia, Saransk; https://orcid.org/0000-0002-2473-9657

Received 10 Sep 2021. Accepted after peer review 1 Oct 2021. Accepted for publication 11 Oct 2021.

Abstract: The present article introduces a new system of indicators for assessing the sustainable competitiveness of innovative industrial clusters. The authors reviewed foreign and domestic approaches to monitoring and evaluating industrial clusters and classified them according to assessment type, research level, costs, and effects. Sustainable competitiveness proved to be the most complex characteristic of any cluster. It could be divided into two groups of parameters, i.e. 1) long-term competitiveness and 2) stability as a socio-ecological and economic system. Each group was given a list of indicators for quantitative and qualitative assessment, which included indicators of potential development, organization and management, socio-ecological and economic stability, etc. The research revealed some gaps in the Russian statistics of cluster development, which hinder the information support for monitoring and evaluating the sustainable competitiveness of clusters. As a result, the current databases on the social, economic, and environmental aspects of Russian clusters are fragmented and chronologically incompatible.
Keywords: cluster system, socio-ecological and economic sustainability, benchmarking, development potential, organizational and managerial excellence, efficiency

Citation: Krakovskaya I. N., Guskova N. D. Methods of Developing Sustainable Competitiveness Indicators for Innovative Industrial Clusters. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 401–407. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-401-407

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: I. N. Krakovskaya defined the research concept and wrote the article; N. D. Guskova stated the scientific problem, proofread the manuscript, and formulated the conclusions.
Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of project No. 20-010-00550 A "Ensuring the sustainable competitiveness of innovative cluster formations in industry in the context of the challenges of Society 5.0".

References

1. Porter M. E. Clusters and economic policy: aligning public policy with the new economics of competition. *ISC White paper*. Boston: Harvard Business School, 2007, 10.
2. Enright M. J. Why clusters are the way to win the game? *Word Link*, 1992, (5): 24–25.
3. Enright M. J., Ffowcs-Williams I. *Local Partnership, Clusters and SME Globalisation.* OECD Workshop paper, 2001, 38.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

4. Humphrey J., Schmitz H. *Governance and upgrading: linking industrial cluster and global value chain research*. IDS Working Paper 120. Brighton: IDS, 2000, 37.
5. Sölvell Ö., Lindqvist G., Ketels C. *The cluster initiative greenbook*. Stockholm: Brommatryck AB, 2003, 93.
6. Asheim B. Localiced learning, innovation and regional clusters. *Cluster policies – cluster development?*, ed. Mariussen Å. Stockholm, 2001, 58.
7. Andersson T., Serger S. S., Sörvik J., Hansson E. W. *The Cluster Policies Whitebook*. Malmö: IKED, 2004, 266.
8. Brachert M., Titze M., Kubis A. Identifying industrial clusters from a multidimensional perspective: methodical aspects with an application to Germany. *Papers in Regional Science,* 2011, 90(2): 419–439. https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2011.00356.x
9. Gorkin A. P., Smirnyagin L. V. On the factors and conditions for the placement of capitalist industry. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1973, (1): 68–72. (In Russ.)
10. *Cluster policy: concentration of potential for achieving global competitiveness*, eds. Bortnik I. M., Gokhberg L. M., Klepach A. N., Rudnik P. B. , Fomichev O. V. , Shadrin A. E. St. Petersburg: Corvus, 2015, 356. (In Russ.)
11. *Innovative clusters of the digital economy: theory and practice*, ed. Babkin A.V. St. Petersburg: Izd-vo Politekch un-ta, 2018, 676. (In Russ.) https://doi.org/10.18720/IEP/2018.4
12. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Hlynin M. Yu. Formation and development of industrial clusters. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa*, 2014, (1): 92–99.
13. Kutsenko E. S. Pilot innovative territorial clusters in Russia: a sustainable development model. *Foresight-Russia*, 2015, 9(1): 32–55. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1995-459X.2015.1.32.55
14. Brikin A. V., Kolegov K. A. Factor model of estimation of competitiveness of innovative clusters of electronics on the basis of the analysis of stages of their life cycle. *RISK: Resursy, Informatsiia, Snabzhenie, Konkurentsiia*, 2012, (1): 134–139. (In Russ.)
15. Ivanov P. D., Reshetko N. I. Mechanisms of industrial clusters competitiveness assessment. *Nauka i biznes: puti razvitiya*, 2019, (5): 91–94. (In Russ.)
16. Klepikova N. I. The assessment of effectiveness of the formation of an industry-based cluster. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2013, (4-4): 934–939. (In Russ.)
17. Kostygova L. A. The compliance of a titanium cluster with sustainable development of the branch. *Russian Journal of Industrial Economics*, 2013, (4): 32–36. (In Russ.)
18. Pantyushina O. V. The methodical basis of estimation of flax cluster elements' competitiveness. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2011, (3): 104–114. (In Russ.)
19. Fiyaksel E. A., Nazarov M. G., Islankina E. A. European experience of cluster internationalization for improving national competitiveness. *Innovacii*, 2013, (2): 86–95. (In Russ.)
20. Shekhtman A. Yu. System analysis of approaches to estimation of effectiveness of cluster development policy. *System analysis in design and management*: Proc. XXII Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 22–24 May 2018. St. Petersburg: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2018, pt. 2, 18–25. (In Russ.)
21. Shchetinina N. Yu. Competitiveness of technological clusters. *Creative economy*, 2012, 6(12): 72–80. (In Russ.)
22. Meshkov I. A. Main features of the EU cluster policy. *Sovremennaya Evropa*, 2020, (1): 182–190. (In Russ.) http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12020182190
23. Chkoniia A.-M. E., Meshkov I. A. *The state of cluster development in the EDB member states*. Evraziiskii bank razvitiia, 2019, 48. (In Russ.)
24. Wintjes R., Spinoglio M., Pellegrin J., Hausemer P., Amichetti C. *Smart Guide to cluster policy monitoring and evaluation*. Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2020, 62. https://doi.org/10.2826/519400
25. Salimova T. A., Biryukova L. I. The concept of sustainable competitiveness of the enterprise. *Nauka i biznes: puti razvitiya*, 2020, (5): 148–151. (In Russ.)
26. Syupova M. S., Bondarenko N. A. Indicators of socio-economic development of the municipality for monitoring and management of the territory. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (1): 155–164. (In Russ.)
27. Krakovskaya I. N. Industrial clusters: factors of sustainable competitiveness. *Priority vectors of industrial and agricultural development*: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Makeyevka, 15 Apr 2021. Makeyevka: DONAGRA, 2021, vol. 3, 220–224. (In Russ.)
28. *Change management in modern companies*, eds. Nizhegorodtsev R. M., Reznik S. D. Moscow: INFRA-M, 2018, 263. (In Russ.)
29. Hollander H. *Methodology report for the European panorama of clusters and industrial change and European cluster database.* Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2020, 45. https://doi.org/10.2826/466162

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-408-417

оригинальная статья

Корпоративная социальная ответственность в малом бизнесе: сильные стороны и проблемы развития

Татьяна Борисовна Надтока
Донецкий национальный технический университет, Донецкая Народная Республика, г. Донецк; https://orcid.org/0000-0002-5670-781X; tatbor9@rambler.ru

Дарья Олеговна Алистратова
Донецкий национальный технический университет, Донецкая Народная Республика, г. Донецк

Поступила в редакцию 19.08.2021. Принята после рецензирования 14.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: Объект исследования – корпоративная социальная ответственность в малом бизнесе, предмет – ее теоретические и практические аспекты. Цель – обосновать значение и определить преимущества реализации корпоративной социальной ответственности в малом бизнесе; раскрыть проблемы, которые могут препятствовать ее развитию в малом предпринимательстве. Теоретической основой выступили труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам малого бизнеса и корпоративной социальной ответственности. В рамках исследования были использованы общенаучные и специальные методы: системный подход, логический, исторический, аналитический и сравнительный методы. Обоснована необходимость расширить внедрение концепции корпоративной социальной ответственности в малом бизнесе, определены преимущества ее реализации и проблемы, препятствующие развитию. Сделано заключение о необходимости активизации поддержки малого бизнеса в непризнанных государствах. Определена особая важность государственной поддержки малого бизнеса в области внедрения цифровых технологий в его бизнес-процессы и в социальную деятельность. Результаты могут послужить основой для дальнейших исследований в области корпоративной социальной ответственности в малом бизнесе. Кроме того, полученные данные могут быть полезны для руководства малых предприятий с целью дальнейшей реализации принципов данной концепции в своей деятельности.

Ключевые слова: ответственный бизнес, малое предпринимательство, корпоративное управление, стейкхолдеры, непризнанные государства, нефинансовая отчетность

Цитирование: Надтока Т. Б., Алистратова Д. О. Корпоративная социальная ответственность в малом бизнесе: сильные стороны и проблемы развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 408–417. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-408-417

Введение

Вопросы корпоративной социальной ответственности (КСО) получили повсеместное распространение во второй половине XX в. Это было связано прежде всего с переходом наиболее развитых государств от индустриального типа общества к постиндустриальному, предполагающему экономический рост не за счет экстенсивного использования природных ресурсов, а за счет использования знаний и высокой квалификации трудовых ресурсов. Значительное количество трудов отечественных и зарубежных ученых, начиная с конца XX в., было посвящено изучению КСО.

Большинство исследователей сошлись во мнении, что *КСО* – концепция взаимодействия бизнеса и различных социумов (в т. ч. общества в целом) – является прогрессивной идеей и отражается цивилизованным сообществом в международных и национальных официальных документах, например, в *Европейской социальной хартии*[1], в *Глобальном договоре ООН*[2], в *Социальной хартии российского бизнеса*[3] и др. Ученые достигли консенсуса касаемо определения направлений КСО и состава заинтересованных сторон. Более того, сформированы формы социальной отчетности, которые представлены в виде международных стандартов и документов (*SA 8000, ISO 26000, ISO 14001*, руководство *GRI, AA1000* и др.), на основе которых в различных странах разрабатываются соответствующие национальные документы [1; 2].

Как правило, труды ученых направлены на изучение КСО в крупном бизнесе и, соответственно, все существующие формы социальной отчетности, практики, рекомендации ориентированы на предприятия крупного

[1] Европейская социальная хартия // Совет Европы. Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/moscow/evropejskaa-social-naa-hartia (дата обращения: 11.05.2021).

[2] Глобальный договор ООН // Национальная сеть Глобального договора ООН в России. Режим доступа: http://globalcompact.ru/about/ (дата обращения: 11.05.2021).

[3] Социальная хартия российского бизнеса // Российский союз промышленников и предпринимателей. Режим доступа: https://рспп.рф/simplepage/sotsialnaya-khartiya-rossiyskogo-biznesa/ (дата обращения: 11.05.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

бизнеса [3–7]. Однако предприятия малого бизнеса также играют важную роль в рыночной экономике, особенно в трансформационных экономиках. По вопросам КСО в бизнесе, особенно в малом, имеется ряд научных работ, которые часто носят несистемный характер либо отражают отдельное направление или проблему [8–11].

Цель исследования – обосновать значение и определить преимущества реализации КСО в малом бизнесе; раскрыть проблемы, которые могут препятствовать развитию КСО в малом бизнесе, в том числе в странах с особым статусом, в непризнанных государствах.

Методы и материалы. Материалом явились научная литература отечественных и зарубежных ученых, статистические данные и правовые акты отдельных национальных и международных организаций по вопросам малого бизнеса и корпоративной социальной ответственности. В работе были использованы общенаучные методы исследования: методы сравнения и обобщения, статистические методы анализа, логический, системный и исторический подходы.

Результаты

Достаточно продолжительный отрезок времени КСО считалась атрибутом лишь крупных компаний. Так сложилось по ряду причин: во-первых, крупный бизнес имеет большее количество средств для реализации мероприятий в области КСО; во-вторых, крупные предприятия, как правило, являются основными поллютантами окружающей среды; в-третьих, менеджмент крупной организации более квалифицирован в области КСО; в-четвертых, СМИ наблюдают и афишируют любые изменения в деятельности корпораций, соответственно соблюдение или несоблюдение принципов КСО крупным бизнесом отразится на репутации компании.

При этом предприятиям малого бизнеса всегда отводится второстепенное место в вопросах внедрения КСО. И это несмотря на то, что сектор малого и среднего бизнеса (МСБ) как в развитых, так и в развивающихся странах обеспечивает более половины рабочих мест, создает большую добавленную стоимость по сравнению с крупным бизнесом и вносит наиболее весомый вклад в ВВП государства (табл. 1[4]).

В настоящее время покупатели стали более осведомленными в своем выборе и потому готовы платить больше за продукт, отмеченный маркером «социально ответственный». Предприятия, игнорирующие данный факт и ориентирующиеся только на получение большей прибыли, рискуют поспешно прекратить свое существование. Касается это не только крупных предприятий, которые в современных реалиях должны внедрять принципы

Табл. 1. Вклад МСБ в национальную экономику развитых стран Европы в 2017 г.
Tab. 1. Contribution of SMEs to the national economy of developed European countries (2017)

Страна	Размер предприятия	Количество предприятий	Доля, %	Количество занятых	Доля, %	Добавленная стоимость, млрд евро	Доля, %	Доля в структуре ВВП, %
Великобритания	МСБ	2137005	99,7	10796382	54,0	141,9	655,8	51,2
	Крупные предприятия	6546	0,3	9200319	46,0	95,7	628,2	48,9
	Итого	2143551	100,0	19996701	100,0	237,6	1284,0	100,0
Германия	МСБ	2452629	99,5	18301835	65,5	141,9	59,7	53,0
	Крупные предприятия	11379	0,5	1128078	34,5	95,7	40,3	47,0
	Итого	2464008	100,0	3270396	100,0	237,6	100,0	100,0
Италия	МСБ	3746109	99,9	11391179	78,5	471,5	67,1	59,0
	Крупные предприятия	3221	0,1	3125454	21,5	231,7	32,9	41,0
	Итого	3749330	100,0	14516633	100,0	703,1	100,0	100,0
Франция	МСБ	2960560	99,9	9181432	61,6	529,1	55,2	61,0
	Крупные предприятия	4089	0,1	5713171	38,4	430,0	44,8	39,0
	Итого	2964649	100,0	14894603	100,0	959,1	100,0	100,0
Дания	МСБ	208149	99,7	1056801	64,1	87,1	60,0	56,0
	Крупные предприятия	686	0,3	592253	35,9	58,0	40,0	44,0
	Итого	208835	100,0	1649054	100,0	145,2	100,0	100,0

Прим.: статистика приведена по предприятиям нефинансового сектора экономики (по результатам деятельности хозяйствующих субъектов сферы материального производства и сферы услуг).

[4] Табл. 1 и рис. 1 составлены на основе [12] и Annual report on European SMEs. Режим доступа: http://ec.europa.eu/growth/smes/sme-strategy/performance-review_en#annual-report (дата обращения: 23.05.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-408-417

КСО по умолчанию, но и предприятий малого и среднего бизнеса, количество которых хоть и значительно превышает предприятия крупного бизнеса, но колеблется в динамике (рис. 1).

Решение социальных вопросов не должно зависеть от размера предприятия. Однако бытует мнение, что активизация социальной деятельности компании становится возможной при достижении определенного уровня экономического развития последней, более того, это присуще только крупному бизнесу [4, с. 5; 5, с. 174; 6, с. 86]. То есть быть социально ответственным может предприятие, которое достигло определенного уровня и темпов экономического роста, и, соответственно, в состоянии концентрировать силы не только на собственном выживании, но и на благополучии связанных с ним социумов и их среды обитания.

Следует согласиться с точкой зрения О. А. Сапрыкиной, которая увязывает уровень активности организаций в области КСО со степенью развития предприятия. Исследователь выделяет пять уровней: функциональный, конкурентный, партнерский, уровни гражданской и интегрированной ответственности [13]. Вновь созданная организация, согласно данной градации, находится на первом (функциональном) уровне активности и ограничивается только соблюдением законодательных правовых норм, своевременной выплатой заработной платы, сохранением рабочих мест и т. п. Так, любое малое предприятие, действующее согласно закону, является уже социально ответственным.

Исходя из статистики предоставления отчетов КСО по данным *Global Reporting Initiative, можно сделать вывод, что большинство малых предприятий* так и остаются на функциональном уровне, не переходя на более высокий уровень активности в области КСО (рис. 2[5]).

Хотя внедрение принципов КСО долгое время считалось прерогативой крупного бизнеса, корпоративные

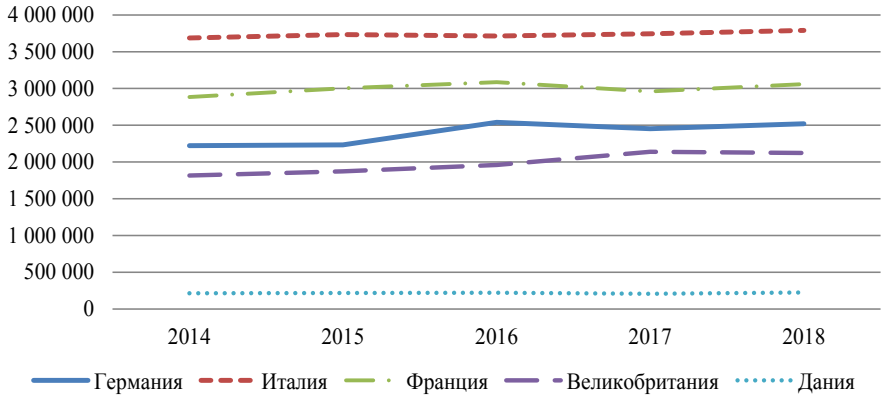

Рис. 1. Динамика количества предприятий МСБ
Fig. 1. Dynamics of the number of SMEs enterprises

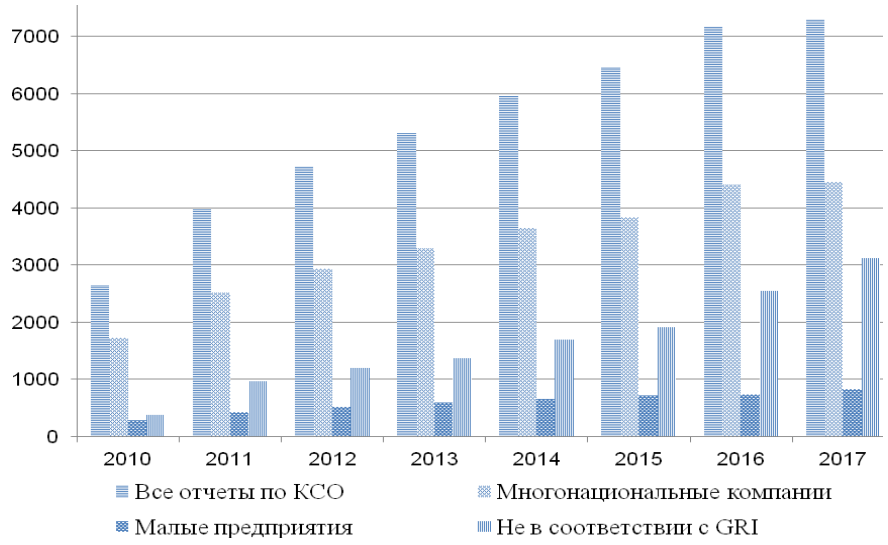

Рис. 2. Количество отчетов КСО по данным Global Reporting Initiative
Fig. 2. Number of corporate social responsibility reports according to Global Reporting Initiative

[5] Sustainability Disclosure Database. Режим доступа: https://database.globalreporting.org/search/ (дата обращения: 20.04.2021).

социальные возможности в малом бизнесе имеют ряд преимуществ перед развитием КСО в крупном бизнесе. Осознание данного руководством малого бизнеса будет способствовать не только усилению его социальной результативности, но и увеличению экономических показателей, повышению экономической эффективности его функционирования.

Во-первых, одна из основных сильных сторон малого бизнеса при внедрении КСО – менее иерархическая структура управления, нежели в крупном бизнесе. Это дает целый ряд преимуществ: а) все сотрудники могут быть вовлечены в процесс внедрения и развития КСО на предприятии; б) обучать и контролировать меньшее количество сотрудников легче и быстрее. Кроме того, владелец МСБ может являться и управленцем своей компании, поэтому он имеет больше свободы в действиях и решениях. То, как малое предприятие следует принципам КСО, зависит, как правило, от владельца и главного управленца компании в одном лице, что основано на личных ценностях последнего. В то время как в крупных компаниях владелец часто отвлечен от повседневной деятельности предприятия и в основном сосредоточен на максимизации прибыли акционеров[6].

Во-вторых, малый бизнес играет значимую роль для жизнедеятельности местного сообщества. Именно малые предприятия производят товары и услуги непосредственно для местного населения, а также обеспечивают занятость жителей [8]. Таким образом, близость между малыми предприятиями и местным сообществом позволяет малому бизнесу учитывать потребности населения, которое по своей сути является стейкхолдером по отношению к предприятию малого бизнеса. Если государство, в котором функционирует конкретное малое предприятие, поддерживает политику социально ответственного бизнеса и способствует данному движению (стимулирующая нормативно-правовая база, предоставление льгот и т. д.), то социально ответственное предприятие малого бизнеса имеет преимущество в виде поддержки со стороны органов власти. Это может быть обеспечение малого предприятия заказами, установление обязательной кооперации крупных предприятий с малыми (передача части госзаказа) или прямые заказы малым предприятиям от администрации за счет финансирования из средств местного бюджета, а также получение льготных кредитов на развитие и расширение производства и т. д.

В-третьих, КСО для малого бизнеса – это конкурентное преимущество, тогда как для крупных предприятий и особенно для корпораций КСО стало средством защиты своего имиджа [14]. Над крупным бизнесом в большей степени давлеет государство или другие заинтересованные стороны вне зависимости от используемой модели КСО: «открытой» (как в США) или «скрытой» (как в Европе). Принципиальное отличие данных форм КСО обуславливается тем, что бизнес самостоятельно определяет меру своего вклада в развитие общества, или же официальные и неофициальные институты производят согласование общественных интересов, которые трансформируются в обязательные требования к бизнесу [15]. Но при «открытости» американской модели КСО последняя начала претерпевать некоторые изменения в направлении более активного вмешательства государства. Например, принятый в 2002 г. закон Сарбейнса-Оксли[7] ужесточил требования к финансовой отчетности корпораций. Таким образом, на малые предприятия ложится меньшая нагрузка со стороны государства и иных заинтересованных сторон.

В-четвертых, поскольку малый бизнес ближе крупного непосредственно к потребностям населения, то его КСО усиливает данную ситуацию и позволяет использовать ответственный бизнес как важнейший фактор солидарности общества в целом в решении актуальных социально-экономических задач страны. Это особо важно для непризнанных государств (ДНР, ЛНР, Южной Осетии и др.).

Если предыдущие сильные стороны касались именно организации КСО в малом бизнесе в сравнении с крупным, то для бизнеса любых размеров КСО способствует усилению его конкурентных преимуществ, что является весьма весомым аргументом для внедрения принципов КСО на любом предприятии, функционирующем в условиях рыночной экономики.

Однако не все предприятия малого бизнеса, существующие на данный момент, находятся в одинаково стабильном положении. В настоящее время существуют территории, которые в силу политических конфликтов не имеют международного признания или имеют частичное признание со стороны нескольких стран. Государства «де-факто» – так нейтрально можно охарактеризовать данные территории [16]. Отсутствие международного признания лишает непризнанные государства возможности вести активную экономическую деятельность, однако это не означает полного ее отсутствия.

Как и другие страны, «де-факто» государства стремятся к социально-экономическому развитию территории; определяют перспективные направления совершенствования; понимают важность развития и поддержания малого бизнеса, который, в свою очередь, играет одну из ключевых ролей для упрочения экономической стабильности в стране. Вызвано это тем, что политико-экономическая ситуация в государствах «де-факто» не схожа с другими странами. Более того, ситуация

[6] Knudson H. Making the business case: the effects of corporate social responsibility on SME competitiveness // Interreg Europe. 27.09.2018. Режим доступа: https://www.interregeurope.eu/fileadmin/user_upload/tx_tevprojects/library/file_1523518061.pdf (дата обращения: 24.04.2021).

[7] Sarbanes-Oxley act of 2002. Public Law 107–204 (approved 30 Jul 2002, as amended through P. L. 116–222, enacted 18 Dec 2020) // Govinfo. 21.12.2020. Режим доступа: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1883/pdf/COMPS-1883.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-408-417

на таких территориях, как правило, усложняется непрекращающимися военными действиями и экономической блокадой, и государство, призванное решать социальные проблемы, не в состоянии это делать из-за нехватки бюджетных средств. В таких случаях предприятия, в том числе малые, могут оказать поддержку или вовсе «заменить» государство в некоторых социальных вопросах. Речь не идет о благотворительных мероприятиях, это лишь третий (партнерский) уровень активности предприятия в КСО [13], хотя крупные предприятия могут взять на себя даже целые социальные программы.

Минимум, который могут выполнять малые предприятия в государствах «де-факто» в области КСО: создание и сохранение рабочих мест; своевременная выплата заработной платы, которая не ниже минимально установленной законодательством; забота о потребителях и окружающей среде путем изготовления высококачественной продукции, производство которой не наносит урон окружающей среде; организация социального предпринимательства. Для получения большего результата от развития КСО в малом бизнесе, особенно для социально-экономической поддержки непризнанных территорий, государство должно содействовать и благоприятствовать переходу малых предприятий на более высокий уровень активности последних в области КСО.

Малый бизнес сталкивается с рядом проблем, несмотря на то, что развитие КСО в нем легче, чем в крупном. Основными легальными проблемами, сдерживающими развитие КСО в малом бизнесе, являются:

- Слабая осведомленность малого бизнеса о КСО. Информированность является одним из ключевых факторов продвижения ответственного бизнеса[8]. Но, как правило, осведомленность о КСО гораздо выше у крупного бизнеса [17]. Непонимание самого термина КСО и его принципов – одна из ключевых преград для малого бизнеса. Предприятия могут быть социально ответственными (поддерживать обучение и развитие сотрудников, быть настроенными на сокращение отходов, заниматься благотворительными делами и т. п.), но при этом не знать, что они следуют принципам КСО[9].
- Отсутствие у руководителей, являющихся в большинстве и владельцами малого бизнеса, заинтересованности во внедрении принципов КСО в философию компании.
- Дефицит внимания со стороны научных кругов к анализу и методическому обеспечению развития МСБ в целом (особенно малого бизнеса), отсутствие практических механизмов по внедрению в нем КСО. Парадокс заключается в том, что в трудах по развитию МСБ [11; 18] не рассматриваются вопросы ответственного бизнеса, а в обзорных работах по КСО [19] не отражаются особенности ее реализации в малом бизнесе.
- Ограниченные возможности малого бизнеса, препятствующие развитию практик: низкая правовая и квалификационная грамотность; отсутствие опыта практик КСО; ограниченность ресурсов, при которой предприятие может не иметь возможности реализовывать принципы КСО даже при большом желании, поэтому оно должно сосредотачиваться только на том, чтобы оставаться плавучим на текущем рынке.
- Недостаточное использование малым бизнесом информационно-компьютерных технологий по причине дефицита финансовых ресурсов либо в связи с цифровой неподготовленностью персонала и значительной его загруженностью текущими проблемами.
- Низкий уровень информированности общества в СМИ о практиках и проблемах реализации КСО в малом бизнесе.
- Несоблюдение действующего законодательства и ведение малыми предприятиями теневой деятельности [20]. Быть социально-ответственным перед обществом можно лишь при условии соблюдения законодательства и морально-этичных норм. Нередко малые предприятия склоняются к развитию теневой деятельности, что уже само по себе противоречит признакам социально ответственной компании. Безусловно, существует ряд причин, по которым субъект малого бизнеса склоняется к теневой деятельности. К таким причинам следует отнести неэффективную государственную поддержку, тяжесть налогообложения, правовую незащищенность, нехватку знаний и навыков ведения бизнеса, недостаток инвестиций, низкий уровень доступности кредитов, а также стимул увеличения размера получаемого дохода и иных благ в результате ухода в «тень» [10]. Так, общая доля теневого оборота субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации – государства, входящего в пятерку стран с самыми высокими значениями доли теневого бизнеса относительно ВВП (табл. 2[10]), – составляет около 30–40 %.

Табл. 2. Страны-лидеры по показателям теневой экономики, % ВВП
Tab. 2. Leading countries in terms of shadow economy, % of GDP

Страна	2011	2016	2017	2020	2025 (прогноз)
Австралия	12,82	11,4	11,09	10,24	8,89
Азербайджан	47	67,04	66,12	56,73	58,38
Болгария	30,28	29,93	29,85	29,56	29,56

[8] Корпоративная социальная ответственность в Казахстане: ситуация, проблемы и перспективы развития. Астана: ИЦ Сандж, 2013. 97 с.
[9] SMEs and CSR. Assessing the level of corporate social responsibility activities and knowledge in Irish small and medium enterprises // ISME. 2015. 15 p.
[10] Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025 // ACCA. 2017. 36 p.

Страна	2011	2016	2017	2020	2025 (прогноз)
Бразилия	35,57	34,76	34,75	34,48	34,2
Великобритания	11,83	11,47	11,29	11,19	10,83
Гонконг	14,39	14,2	14,14	13,88	13,65
Индия	18,62	17,22	16,55	15,7	13,6
Индонезия	17,34	16,53	16,49	16,24	16,17
Ирландия	14,74	14,17	13,59	13,57	12,78
Италия	26,24	26,32	26,5	26,56	26,37
Канада	14,82	14,4	14,15	13,95	13,8
Кения	27,77	26,82	26,79	26,6	26,72
Китай	10,53	10,15	10,17	10,05	9,9
Латвия	25,45	24,57	24,17	23,21	20,79
Литва	27,87	26,27	26,01	25,54	25,79
Малайзия	28,83	23,24	22,9	21,9	21
Нигерия	50,73	48,37	47,7	46,99	46,11
Пакистан	32,5	31,78	31,99	32,41	33,89
Польша	24,59	23,68	23,42	22,95	22,13
Россия	39,33	39,07	39,29	39,37	39,3
Сингапур	11,57	12,54	12,88	13,36	14,06
США	8,2	7,78	7,69	7,42	6,94
Турция	27,43	25,72	24,95	23,85	21,55
Украина	45,16	45,96	46,12	46,1	45,98
Шри-Ланка	39,5	37,36	37,33	36,46	34,85
Эстония	27,78	28,48	28,4	28,09	26,46
Южная Африка	23,48	23,29	23,33	23,71	24,19

- Слабая поддержка со стороны государства в области его социально-экономического развития [5; 6; 21]. Особенно это ощутимо для государств «де-факто». Ни в одной стране не оспаривается тезис о необходимости поддержки малого бизнеса, однако это вытекает не из высоких показателей экономики развитых стран (табл. 1), например, доли МСБ в ВВП страны, в общей численности занятых (50–75 %), не из экономичности данной общественной формы, а по причине необходимости обеспечения социальной стабильности в обществе и большей гибкости в ориентированности бизнеса на конечного потребителя. Некоторые государства в последнее время уделяют особое внимание развитию малого бизнеса как фактора социального развития страны, но в большинстве случаев приоритетность в достижении социальных целей все же отдается успешной работе крупного и среднего бизнеса и социальной защите. Кроме того, сложность исследованиям придают два факта: 1) по официальной статистике в МСБ входит не только малый, но и средний бизнес; 2) в разных странах дифференцируется подход к национальной идентификации статуса малого предпринимательства (табл. 3) [22].

Государства по-разному декларируют и поддерживают малый бизнес. Механизмами развития являются:

- различные инструменты, снижающие финансовую нагрузку на малый бизнес (сниженная ставка налога

Табл. 3. Характеристика критериев определения статуса малого бизнеса

Tab. 3. Criteria for determining the status of small business

Страна	Критерии	Микробизнес	Малый бизнес	Средний бизнес
Россия	Количество работников	15	50	250
	Годовая выручка	1,90 млн евро	12,68 млн евро	31,71 млн евро
Белоруссия	Количество работников	15	100	250
Украина	Количество работников	10	50	–
	Годовая выручка	2 млн евро	10 млн евро	–
Казахстан	Количество работников	15	100	250
	Годовая выручка	0,289 млн евро	2,89 млн евро	28,9 млн евро
Европейский союз	Количество работников	10	50	250
	Годовая выручка	2 млн евро	10 млн евро	50 млн евро
Швеция	Количество работников	–	50	–
	Годовая выручка	–	5,34 млн евро	–
	Валюта баланса	–	2,67 млн евро	–
Норвегия	Количество работников	–	19	99
Япония	Количество работников	20 – для производства	100 – для производства	
		50 – для других сфер	От 50 до 300 – для разных сфер	
	Объявленный капитал	0,75 млн евро	2,25 млн евро	
США	Количество работников	–	От 50 (прямые продажи) до 1550	
	Годовая выручка	–	0,68–495 млн евро (банки и кредитные союзы)	

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-408-417

на прибыль, предоставление льготных кредитов, гарантии по экспертным операциям, целевые кредиты, налоговые льготы и др.) [22];

- упрощение открытия и документального ведения малого бизнеса;
- государственные специальные программы поддержки и развития малого бизнеса;
- правовое обеспечение функционирования малого бизнеса в форме нормативно-правовых актов регионального, национального (например, Закона) и наднационального (например, для стран ЕС) уровней.

В государственной поддержке малого бизнеса не заняли устойчивое место механизмы усиления использования информационно-компьютерных технологий, а это особо важно в современных условиях для малых предприятий как в контексте развития их бизнес-процессов [23], так и КСО, потому что исследования показывают наличие в странах и регионах устойчивой тенденции увеличения цифрового неравенснства, негативно касающегося как отдельных слоев населения, так и малого бизнеса в целом [24; 25].

Малый бизнес в государствах «де-факто» имеет повышенную социальную и экономическую роль, поэтому его поддержка должна быть достаточно практична, понятна и поставлена на особый учет в стране. К сожалению, в непризнанных государствах, формирующих свою государственность (ЛНР, ДНР и др.), она недостаточна [11; 18; 21] и требует дальнейших научных разработок и их внедрения, в том числе в области КСО.

Заключение

Концепция устойчивого развития и основные механизмы ее реализации, включая КСО, стали общепризнанными направлениями общественного прогресса. Поэтому предприятия малого бизнеса также должны внедрять принципы корпоративных социальных возможностей в свою деятельность.

Сектор МСБ обеспечивает более половины рабочих мест, создает большую добавленную стоимость по сравнению с крупным бизнесом и вносит наиболее весомый вклад в ВВП государства. Решение о соблюдении принципов социальной ответственности бизнеса не должно зависеть от размера предприятия.

Корпоративная ответственность в малом бизнесе имеет ряд преимуществ перед развитием КСО в крупном бизнесе. При этом малый бизнес при реализации КСО может столкнуться с рядом проблем, что в большей степени свойственно непризнанным государствам в силу их проблем по снабжению и сбыту продукции предприятий, оттоку квалифицированных кадров и т. п.

Следует отметить наличие в современных условиях особой важности государственной поддержки малого бизнеса в области внедрения цифровых технологий как в его бизнес-процессы, так и в социальную деятельность. Цифровое неравенство, затрагивая в первую очередь малые субъекты хозяйствования и отдельных людей (семей), является одним из индикаторов уровня жизни населения в стране в целом.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку метода и показателей оценки уровня реализации корпоративной ответственности в малом бизнесе, а также на разработку и внедрение действенных механизмов государственной поддержки и контроля малого бизнеса в целом, включая реализацию в нем информационно-компьютерных технологий и принципов КСО.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Прокопов Ф. Т., Феоктистова Е. Н. Базовые индикаторы результативности. Рекомендации по использованию в практике управления и корпоративной нефинансовой отчетности. М.: РСПП, 2008. 68 с.
2. Воробей В., Журовська І. Нефінансова звітність: інструмент соціально відповідального бізнесу. Київ: ФОП Костюченко О. М., 2010. 84 с.
3. Черных Е. В. Особенности социальной ответственности бизнеса // Економічний вісник Донбасу. 2009. № 3. С. 11–16.
4. Черних О. В. Управління соціальною відповідальністю на великих підприємствах: автореф. дис. … канд. екон. наук. Донецьк, 2012. 26 с.
5. Девятловский Д. Н., Позднякова М. О. Корпоративная социальная ответственность в России: проблемы малого бизнеса // Проблемы современной экономики. 2014. № 2. С. 173–175.
6. Исаева Е. С., Степнякова Н. И. Современные проблемы социальной ответственности бизнеса в России // Young Science. 2014. Т 1. № 3. С. 85–88.
7. Вершинина С. В., Корякина Е. А., Чумляков К. С., Чумлякова Д. В. Социальная ответственность бизнеса. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 154 с.
8. Кох И. А. Взаимоотношения органов местного самоуправления и малого предпринимательства // Дискуссия. 2010. № 8. С. 59–65.
9. Бессарабов В. О. К вопросу об информационном обеспечении системы социальной ответственности бизнеса // Вестник Института экономических исследований. 2017. № 2. С. 81–89.

10. Морковина С. С., Соколинская Ю. М. Причины теневой деятельности в сфере малого предпринимательства // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 142–147.
11. Дрозняк О. В., Чернякова Т. М. Особенности государственного регулирования развития малого и среднего предпринимательства за рубежом // Современная мировая экономика: вызовы и реальность: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 1 декабря 2020 г.) Донецк: ДонНТУ, 2020. С. 14–17.
12. Pasichnyk Yu. V. Emergence of public development: financial and legal aspects. Coventry: Agenda Publishing House, 2019. 737 p.
13. Сапрыкина О. А. Стратегическое управление организацией на принципах корпоративной социальной ответственности // Человеческие ресурсы: проблемы инновационного развития и использования / ред. Е. А. Морозова. Кемерово: КемГУ, 2016. Вып. 5. С. 346–352.
14. Алони Г. Социальная ответственность крупного бизнеса Украины: добрая воля или обязанность? // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. Режим доступа: https:/web.snauka.ru/issues/2016/02/62983 (дата обращения: 08.06.2021).
15. Цуциева О. Т., Гобозова А. З. Сравнительный анализ моделей корпоративной социальной ответственности // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 6-2. С. 91–96.
16. Маркелова А. А. Сецессия как политический феномен // Социум и власть. 2017. № 3. С. 52–56.
17. Петенко А. В., Арутюнян А. Х., Камчатная А. О. Современные тенденции и перспективы развития корпоративной социальной ответственности в Украине // Сучасні тенденції державного управління в умовах соціально-економічного розвитку: Серія «Державне управління». 2014. Т. 15. № 287. С. 5–12.
18. Выголко Т. А., Великохатько С. В. Особенности функционирования и развития малого бизнеса в Донецкой Народной Республике // Инженерная экономика и управление в современных условиях: мат-лы науч.-практ. конф., приуроченной к 50-летию инженерно-экономического факультета (Донецк, 9 октября 2019 г.) Донецк: ДонНТУ, 2019. С. 45–51.
19. Євтушенко В. А. Оцінка корпоративної соціальної відповідальності: методи, об'єкти, показники // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Технічний прогрес та ефективність виробництва. 2013. № 46. С. 53–63.
20. Савичева Е. Ю. Модели социальной ответственности малого бизнеса в России // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 164–167.
21. Надтока Т. Б. Корпоративная социальная ответственность как важнейший механизм реализации государственной социальной политики в Донецкой Народной Республике // Вестник Автомобильно-дорожного института. 2020. № 1. С. 79–84.
22. Дегтярев А. В. Государственное регулирование развития малого и среднего предпринимательства // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 2. С. 38–40.
23. Пехтерева В. В., Суворова А. А. Управление бизнес-процессами малого предприятия с использованием трендовых инструментов интернет-маркетинга // Современная мировая экономика: вызовы и реальность: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 1 декабря 2020 г.) Донецк: ДонНТУ, 2020. С. 138–141.
24. Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 32. С. 2–13.
25. Положихина М. А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2. С. 119–142.

original article

Corporate Social Responsibility in Small Business: Strengths and Development Challenges

Tatyana B. Nadtoka
Donetsk National Technical University, Donetsk People's Republic, Donetsk; https://orcid.org/0000-0002-5670-781X; tatbor9@rambler.ru

Daria O. Alistratova
Donetsk National Technical University, Donetsk People's Republic, Donetsk

Received 19 Aug 2021. Accepted after peer review 14 Sep 2021. Accepted for publication 20 Sep 2021.

Abstract: The present research featured the theory and practice of corporate social responsibility in small business. The research objective was to define the benefits and problems of implementing corporate social responsibility in small businesses. The study was based on domestic and foreign publications on small business and corporate social responsibility.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

A set of standard methods of analysis revealed that small business needs to expand the implementation of corporate social responsibility. The authors believe that small business in unrecognized states needs more state support, especially in the field of digital technologies and social activities. The data obtained can help small private enterprises to introduce the principles of social responsibility in their business.
Keywords: responsible business, small entrepreneurship, corporate governance, stakeholders, unrecognized states, non-financial reporting

Citation: Nadtoka T. B., Alistratova D. O. Corporate Social Responsibility in Small Business: Strengths and Development Challenges. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 408–417. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-408-417

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Prokopov F. T., Feoktistova E. N. *Reference performance indicators recommendations for corporate non-financial reporting use*. Moscow: RSPP, 2008, 68. (In Russ.)
2. Vorobei V., Zhurovska I. *Non-financial report: a tool for socially promoting business.* Kiev: FOP Kostiuchenko O. M., 2010, 84. (In Ukr.)
3. Chernykh E. V. Features of social responsibility of business in Ukraine. *Ekonomichnyi visnyk Donbasu*, 2009, (3): 11–16. (In Russ.)
4. Chernikh O. V. *Management of social responsibility at large enterprises.* Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Donetsk, 2012, 26. (In Ukr.)
5. Deviatlovsky D. N., Pozdniakova M. O. Corporate social responsibility in Russia: problems of small-scale business. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2014, (2): 173–175. (In Russ.)
6. Isaeva E. S., Stepnyakova N. I. Modern problem of the social responsibility of business in Russia. *Young Science*, 2014, 1(3): 85–88. (In Russ.)
7. Vershinina S. V., Koriakina E. A, Chumlyakov K. S., Chumlyakova D. V. *The social responsibility of business*. Tyumen: TiumGNGU, 2015, 154. (In Russ.)
8. Kokh I. A. The relationship between local government and small business. *Discussion*, 2010, (8): 59–65. (In Russ.)
9. Bessarabov V. O. Revisiting the issue of the information support of the corporate social responsibility system. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovanii*, 2017, (2): 81–89. (In Russ.)
10. Morkovina S. S., Sokolinskaya Yu. M. Reasons of shadow activity in the sphere of the small business. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy,* 2014, 9(11): 142–147. (In Russ.)
11. Drozniak O. V., Chernyakova T. M. Features of state regulation of the development of small and medium entrepreneurship abroad. *Modern world economy: challenges and reality*: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Donetsk, 1 Dec 2020. Donetsk: DonNTU, 2020, 14–17. (In Russ.)
12. Pasichnyk Yu. V. *Emergence of public development: financial and legal aspects*. Coventry: Agenda Publishing House, 2019, 737.
13. Saprykina O. A. Strategic management of the organization based on the principles of corporate social responsibility. *Human resources: problems of innovative development and use*, ed. Morozova E. A. Kemerovo: KemGU, 2016, iss. 5, 346–352. (In Russ.)
14. Aloni G. Social responsibility of big business in Ukraine: free will or obligation? *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii,* 2016, (2). Available at: https:/web.snauka.ru/issues/2016/02/62983 (accessed 8 Jun 2021). (In Russ.)
15. Tsutsieva O. T., Gobozova A. Z. Comparative analysis model of corporate social responsibility. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2013, (6-2): 91–96. (In Russ.)
16. Markelova A. A. Secession as a political phenomenon. *Socium i vlast'*, 2017, (3): 52–56. (In Russ.)
17. Petenko A. V., Arutiunian A. Kh., Kamchatnaia A. O. Modern trends and prospects for the development of corporate social responsibility in Ukraine. *Modern trends in public administration in the context of socio-economic development: Series "Public Administration"*, 2014, 15(287): 5–12. (In Russ.)
18. Vygolko T. A., Velikokhatko S. V. Features of functioning and development of small business in the Donetsk People's Republic. *Engineering economics and management in modern conditions*: Proc. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 50th anniversary of the Department of Engineering and Economics. Donetsk, 9 Oct 2019. Donetsk: DonNTU, 2019, 45–51. (In Russ.)

19. Evtushenko V. A. Assessment of corporate social responsibility: methods, objects, and indexes. *Visnik NTU "KhPI". Seriia: Tekhnichnii progres ta efektivnist virobnitstva*, 2013, (46): 53–63. (In Ukr.)
20. Savicheva E. Yu. Models of social responsibility of small-scale business in Russia. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2010, (4): 164–167. (In Russ.)
21. Nadtoka T. B. Corporate social responsibility as the most important mechanism for the state social policy implementation in the Donetsk People's Republic. *Vestnik Avtomobilno-dorozhnogo institut*a, 2020, (1): 79–84. (In Russ.)
22. Degtiarev A. V. State regulation of the development of small and medium-sized businesses. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2008, (2): 38–40. (In Russ.)
23. Pekhtereva V. V., Suvorova A. A. The business processes management of a small enterprise with the use of trend tools of Internet marketing. *Modern world economy: challenges and reality*: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Donetsk, 1 Dec 2020. Donetsk: DonNTU, 2020, 138–141. (In Russ.)
24. Kuznetsov Yu. A., Markova S. E. Some aspects of digital inequality rating of the RF regions. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2014, (32): 2–13. (In Russ.)
25. Polozhikhina M. A. Information and digital inequality as a new type of socio-economic differentiation of society. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii*, 2017, (2): 119–142. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-418-426

оригинальная статья

Оценка причин завершения предпринимательской деятельности: данные за 2020 год по различным странам

Юлия Семеновна Пиньковецкая
Ульяновский государственный университет, Россия, г. Ульяновск; judy54@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.07.2021. Принята после рецензирования 15.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: Исследование посвящено изучению причин завершения предпринимателями своей деятельности. В последние годы ситуация обострилась в связи с отрицательным влиянием последствий пандемии COVID-19 на экономические показатели большинства субъектов малого и среднего предпринимательства по различным странам. Цель – оценка сложившихся в 2020 году показателей, характеризующих причины завершения предпринимателями своей деятельности в современных национальных экономиках. Методология основывалась на разработке экономико-математических моделей, представляющих собой функции нормального распределения. Исходными эмпирическими данными являлись результаты опроса предпринимателей (их мнения о причинах завершения деятельности) по 39 странам при проведении работ по проекту «Глобальный мониторинг предпринимательства». Оценены четыре показателя, определяющие положительные и негативные причины завершения предпринимателями своей деятельности. Приведена принципиально новая информация о влиянии пандемии COVID-19 на этот процесс. Доказано, что большинство (56,3 %) предпринимателей окончили деятельность по негативным причинам, однако не связанным с пандемией COVID-19; более четверти (почти 28 %) предпринимателей – в связи с негативными последствиями пандемии. По позитивным причинам завершил деятельность только каждый шестой предприниматель. Дальнейшие исследования могут быть связаны с оценкой последствий пандемии в 2021 году.

Ключевые слова: предпринимательство, выход из бизнеса, пандемия COVID-19, опрос предпринимателей, Глобальный мониторинг предпринимательства, функции нормального распределения

Цитирование: Пиньковецкая Ю. С. Оценка причин завершения предпринимательской деятельности: данные за 2020 год по различным странам // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 418–426. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-418-426

Введение

Все предприниматели рано или поздно сталкиваются с неотъемлемым этапом предпринимательства – завершением своей деятельности [1]. В двадцать первом веке вопрос приобретает особую актуальность, отмеченную группой исследователей в статье, посвященной изучению неудач предпринимателей, вызванных экономическим спадом из-за пандемии COVID-19 [2].

Как указывается в работе американских ученых, необходимость завершения деятельности является одним из наиболее критических событий, с которыми сталкивается предприниматель [3]. Проведенные исследования показывают, что зачастую предприниматели заканчивают деятельность в случаях, когда созданные ими фирмы не соответствуют минимальному порогу экономической жизнеспособности [4–6]. Кроме того, предприниматель может принимать соответствующее решение на основе субъективного подхода, который основан на несовпадении индивидуально поставленных целей и фактических результатов [7]. Хотя объем знаний по проблеме завершения предпринимателями деятельности в последние годы существенно вырос, осталось много неясностей в рассмотрении этой проблемы.

Главным отличием 2020 г. по сравнению с предыдущим периодом являлись серьезные проблемы в предпринимательском секторе экономики, обусловленные глобальной пандемией заболевания COVID-19 [8]. Пандемия изменила течение жизни людей во всех странах и существенно повлияла не только на здоровье людей, но и явилась источником многогранного шока, выразившегося в резком снижении внутреннего потребления населения, связанного с ограничением его мобильности[1]. Соответственно, наблюдался спад оптимизма во взглядах предпринимателей на возможности развития своих фирм, что проявилось в существенном сокращении инвестиций. Все это привело к снижению объемов совокупного спроса и уменьшению потребностей в продуктах предпринимательской деятельности, т. е. производимых ими товарах и предоставляемых услугах [9–11].

По итогам проведенных в 2020 и 2021 гг. научных исследований негативные последствия короновирусной инфекции в наибольшей степени сказались на предпри-

[1] Sawada Y., Sumulong L. R. Macroeconomic impact of COVID-19 in developing Asia // ADBI Working Papers 1251. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2021. 26 p. Режим доступа: https://www.adb.org/publications/macroeconomic-impact-covid-19-developing-asia (дата обращения: 15.07.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

нимателях, работающих в сферах, связанных с личными контактами и сложными логистическими операциями [12–16]. Это, прежде всего, сектор розничной торговли товарами, транспортные услуги, сфера туризма, развлечений и отдыха, рестораны и кафе, персональные услуги. При значительном уменьшении доходов предпринимателей объемы большинства расходов остались на прежнем уровне; соответственно, деятельность стала убыточной, нарушились производственные и распределительные цепочки. Сильно пострадали и предприниматели, связанные с глобализированными секторами экономики, т. к. ограничения снизили доступность ведения деятельности для ряда государств и их регионов.

Влияние последствий пандемии на предпринимательство к настоящему времени слабо изучено. Поэтому наше исследование посвящено одному из актуальных аспектов этой проблемы, а именно завершению деятельности предпринимателями в связи с негативными последствиями пандемии COVID-19. Даны ответы на призывы к получению объективной и достоверной информации о завершении работы предпринимателями, пострадавшими от последствий пандемии [17–19]. Учитывая новые волны короновирусной инфекции, такая информация необходима органам государственного управления для обоснования мероприятий, обеспечивающих поддержку предпринимателей.

Цель исследования – оценка сложившегося уровня завершения предпринимателями своей деятельности по различным причинам на основании данных опросов, проведенных в ряде современных национальных экономик.

В результате исследования получены данные о распределении по странам трех основных причин завершения деятельности предпринимателями. Оцениваются удельные веса численности предпринимателей, окончивших работу по различным причинам, в общем количестве предпринимателей.

Методы и материалы

Проблема завершения предпринимателями своей деятельности представляется наименее изученной в теории современного предпринимательства [20; 21]. В ряде публикаций рассмотрены отдельные аспекты этой проблемы. В частности, в статье Е. Цефис и О. Марсили описан процесс завершения деятельности предпринимателями путем продажи созданных ими фирм. При этом человек, продавая созданное предприятие, получает взамен денежные средства [22]. Зачастую указанный метод используется предпринимателями, работающими на нишевых рынках. В работе Я. Динитчина и П. Пикула отмечено, что в этом случае предприниматель может продать конкурентам свою фирму со значительной премией [23]. Для многих предпринимателей, желающих минимизировать свой риск в будущем, продажа является весьма актуальной, поскольку позволяет превратить затраты своего труда и интеллекта в конкретные доходы [24; 25]. По мнению Д. Кумминга, этот вариант представляется достаточно прибыльным при выборе решения о продолжении или завершении деятельности предпринимателем [26]. Помимо этого, исследуется такой вариант окончания предпринимательской деятельности, как передача созданной фирмы членам семьи (зачастую детям) [27–29]. Как продажа фирмы, так и передача ее членам семьи связаны с т. н. положительными причинами завершения предпринимателями деятельности. К этому же варианту может быть отнесен выход предпринимателей на пенсию, о чем указывают Д. Р. Детьен и М. С. Кардон [30].

Существует значительное количество предпринимателей, которые завершают свою деятельность в связи с воздействием негативных причин, подразделяющихся на внешние и внутренние. Первые обусловлены глобальными и локальными кризисными явлениями в национальных экономиках [31], изменениями в институциональной сфере и проблемами на рынках сбыта товаров и услуг, производимых предпринимателями [24; 32]. Ко вторым исследователи относят трудности реализации поставленных целей [33], сложности управления производственными процессами [34; 35], нехватку финансовых средств [36], а также низкую эффективность производства [37].

С учетом вышеуказанного рассматривались три варианта завершения предпринимателями своей деятельности. Исследование основывалось на оценке четырех показателей, описывающих прекращение предпринимательской деятельности.

Исходными данными являлись результаты опросов предпринимателей по 39 странам о причинах завершения ими своей деятельности в 2020 г. Эти страны расположены в Европе, Азии, Африке, Латинской и Северной Америке. Результаты опросов приведены в отчете по проекту Глобального мониторинга предпринимательства[2]. Опрошено почти 140 тыс. человек, в каждой из стран получены ответы не менее чем 2 тыс. респондентов.

Исследование включало пять этапов:

1) формирование массива эмпирических данных – мнений предпринимателей о причинах завершения ими своей деятельности;
2) разработка экономико-математических моделей, описывающих распределение значений показателей по рассматриваемым странам;
3) определение средних значений показателей по всем странам, расчет диапазонов изменения значений показателей в большинстве стран;

[2] Bosma N., Hill S., Ionescu-Somers A., Kelley D., Guerrero M., Schott T. Global Entrepreneurship Monitor. 2020 / 2021 Global Report. London: Global Entrepreneurship Research Association, London Business School, 2021. 214 p.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-418-426

4) выполнение компаративного анализа, направленного на установление перечня стран с минимальными и максимальными величинами показателей;
1) сопоставление средних значений показателей по России и зарубежным странам.

В процессе исследования проводилось тестирование следующих гипотез:

- в 2020 г. существенную роль при завершении предпринимательской деятельности сыграли негативные последствия пандемии коронавирусной инфекции;
- значения показателей, характеризующих каждую из четырех основных причин завершения деятельности предпринимателями, имели существенную дифференциацию по разным странам;
- как максимальные, так и минимальные значения показателей не связаны с территориальным положением стран, в которых работали эти предприниматели;
- как максимальные, так и минимальные значения показателей не связаны с уровнем доходов населения в странах, в которых работали эти предприниматели.

Экономико-математические модели представляли собой функции плотности нормального распределения. В статье использован оригинальный авторский методический подход к разработке таких функций, подробно описанный в других работах автора [38–40]. Полученные функции позволяют без дополнительных расчетов определить не только средние значения показателей по рассматриваемым странам, но и величины стандартных отклонений по каждой из разработанных функций. Интервалы, в которых находятся значения показателей по большинству (68 %) государств, рассчитываются следующим образом: нижние границы интервалов равны разнице между средними значениями показателей и соответствующими стандартными отклонениями; верхние границы интервалов равны сумме средних значений и стандартных отклонений.

Результаты

В процессе экономико-математического моделирования на основе эмпирических данных были построены функции (y_1, y_2, y_3, y_4), описывающие плотности нормального распределения каждого из четырех рассматриваемых показателей (x_1,%; x_2,%; x_3,%; x_4,%):

1) доля предпринимателей, завершивших деятельность по позитивным причинам, в общей численности предпринимателей (показатель 1), %:

$$y_1(x_1) = \frac{234,08}{8,93 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{\frac{-(x_1-16,65)^2}{2\times 8,93^2}} \quad (1)$$

5) доля предпринимателей, завершивших деятельность по негативным причинам, не связанным с пандемией COVID-19, в общей численности предпринимателей (показатель 2), %:

$$y_2(x_2) = \frac{390,04}{16,49 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{\frac{-(x_2-56,33)^2}{2\times 16,49^2}} \quad (2)$$

6) доля предпринимателей, завершивших деятельность по негативным причинам, обусловленным пандемией COVID-19, в общей численности предпринимателей (показатель 3), %:

$$y_3(x_3) = \frac{417,86}{17,87 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{\frac{-(x_3-27,85)^2}{2\times 17,87^2}} \quad (3)$$

7) соотношение долей предпринимателей, завершивших деятельность в связи с негативными причинами, обусловленными пандемией COVID-19 и не связанными с ней (показатель 4):

$$y_4(x_4) = \frac{13,65}{0,45 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{\frac{-(x_4-0,54)^2}{2\times 0,45^2}} \quad (4)$$

Проверка качества функций на основе критериев Шапиро-Уилка, Пирсона и Колмогорова-Смирнова показала, что они хорошо аппроксимируют эмпирические данные. Построенные функции позволили определить значения показателей, описывающих различные причины завершения предпринимателями своей деятельности, по 39 странам. Средние значения по странам и интервалы, в которых находятся значения показателей по большинству государств, представлены в табл. 1.

Табл. 1. Значения показателей, характеризующих причины завершения предпринимателями своей деятельности в 2020 г.
Tab. 1. Indicators that characterize the reasons for terminating business activities, 2020

Показатель	Средние величины	Значения по большинству стран
1	15,65	6,72–24,58
2	56,33	39,84–72,82
3	27,85	9,98–45,72
4	0,54	0,09–0,99

Относительно небольшая доля (менее 16 %) предпринимателей, завершивших в 2020 г. свою деятельность, сделала это по положительным причинам. То есть примерно каждый шестой предприниматель окончил деятельность в связи с продажей бизнеса, передачей его членам семьи или выходом на пенсию. Абсолютное большинство (более 84 %) предпринимателей завершило деятельность по негативным причинам. Соответственно, пять из каждых шести предпринимателей указали на негативный характер причин, обусловивших завершение их деятельности. При этом более 56 % предпринимателей, указавших на негативные причины завершения деятельности, не связывали свои решения с последствиями пандемии COVID-19. Вместе с тем, более четверти (почти 28 %) предпринимателей в качестве основной причины окончания своей деятельности указали негативные последствия глобального экономического кризиса, обусловленного коронавирусной инфекцией. Некоторые предприниматели не смогли точно указать причину завершения

своей деятельности, поэтому сумма значений показателей 1–3 меньше 100 %. Таким образом, гипотеза о последствиях пандемии как одной из основных причин завершения предпринимателями деятельности подтвердилась.

Для проверки гипотезы о дифференциации показателей по государствам проведен анализ размаха вариации каждого из показателей, представленных в табл. 2. Определены индексы вариации по каждому из показателей: показатель 1 – 57 %; показатель 2 – 29 %; показатель 3 – 64 %; показатель 4 – 83 %. Значения индексов вариации показали наличие существенной дифференциации по странам всех четырех показателей. Следовательно, вторая гипотеза получила подтверждение.

Табл. 2. Страны с максимальными и минимальными значениями показателей в 2020 г.

Tab. 2. Countries with maximal and minimal values of indicators, 2020

Показатель	Страны	Географическое положение	Доходы населения
1	*max*		
	Люксембург – 53,85 %	Европа	Высокие
	Швеция – 35,48 %		
	Нидерланды – 31,37 %		
	Норвегия – 30,00 %		
	Германия – 25,00 %		
	Словения – 37,50 %		Средние
	Канада –26,74 %	Северная Америка	Высокие
	min		
	Кувейт – 5,65 %	Азия	Высокие
	Казахстан – 4,79 %		Средние
	Индия – 4,26 %		Низкие
	Того – 5,38 %	Африка	Низкие
	Марокко – 5,00 %		
	Панама – 4,65 %	Латинская Америка	Высокие
	Гватемала – 6,25 %		Средние
2	*max*		
	Италия – 80,00 %	Европа	Высокие
	Республика Корея – 86,49 %	Азия	Высокие
	Израиль – 82,93 %		
	Тайвань – 73,33 %		
	Казахстан – 80,84 %		Средние
	Иран – 82,93 %		Низкие
	Буркина Фасо – 78,57 %	Африка	Низкие
	Марокко – 73,33 %		
2	*min*		
	Люксембург – 34,62 %	Европа	Высокие
	Польша – 29,41 %		
	Кувейт – 33,87 %	Азия	Высокие
	Саудовская Аравия – 25,00 %		
	Индия – 36,17 %		Низкие
	Чили – 35,63 %	Латинская Америка	Высокие
	Панама – 31,78 %		
	Колумбия – 35,63 %		Средние
3	*max*		
	Польша – 50,00 %	Европа	Высокие
	Саудовская Аравия – 60,87 %	Азия	Высокие
	Кувейт – 59,68 %		
	Индия – 61,70 %		Низкие
	Того – 49,46 %	Африка	Низкие
	Панама – 63,57 %	Латинская Америка	Высокие
	Чили – 57,47 %		
	Колумбия – 45,98 %		Средние
	min		
	Швеция – 9,68 %	Европа	Высокие
	Норвегия – 5,00 %		
	Республика Корея – 8,11 %	Азия	Высокие
	Тайвань – 6,67 %		
	Израиль – 4,88 %		
	Иран – 5,00 %		Низкие
4	*max*		
	Польша – 1,70	Европа	Высокие
	Кипр – 1,08		
	Саудовская Аравия – 2,43	Азия	Высокие
	Кувейт – 1,76		
	Индия – 1,71		Низкие
	Панама – 2,00	Латинская Америка	Высокие
	Чили – 1,61		
	Колумбия – 1,29		Средние
	min		
	Норвегия – 0,07	Европа	Высокие
	Республика Корея – 0,08	Азия	Высокие
	Тайвань – 0,08		
	Израиль – 0,06		
	Иран – 0,05		Низкие

Четвертый этап был связан с выделением групп стран с минимальными и максимальными значениями показателей, подразделением выявленных стран по их территориальному положению и уровню доходов населения (табл. 2). При этом к максимальным и минимальным относятся значения, соответственно превышающие верхние границы и меньшие нижних границ диапазонов, продемонстрированных в третьем столбце табл. 1.

Анализ информации по территориальному расположению государств показал, что страны с максимальными и минимальными значениями показателей расположены в различных частях света и характеризуются разными значениями доходов населения. Таким образом, третья и четвертая гипотезы получили свое подтверждение.

Сравнение значений показателей по зарубежным странам и России показало следующее:

- показатель 1 в России составил 21,21 %, что существенно (в 1,3 раза) выше среднего значения по другим странам;
- показатель 2 в России составил 51,52 %, что значительно (в 1,1 раза) меньше среднего значения по другим странам;
- показатель 3 в России составил 27,27 %, что почти совпадает со средним значением по другим странам;
- показатель 4 в России составил 0,53, что существенно не отличается от среднего значения по другим странам.

Приведенные данные показывают, что в России большинство показателей имеют значения, схожие с другими странами. Единственное отличие связано с положительными причинами завершения деятельности. Соответствующее значение показателя по России примерно на треть выше, чем в зарубежных странах.

Заключение

В статье приведены итоги исследования причин завершения деятельности предпринимателями в 39 странах в 2020 г. Цель исследования, заключавшаяся в оценке причин этого явления в современных национальных экономиках, достигнута. Авторский вклад, обладающий научной новизной и оригинальностью, заключается в следующем:

1. Предложен и реализован методический подход к оценке распределения по странам значений четырех показателей, характеризующих различные причины завершения предпринимателями своей деятельности с использованием функций плотности нормального распределения.
2. Доказано, что большинство (56,3 %) предпринимателей, завершивших деятельность, сделало это по негативным причинам, однако не связанным с пандемией COVID-19.
3. Определено, что более четверти (почти 28 %) завершивших деятельность предпринимателей вынуждены были сделать это в связи с негативными последствиями пандемии.
4. Показано, что позитивные причины окончания деятельности отмечались в 2020 г. только у каждого шестого из предпринимателей, прекративших работу.
5. Выявлено, что значения каждого из четырех показателей имели существенные различия по странам.
6. Составлены перечни стран с максимальными и минимальными значениями показателей.
7. Установлено, что страны с максимальными и минимальными значениями показателей расположены в разных частях света и характеризуются различными величинами доходов населения.

Результаты исследования обладают теоретическим и практическим значением для правительств, предпринимателей и экономически активного населения. Представленный в статье методический подход может быть использован для оценки влияния пандемии COVID-19 на показатели завершения предпринимателями своей деятельности в 2021 г. Поскольку рассматривались данные о завершении предпринимателями своей деятельности в 39 странах, имели место ограничения, связанные с отсутствием информации по остальным странам. Дальнейшие исследования могут быть связаны с оценкой последствий пандемии в 2021 г.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Lattacher W., Wdowiak M. A. Entrepreneurial learning from failure. A systematic review // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2020. Vol. 26. № 5. P. 1093–1131. https://doi.org/10.1108/IJEBR-02-2019-0085
2. He V. F., Sirén C., Singh S., Solomon G., Krogh G. von. Keep calm and carry on: emotion regulation in entrepreneurs' learning from failure // Entrepreneurship Theory and Practice. 2018. Vol. 42. № 4. P. 605–630. https://doi.org/10.1177/1042258718783428
3. Espinoza-Benavides J., Díaz D. The entrepreneurial profile after failure // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2019. Vol. 25. № 8. P. 1634–1651. https://doi.org/10.1108/IJEBR-04-2018-0242
4. Ucbasaran D., Westhead P., Wright M., Flores M. The nature of entrepreneurial experience, business failure and comparative optimism // Journal of Business Venturing. 2010. Vol. 25. № 6. P. 541–555. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2009.04.001
5. Singh S., Corner P. D., Pavlovich K. Failed, not finished: a narrative approach to understanding venture failure stigmatization // Journal of Business Venturing. 2015. Vol. 30. № 1. P. 150–166. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2014.07.005

6. Yamakawa Y., Peng M. W., Deeds D. L. Rising from the ashes: cognitive determinants of venture growth after entrepreneurial failure // Entrepreneurship Theory and Practice. 2015. Vol. 39. № 2. P. 209–236. https://doi.org/10.1111/etap.12047
7. Jenkins A., McKelvie A. What is entrepreneurial failure? Implications for future research // International Small Business Journal. 2016. Vol. 34. № 2. P. 176–188. https://doi.org/10.1177/0266242615574011
8. Cucinotta D., Vanelli M. WHO declares COVID-19 a pandemic // Acta Biomed. 2020. Vol. 91. № 1. P. 157–160. https://doi.org/10.23750/abm.v91i1.9397
9. Носачевская Е. А. Об актуальных вопросах развития российской экономики с учетом последствий пандемии коронавируса COVID-19 // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 7-4. С. 235–239.
10. Martin A., Markhvida M., Hallegatte S., Walsh B. Socio-economic impacts of COVID-19 on household consumption and poverty // Economics of Disasters and Climate Change. 2020. Vol. 4. № 3. P. 453–479. https://doi.org/10.1007/s41885-020-00070-3
11. Murakami E., Shimizutani S., Yamada E. Projection of the effects of the COVID-19 pandemic on the welfare of remittance-dependent households in the Philippines // Economics of Disasters and Climate Change. 2021. Vol. 5. № 1. P. 97–110. https://doi.org/10.1007/s41885-020-00078-9
12. Fuente A. de la. The economic consequences of Covid in Spain and how to deal with them // Applied Economic Analysis. 2021. Vol. 29. № 85. P. 90–104. https://doi.org/10.1108/AEA-11-2020-0158
13. Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C., Kerwan A., Al-Jabir A., Iosifidis C., Agha M., Agha R. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): a review // International Journal of Surgery. 2020. Vol. 78. P. 185–193. https://doi.org/10.1016/j.ijsu.2020.04.018
14. Siche R. What is the impact of COVID-19 disease on agriculture? // Scientia Agropecuaria. 2020. Vol. 11. № 1. P. 3–6. http://dx.doi.org/10.17268/sci.agropecu.2020.01.00
15. Головнин М. Ю., Никитина С. А. Каналы воздействия пандемии COVID-19 на экономику России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 9–23. http://dx.doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10053
16. Buheji M., Cunha K. da C., Godfred B., Mavrić B., Souza Y. L. do C. de, Silva S. S. da C., Hanafi M., Yein T. C. The extent of COVID-19 pandemic socio-economic impact on global poverty. A global integrative multidisciplinary review // American Journal of Economics. 2020. Vol. 10. № 4. P. 213–224. http://dx.doi.org/10.5923/j.economics.20201004.02
17. Adam N. A., Alarifi G. Innovation practices for survival of small and medium enterprises (SMEs) in the COVID-19 times: the role of external support // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2021. Vol. 10. № 15. P. 1–22. https://doi.org/10.1186/s13731-021-00156-6
18. Crane L. D., Decker R. A., Flaaen A., Hamins-Puertolas A., Kurz C. Business exit during the COVID-19 pandemic: non-traditional measures in historical context // Finance and Economics Discussion Series 2020-089. 2021. 58 p. https://doi.org/10.17016/FEDS.2020.089r1
19. Vitenu-Sackey P. A., Barfi R. The impact of Covid-19 pandemic on the global economy: emphasis on poverty alleviation and economic growth // The Economics and Finance Letters. 2021. Vol. 8. № 1. P. 32–43. https://doi.org/10.18488/journal.29.2021.81.32.43
20. Peters B. Early exits: exit strategies for entrepreneurs and angel investors (but maybe not venture capitalists). Vancouver: Meteor Bytes Data Management Corp., 2009. 195 p.
21. DeTienne D. R. Entrepreneurial exit as a critical component of the entrepreneurial process: theoretical development // Journal of Business Venturing. 2010. Vol. 25 № 2. P. 203–215. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2008.05.004
22. Cefis E., Marsili O. Born to flip. Exit decisions of entrepreneurial firms in high-tech and low-tech industries // Journal of Evolutionary Economics. 2011. Vol. 21. № 3. P. 473–498. https://doi.org/10.1007/s00191-010-0210-4
23. Deenitchin I., Pikul P. Entrepreneurship: how to design growth and exit strategy // Economics and Business Review EBR. 2005. Vol. 5. № 2. P. 25–43.
24. Wennberg K. J., DeTienne D. R. What do we really mean when we talk about 'exit'? A critical review of research on entrepreneurial exit // International Small Business Journal. 2014. Vol. 32. № 1. P. 4–16. https://doi.org/10.1177/0266242613517126
25. Con Foo H. R. E., Breen J. P. Successful exit processes of SMEs in Australia // SEAANZ 2009: Proc. 22nd annual Conf. of the Small Enterprise Association of Australia and New Zealand (Wellington, 31 Aug – 2 Sep 2009) Wellington: Massey University, 2009. 28 p.
26. Cumming D. Contracts and exits in venture capital finance // The Review of Financial Studies. 2008. Vol. 21. № 5. P. 1947–1982. https://doi.org/10.1093/rfs/hhn072
27. Teeffelen L. van, Uhlaner L. M. Firm resource characteristics and human capital as predictors of exit choice: an exploratory study of SMEs // Entrepreneurship Research Journal. 2013. Vol. 3. № 1. P. 84–108. https://doi.org/10.1515/erj-2012-0008
28. Marjański A., Sułkowski Ł. The evolution of family entrepreneurship in Poland: main findings based on surveys and interviews from 2009–2018 // Entrepreneurial Business and Economics Review. 2019. Vol. 7. № 1. P. 95–116. https://doi.org/10.15678/EBER.2019.070106

29. Sharma P., Chrisman J. J., Chua J. H. Predictors of satisfaction with the succession process in family firms // Journal of Business Venturing. 2003. Vol. 18. № 5. P. 667–687. https://doi.org/10.1016/S0883-9026(03)00015-6
30. DeTienne D. R., Cardon M. S. Impact of founder experience on exit intentions // Small Business Economics. 2012. Vol. 38. № 4. P. 351–374. https://doi.org/10.1007/s11187-010-9284-5
31. Egeln J., Falk U., Heger D., Höwer D., Metzger G. Ursachen für das scheitern junger unternehmen in den ersten fünf jahren ihres bestehens // EconStor. 2010. 110 p.
32. Aldrich H. E. Perpetually on the eve of destruction? Understanding exits in capitalist societies at multiple levels of analysis // Research Handbook of Entrepreneurial Exit / eds. D. R. DeTienne, K. J. Wennberg. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 11–41. https://doi.org/10.4337/9781782546979
33. Stokes D., Blackburn R. A. Learning the hard way: the lessons of owner-managers who have closed their businesses // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2002. Vol. 9. № 1. P. 17–27. https://doi.org/10.1108/14626000210419455
34. Parastuty Z., Breitenecker R. J., Schwarz E. J., Harms R. Exploring the reasons and ways to exit: the entrepreneur perspective // Contemporary Entrepreneurship: Multidisciplinary Perspectives on Innovation and Growth / eds. D. Bögenhold, J. Bonnet, M. Dejardin, D. G. P. de Lema. Cham: Springer, 2016. P. 159–172. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28134-6_10
35. Cardon M. S., Stevens C. E., Potter D. R. Misfortunes or mistakes? Cultural sensemaking of entrepreneurial failure // Journal of Business Venturing. 2011. Vol. 26. № 1. P. 79–92. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2009.06.004
36. Stokes D. R. Small Business Management. 4th ed. London: Continuum International Publishing Group, 2002. 413 p.
37. Ucbasaran D., Shepherd D. A., Lockett A., Lyon S. J. Life after business failure: the process and consequences of business failure for entrepreneurs // Journal of Management. 2013. Vol. 39. № 1. P. 163–202. https://doi.org/10.1177/0149206312457823
38. Пиньковецкая Ю. С. Моделирование показателей деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах с использованием функции плотности нормального распределения // Проблемы развития территории. 2015. № 6. С. 93–107.
39. Pinkovetskaia Iu. S., Nuretdinova Yu. V., Nuretdinov I. G., Lipatova N. N. Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution // Revista de la Universidad del Zulia. 2021. Vol. 12. № 33. P. 34–49. http://dx.doi.org/10.46925//rdluz.33.04
40. Пиньковецкая Ю. С. Гендерные различия предпринимателей, специализирующихся на торговле и информационных технологиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 2. С. 248–255. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-2-248-255

original article

Assessment of the Reasons for the Termination of Entrepreneurial Activity: Data for Various Countries in 2020

Iuliia S. Pinkovetskaia
Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk; judy54@yandex.ru

Received 19 Jul 2021. Accepted after peer review 15 Sep 2021. Accepted 20 Sep 2021.

Abstract: The research featured the issue of business termination. The COVID-19 pandemic hit small and medium-sized businesses all over the world. The research objective was to assess various economic indicators in order to explain why entrepreneurs had to abandon their business in 2020. The study was based on the economic and mathematical models that represent the functions of normal distribution. The author analyzed the opinions of entrepreneurs from 39 countries, who were asked to explain why they had to give up their business. The survey was part of the Global Monitoring of Entrepreneurship. The analysis revealed four indicators that determined the positive and negative reasons for the entrepreneurs to stop their business activities. The article introduces some new information about the impact of the COVID-19 pandemic on this process. Most entrepreneurs (56.3 %) gave up their business for some pandemic-unrelated negative reasons. A quarter of them (28 %) were forced to close their businesses due to the negative consequences of the pandemic. Only one-sixth of the participants terminated their business activities for a positive reason. Further research will assess the consequences of the pandemic in 2021.
Keywords: entrepreneurship, exit from business, Covid-19 pandemic, survey of entrepreneurs, Global Monitoring of Entrepreneurship, normal distribution functions

 © 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Citation: Pinkovetskaia Iu. S. Assessment of the Reasons for the Termination of Entrepreneurial Activity: Data for Various Countries in 2020. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 418–426. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-418-426

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Lattacher W., Wdowiak M. A. Entrepreneurial learning from failure. A systematic review. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2020, 26(5): 1093–1131. https://doi.org/10.1108/IJEBR-02-2019-0085
2. He V. F., Sirén C., Singh S., Solomon G., Krogh G. von. Keep calm and carry on: emotion regulation in entrepreneurs' learning from failure. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2018, 42(4): 605–630. https://doi.org/10.1177/1042258718783428
3. Espinoza-Benavides J., Díaz D. The entrepreneurial profile after failure. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2019, 25(8): 1634–1651. https://doi.org/10.1108/IJEBR-04-2018-0242
4. Ucbasaran D., Westhead P., Wright M., Flores M. The nature of entrepreneurial experience, business failure and comparative optimism. *Journal of Business Venturing*, 2010, 25(6): 541–555. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2009.04.001
5. Singh S., Corner P. D., Pavlovich K. Failed, not finished: a narrative approach to understanding venture failure stigmatization. *Journal of Business Venturing*, 2015, 30(1): 150–166. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2014.07.005
6. Yamakawa Y., Peng M. W., Deeds D. L. Rising from the ashes: cognitive determinants of venture growth after entrepreneurial failure. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2015, 39(2): 209–236. https://doi.org/10.1111/etap.12047
7. Jenkins A., McKelvie A. What is entrepreneurial failure? Implications for future research. *International Small Business Journal*, 2016, 34(2): 176–188. https://doi.org/10.1177/0266242615574011
8. Cucinotta D., Vanelli M. WHO declares COVID-19 a pandemic. *Acta Biomed*, 2020, 91(1): 157–160. https://doi.org/10.23750/abm.v91i1.9397
9. Nosachevskaya E. A. On topical issues of development of the Russian economy taking into account the consequences of the COVID-19 coronavirus pandemic. *Evraziiskoe Nauchnoe Obedinenie*, 2020, (7-4): 235–239. (In Russ.)
10. Martin A., Markhvida M., Hallegatte S., Walsh B. Socio-economic impacts of COVID-19 on household consumption and poverty. *Economics of Disasters and Climate Change*, 2020, 4(3): 453–479. https://doi.org/10.1007/s41885-020-00070-3
11. Murakami E., Shimizutani S., Yamada E. Projection of the effects of the COVID-19 pandemic on the welfare of remittance-dependent households in the Philippines. *Economics of Disasters and Climate Change*, 2021, 5(1): 97–110. https://doi.org/10.1007/s41885-020-00078-9
12. Fuente A. de la. The economic consequences of Covid in Spain and how to deal with them. *Applied Economic Analysis*, 2021, 29(85): 90–104. https://doi.org/10.1108/AEA-11-2020-0158
13. Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C., Kerwan A., Al-Jabir A., Iosifidis C., Agha M., Agha R. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): a review. *International Journal of Surgery*, 2020, 78: 185–193. https://doi.org/10.1016/j.ijsu.2020.04.018
14. Siche R. What is the impact of COVID-19 disease on agriculture? *Scientia Agropecuaria*, 2020, 11(1): 3–6. http://dx.doi.org/10.17268/sci.agropecu.2020.01.00
15. Golovnin M. Yu., Nikitina S. A. Channels of impact of the COVID-19 pandemic on Russia's economy. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2020, (5): 9–23. http://dx.doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10053
16. Buheji M., Cunha K. da C., Godfred B., Mavrić B., Souza Y. L. do C. de, Silva S. S. da C., Hanafi M., Yein T. C. The extent of COVID-19 pandemic socio-economic impact on global poverty. A global integrative multidisciplinary review. *American Journal of Economics*, 2020, 10(4): 213–224. http://dx.doi.org/10.5923/j.economics.20201004.02
17. Adam N. A., Alarifi G. Innovation practices for survival of small and medium enterprises (SMEs) in the COVID-19 times: the role of external support. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2021, 10(15): 1–22. https://doi.org/10.1186/s13731-021-00156-6
18. Crane L. D., Decker R. A., Flaaen A., Hamins-Puertolas A., Kurz C. Business exit during the COVID-19 pandemic: non-traditional measures in historical context. *Finance and Economics Discussion Series 2020-089*, 2021, 58. https://doi.org/10.17016/FEDS.2020.089r1
19. Vitenu-Sackey P. A., Barfi R. The impact of Covid-19 pandemic on the global economy: emphasis on poverty alleviation and economic growth. *The Economics and Finance Letters*, 2021, 8(1): 32–43. https://doi.org/10.18488/journal.29.2021.81.32.43
20. Peters B. *Early exits: exit strategies for entrepreneurs and angel investors (but maybe not venture capitalists)*. Vancouver: Meteor Bytes Data Management Corp., 2009, 195.

21. DeTienne D. R. Entrepreneurial exit as a critical component of the entrepreneurial process: theoretical development. *Journal of Business Venturing*, 2010, 25(2): 203–215. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2008.05.004
22. Cefis E., Marsili O. Born to flip. Exit decisions of entrepreneurial firms in high-tech and low-tech industries. *Journal of Evolutionary Economics*, 2011, 21(3): 473–498. https://doi.org/10.1007/s00191-010-0210-4
23. Deenitchin I., Pikul P. Entrepreneurship: how to design growth and exit strategy. *Economics and Business Review EBR*, 2005, 5(2): 25–43.
24. Wennberg K. J., DeTienne D. R. What do we really mean when we talk about 'exit'? A critical review of research on entrepreneurial exit. *International Small Business Journal*, 2014, 32(1): 4–16. https://doi.org/10.1177/0266242613517126
25. Con Foo H. R. E., Breen J. P. Successful exit processes of SMEs in Australia. *SEAANZ 2009*: Proc. 22nd annual Conf. of the Small Enterprise Association of Australia and New Zealand, Wellington, 31 Aug – 2 Sep 2009. Wellington: Massey University, 2009, 28.
26. Cumming D. Contracts and exits in venture capital finance. *The Review of Financial Studies*, 2008, 21(5): 1947–1982. https://doi.org/10.1093/rfs/hhn072
27. Teeffelen L. van, Uhlaner L. M. Firm resource characteristics and human capital as predictors of exit choice: an exploratory study of SMEs. *Entrepreneurship Research Journal*, 2013, 3(1): 84–108. https://doi.org/10.1515/erj-2012-0008
28. Marjański A., Sułkowski Ł. The evolution of family entrepreneurship in Poland: main findings based on surveys and interviews from 2009–2018. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 2019, 7(1): 95–116. https://doi.org/10.15678/EBER.2019.070106
29. Sharma P., Chrisman J. J., Chua J. H. Predictors of satisfaction with the succession process in family firms. *Journal of Business Venturing*, 2003, 18(5): 667–687. https://doi.org/10.1016/S0883-9026(03)00015-6
30. DeTienne D. R., Cardon M. S. Impact of founder experience on exit intentions. *Small Business Economics*, 2012, 38(4): 351–374. https://doi.org/10.1007/s11187-010-9284-5
31. Egeln J., Falk U., Heger D., Höwer D., Metzger G. *Ursachen für das scheitern junger unternehmen in den ersten fünf jahren ihres bestehens*. EconStor, 2010, 110.
32. Aldrich H. E. Perpetually on the eve of destruction? Understanding exits in capitalist societies at multiple levels of analysis. *Research Handbook of Entrepreneurial Exit*, eds. DeTienne D. R., Wennberg K. J. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2015, 11–41. https://doi.org/10.4337/9781782546979
33. Stokes D., Blackburn R. A. Learning the hard way: the lessons of owner-managers who have closed their businesses. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2002, 9(1): 17–27. https://doi.org/10.1108/14626000210419455
34. Parastuty Z., Breitenecker R. J., Schwarz E. J., Harms R. Exploring the reasons and ways to exit: the entrepreneur perspective. *Contemporary Entrepreneurship: Multidisciplinary Perspectives on Innovation and Growth*, eds. Bögenhold D., Bonnet J., Dejardin M., Lema D. G. P. de. Cham: Springer, 2016, 159–172. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28134-6_10
35. Cardon M. S., Stevens C. E., Potter D. R. Misfortunes or mistakes? Cultural sensemaking of entrepreneurial failure. *Journal of Business Venturing*, 2011, 26(1): 79–92. https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2009.06.004
36. Stokes D. R. *Small Business Management*, 4th ed. London: Continuum International Publishing Group, 2002, 413.
37. Ucbasaran D., Shepherd D. A., Lockett A., Lyon S. J. Life after business failure: the process and consequences of business failure for entrepreneurs. *Journal of Management*, 2013, 39(1): 163–202. https://doi.org/10.1177/0149206312457823
38. Pinkovetskaia Iu. S. Modeling the performance of small and medium entrepreneurship in regions by using density function of normal distribution. *Problemy razvitiya territorii*, 2015, (6): 93–107. (In Russ.)
39. Pinkovetskaia Iu. S., Nuretdinova Yu. V., Nuretdinov I. G., Lipatova N. N. Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution. *Revista de la Universidad del Zulia*, 2021, 12(33): 34–49. http://dx.doi.org/10.46925//rdluz.33.04
40. Pinkovetskaia Iu. S. Gender differences in business structures operating in trade, information and communication services. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2021, 6(2): 248–255. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-2-248-255

оригинальная статья

К вопросу значимости формирования структуры финансирования программ корпоративной социальной ответственности

Олег Олегович Чудинов
Сибирский юридический институт МВД России, Россия, г. Красноярск; https://orcid.org/0000-0002-8401-8456; shevo29@rambler.ru

Поступила в редакцию 18.08.2021. Принята после рецензирования 14.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: Анализируется такая концепция управления, как корпоративная социальная ответственность, раскрываются вопросы финансирования программ на практике. Отечественные исследования в области ответственного бизнеса посвящены преимущественно теоретической, а не практической плоскости. Вместе с тем успешная реализация социально ответственных практик и прибыль бизнес-структур напрямую зависит от распределения компанией ее финансовых ресурсов. Рассматривается вопрос финансирования практик корпоративной социальной ответственности, решение которого позволит коммерческим организациям устранить многие проблемы неэффективного или бессистемного расходования средств. Приведенный научный материал и представленные методы свидетельствуют о том, что в современных условиях ведения бизнеса наличие выверенных механизмов финансирования корпоративной социальной ответственности является объективной и экономически обусловленной необходимостью развития современного корпоративного управления. Поднимаются проблемы, касающиеся нехарактерной для отечественного бизнеса социальной и экологической деятельности. Дается авторский ответ на вопрос о том, насколько актуально наличие механизмов финансирования направлений, позволяющих разграничить систему корпоративной социальной ответственности от бессистемных трат экологической или социальной направленности и от разовых практик благотворительности или рекламных акций коммерческих структур.

Ключевые слова: ответственный бизнес, корпоративный менеджмент, корпорации, фонды, стейкхолдеры, финансовый механизм, финансовые инструменты, нефинансовая отчетность

Цитирование: Чудинов О. О. К вопросу значимости формирования структуры финансирования программ корпоративной социальной ответственности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 427–434. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-427-434

Введение

Одним из современных и наиболее перспективных направлений менеджмента является корпоративная социальная ответственность (КСО). Под такой концепцией управления подразумевается целая система различных механизмов и инструментов, учитывающих не только законодательно закрепленные формы ведения бизнеса, но и различные по направлениям добровольные обязательства. При этом под последним ошибочно понимать такие формы, как благотворительность, рекламные акции, личные предпочтения руководителей и т. п. Рассматривать КСО необходимо как детально выстроенную и направленную на долгосрочные результаты систему. В настоящее время под долгосрочными результатами КСО чаще всего понимают устойчивое развитие, включающее в себя три основных направления:

1) экономическое развитие (получение прибыли, рост капитализации компании, сокращение издержек, социально ответственное инвестирование, прозрачное ведение бизнеса, развитие честной конкуренции, противодействие коррупции, соблюдение прав собственности и др.);

2) социальный прогресс (соблюдение международных норм и этичное ведение бизнеса, повышение уровня качества и квалификации персонала, сохранение и повышение его трудового долголетия, обеспечение охраны труда на производстве, соблюдение прав человека, отсутствие дискриминации при найме на работу и развитии карьеры, качественный рост уровня жизни населения в целом, доступность здравоохранения и образования, поддержание культуры и традиций местного населения);

3) сохранение окружающей среды (снижение рисков или предотвращение загрязнения окружающей среды, развитие энерго- и ресурсосберегающих технологий, отказ от вредных технологий при производстве пищевых и продовольственных продуктов, снижение отходов при производстве, решение проблем потребления, сохранение природного и биологического разнообразия и пр.)[1].

Безусловно, каждое из данных направлений не воплощается в реальной жизни само по себе, а нуждается в систематическом и выверенном ресурсном обеспечении, в т. ч. финансовом. В таком случае, реализация социально

[1] ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. Утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29.11.2012 г. № 1611-ст // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1200097847 (дата обращения: 15.07.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-427-434

ответственных практик объективно нуждается в формировании структуры их финансирования, учитывающей ресурсы, возможности и приоритетные направления деятельности компании.

Под финансовыми ресурсами в рамках изучаемого вопроса предлагаем понимать денежные доходы корпорации, ее накопления и имеющиеся поступления, которые в дальнейшем используются для уплаты обязательных платежей, материального стимулирования персонала с целью наращивания темпов расширенного воспроизводства, социального и технологического развития и др. [1].

Структура финансирования социально ответственных программ определяется следующими элементами:

- финансовым планом корпорации, который в форме определенного документа отражает поступления и расходования денежных средств предприятия в рамках выбранного периода;
- финансовым механизмом, включающим в себя инструменты организации финансовых отношений, способы формирования и расходования финансовых ресурсов, а также секторально разделенным на страховой механизм, бюджетный механизм и т. п.;
- финансовым менеджментом, необходимым как для осуществления управления денежным оборотом, так и для эффективного использования находящихся в распоряжении организации финансовых ресурсов[2].

Обзор литературы

В целом вопросы содержания и реализации социальной ответственности бизнеса достаточно часто рассматриваются в отечественной и зарубежной научной литературе, им посвящены учебные пособия и методические материалы, они обсуждаются на тематических конференциях и широко представлены в нефинансовых отчетах корпораций.

Вместе с тем, в настоящее время крайне мало исследований посвящено рассмотрению механизмов финансирования практик социальной ответственности. По этой причине исследование КСО уходит все больше в теоретическую плоскость с рассмотрением либо отдельных примеров воплощения корпоративной ответственности в жизнь, либо ее отдельных инструментов (например, развитие корпоративных университетов для повышения уровня образования и компетенций персонала, раскисление почв агрокорпорациями для сохранения земель сельскохозяйственного назначения с дальнейшим отказом от химически вредных удобрений, внедрение новых стандартов качества производимой продукции с сохранением ее стоимости и возможностью переработки после использования и др.). О том, как должна выглядеть структура финансирования, необходимая для обслуживания указанных процессов и учитывающая важность сохранения экономической выгоды для предприятий, чаще всего не говорится.

Зависимость практик КСО от их финансирования рассматривается в работах Е. В. Поповой [2], посвященных финансовым инструментам развития социальной ответственности, Т. Н. Савиной [3; 4], рассматривающей ответственное финансирование как ключевой элемент практик социальной ответственности, К. А. Карсаковича [5], в исследовании которого уже сама ответственность бизнеса выступает в роли инструмента финансового обеспечения социальных проектов, Е. Е. Демидова и М. И. Николаевой[3], раскрывающих значение финансовых отчетов и финансовой прозрачности корпораций в реализации экологических и социальных программ, а также в опубликованной Внешэкономбанком работе «Корпоративная социальная ответственность. Новая философия бизнеса»[4]. Однако конкретные методики, схемы или механизмы финансовых потоков, которые могут быть взяты организациями в качестве руководства к практической деятельности, не рассматриваются.

Методы и материалы

В работе представлена структура финансирования практик социальной ответственности. За основу взяты не только финансовые и управленческие инструменты, но также системный и диалектические методы исследования. Кроме того, с учетом зарубежных исследований и мировых практик использован сравнительный метод.

Финансирование любых бизнес-процессов предполагает четко выраженную структуру определения финансовых источников, целевое использование которых должно быть направлено на получение различных выгод, главной из которых является прибыль.

К источникам финансирования в данном случае можно отнести:

- собственные средства: уставный капитал, добавочный капитал, резервный фонд, чистая прибыль, нераспределенная прибыль, амортизация, фонд накопления;
- заемные средства: кредиты банков, займы юридических и физических лиц, лизинг, факторинг;
- привлеченные средства: эмиссия акций, выпуск облигаций;
- поступления в порядке распределения: бюджетные субсидии, поступления от отраслевых структур [6].

Любая коммерческая компания стремится минимизировать оттоки финансовых средств, однако если предприятие решит придерживаться принципов КСО, то такие «традиции» финансового менеджмента должны

[2] Словарь терминов по курсу «Финансы, деньги и кредит» / сост. В. В. Блекус. Электроизолятор: ГГХПИ, 2011. 52 с.

[3] Демидов Е. Е., Николаева М. И. Корпоративная социальная ответственность: сообразим на троих // Корпоративный менеджмент. 28.09.2009. Режим доступа: http://www.cfin.ru/anticrisis/macroeconomics/government_program/csr.shtml (дата обращения: 16.07.2021).

[4] Корпоративная социальная ответственность. Новая философия бизнеса. М.: Внешэкономбанк, 2011. 56 с.

измениться. Ответственный бизнес предполагает проведение работ, на первый взгляд, снижающих максимальную прибыль и увеличивающих финансовые оттоки корпорации, включающие множество дополнительных расходов на социальные и экологические программы, персонал, повышение себестоимости выпускаемой продукции за счет роста ее качества и безопасности, помощь местному сообществу и пр. Тем не менее в долгосрочной перспективе при условии распределения расходов в соответствии со стратегическими целями это приносит компаниям существенную прибыль. Происходит это за счет повышения деловой репутации предприятия; разработок новых уникальных технологий, позволяющих снижать себестоимость выпускаемой продукции и расходы за использование энергоресурсов, повышать ресурсосбережение и продавать патенты и новые способы производства другим корпорациям; сохранения лояльности персонала и клиентов; роста капитализации компании посредством снижения различного рода техногенных и репутационных рисков; увеличения стоимости акций; привлечения новых инвесторов [7][5].

В качестве одного из примеров, подкрепляющих такие выводы, можно привести исследование, проведенное в 1997 г. организацией *Waddock* & *Graves* (США) на базе 22 компаний. Впоследствии его авторы С. Ваддок и С. Грейвз стали лауреатами премии *Milton Moskovitz Prize* «за подтверждение влияния корпоративной социальной ответственности на финансовые показатели предприятия» [8]. В результате было выявлено, что в течение 10 лет у организаций, работающих по принципам КСО, показатели экономической эффективности были выше, чем у предприятий, не реализующих практики социально ответственного ведения бизнеса. Например, *ROI* (доходность от инвестирования капитала) была выше на 9,8 %, а прибыль – на 63,5 % [9; 10].

В 1999 г. некоммерческая организация *Conference Board* подтвердила изложенные результаты, но уже своим собственным исследованием, заключавшемся в выявлении положительной связи между социальной активностью и доходами как капитала (*ROC*), так и акций (*ROE*) [11]. Кроме того, также в 1999 г. консалтинговой фирмой *Towers Perrin* (США) были предоставлены результаты похожих исследований, которые шли в течение 15 лет. Для эксперимента были выбраны 25 корпораций, а при анализе результатов от социально ответственного инвестирования консалтинговая компания использовала официальную информацию индекса репутации и социальной ответственности (*Fortune Reputational and Social Responsibility Index*) крупнейшего журнала *Fortune*, неофициальные сведения от различных инсайдеров и данные компании *Standart* & *Poor's*, проводящей аналитические исследования финансовых рынков. Установлено, что доходы от акций ответственных корпораций были почти в 2 раза выше в среднем по рынку [12]. В работе М. Орлицкого, Ф. Л. Шмидта и С. Л. Райнс приведены результаты 33878 наблюдений за 30 лет, также подтвердившие финансовую эффективность социально ответственной коммерческой деятельности [13].

С 1993 по 2010 гг. Гарвардская бизнес школа изучала социальные проекты 675 компаний, сопоставляя их с финансовыми отчетами. Результат: компании, вставшие на путь КСО, опережали другие коммерческие предприятия по всем значимым показателям. Выявлено, что показатели рабочей силы у ответственных компаний были выше на 37,9 %, а 1 доллар США, вложенный в 1993 г., принес в 2010 г. 7,1 доллара против 4 долларов у других корпораций, не использующих в своей деятельности социальные и экологические программы [14, с. 52–55].

Следовательно, четко выстроенная система финансирования практик КСО не только необходима, но и при эффективном использовании способствует значимым положительным результатам. При этом если такая работа не проводится, то вложенные в социальные или экологические программы средства будут расходоваться неэффективно и бессистемно, порождая новые управленческие проблемы или выстраивая тупики развития.

Результаты

Поскольку формирование структуры финансирования практик социальной ответственности подразумевает внедрение в общую финансовую систему корпорации и предполагает существование в единстве устойчивых взаимосвязей между ее элементами, то структура фондов финансирования программ КСО должна быть легко интегрирована в уже существующую финансовую систему корпорации.

Для обеспечения указанных интеграционных процессов мы возьмем за основу классическую структуру финансовых оттоков коммерческой компании и основные модели фондов, которые могут действовать на предприятии, дополнив их вышеизложенными основными направлениями КСО. Итак, структура финансирования практик социальной ответственности может выглядеть следующим образом (рис.).

В дополнение к схеме уточним, что для отечественных предприятий, только встающих на путь КСО, реализация финансирования подобных программ возможна не только со стороны бизнеса единолично, но и при частичном софинансировании государства. Однако это должно происходить при выполнении ряда условий, таких как важность социальных и экологических программ для региона, возможность создания новых рабочих мест, развитие инфраструктуры населенных пунктов и т. п. В таком случае выделение средств из муниципального,

[5] Балкененде Я. П. Бизнес и социальные ценности // Социальная ответственность бизнеса. 15.01.2016. Режим доступа: https://soc-otvet.ru/biznes-i-sotsialnye-tsennosti/ (дата обращения: 21.07.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-427-434

регионального и федерального бюджетов необходимо в первую очередь тем предприятиям, которые решают наиболее существенные проблемы социального (поддержка пенсионеров – бывшего персонала компании, повышение заработной платы и социальных гарантий для действующих сотрудников, ремонт и реконструкция медицинских, образовательных и социальных объектов и пр.) и экологического (снижение выбросов отравляющих веществ в атмосферу и водные объекты, защита лесных насаждений и ликвидация последствий пожаров, восстановление водных ресурсов) толка. Такая мера имеет место быть, поскольку в настоящий момент по объективным причинам ни бизнес, ни государство без совместной взаимопомощи не могут решить указанные проблемы, тем более в короткие сроки.

Рассматривая вопросы реализации КСО в России, отметим, что действующее законодательство не позволяет активно стимулировать корпорации к деятельности по развитию социальных и экологических практик, например, путем принуждения, и не имеет стимулирующих инструментов, позволяющих бизнесу привлекать в рамках механизма финансового обеспечения дополнительные ресурсы на системной основе.

Вместе с тем в развитых странах такая деятельность уже активно ведется. Например, в Великобритании была учреждена должность министра по корпоративной

Возможные финансовые оттоки корпорации в рамках КСО

Основные затраты:
- выплата заработной платы;
- платежи в бюджетные и внебюджетные фонды, выплаты процентов по кредитам и займам, платежи поставщикам, выплаты дивидендов.

Технологический и экологический блоки

Дополнительные производственные затраты:
- финансирования НИР и НИОКР, разработка и внедрение ресурсосберегающих технологий, экологические и природоохранные мероприятия в рамках производства, выделение средств фондам реконструкции и развития;
- снижение экологического следа (стремление к «нулевым» отходам, рекультивация земель), сохранение природного и биологического разнообразия на территории ведения бизнеса.

Социальный блок

Фонды социальной сферы:
- содержание объектов внепроизводственной инфраструктуры: дошкольных учреждений, жилищного фонда, медицинских, культурных, и спортивных сооружений, баз отдыха;
- ипотечные программы для молодых смей, молодых специалистов, ветеранов компании;
- антикризисные траты: обучение и развитие персонала, содержание и развитие корпоративного университета, улучшение условий труда с целью сохранения здоровья и продления трудового долголетия персонала, профессиональный отбор и профессиональная ориентация на ранних стадиях (в школе, техникуме, университете);
- материальная помощь членам трудового коллектива (например, в связи с рождением ребенка), выплата премий, оказание нематериальной помощи (например, юридические консультации), выделение средств фондам экстренной помощи (стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации, сложные жизненные ситуации персонала);
- оплата услуг сторонних организаций: путевки в санатории и на курорты, оформление полисов ДМС, оплата обучения персонала, аренда спортивных и культурно-просветительских учреждений, проведение корпоративных мероприятий, направленных на сплочение коллектива и формирование корпоративной культуры.

Работа с внешними стейкхолдерами:
- мониторинг мнения клиентов и партнеров по бизнесу;
- PR;
- поддержка культуры, спорта, образования, медицины;
- поддержка местного сообщества (коренных народов, жителей сел и моногородов, общественных организаций);
- развитие гражданского общества.

Создание благотворительного фонда (по решению трудового коллектива возможно его пополнение за счет определенной доли средств от заработка персонала).

Рис. Направления и структура фондов финансирования практик социальной ответственности
Fig. Direction and structure of funds that finance social responsibility practices

социальной ответственности (*Minister for corporate social responsibility*), в задачи которого входит разрешение обозначенных в статье вопросов и развитие способов стимулирования социальных и экологических практик при совместной деятельности государства и бизнеса [15, с. 6]. В Китае с 2008 г. действует Руководство по КСО, согласно которому все госпредприятия должны публиковать нефинансовую отчетность. Все компании Бразилии в том же 2008 г. начали получать государственную поддержку при условии, что будут раскрывать в своих отчетах информацию о экологических проектах и направлениях инвестирования [16, с. 329–330]. В Нидерландах премьер-министром Я. П. Балкененде совместно с Правительством страны был учрежден первый в стране национальный центр знаний в области корпоративной социальной ответственности «КСО. Нидерланды» (*CSR Netherlands*). Центр был создан с целью помощи голландским корпорациям по интеграции в свою основную деятельность принципов устойчивого развития. Интересно и то, что в этой стране темы устойчивого развития входят в школьную программу начальных классов[6]. Можно также отметить, что 2005 г. в Европейском Союзе был объявлен годом социальной ответственности [16].

Возвращаясь к вопросу финансирования программ КСО, важно отметить, что необходимым в обозначенных процессах является своевременное финансирование указанных направлений, которое не зависело бы от настроений или личных предпочтений ряда отдельных руководителей. В противном случае социальные и экологические практики из долгосрочных программ, направленных на экономический, технологический, репутационный или иной положительный эффект, ведущий к поступательному развитию корпораций, превратятся в несистемные траты или разовые PR-акции, не способные дать предприятию новых проектных и управленческих решений.

В таком случае одной из эффективных функций управления финансовыми потоками, в т. ч. направленных на программы КСО, могут стать современные способы контроля, среди которых выделим социальный аудит. Социальный аудит представляет собой способ оценки качества работы менеджеров компании и систему измерения уровня воздействия корпорации на общество. Такая работа необходима для достижения основной цели социального аудита – выявления путей повышения эффективности функционирования и улучшения стиля работы предприятия, а также измерения степени реализации КСО [17].

Механизм социального аудита устроен так, что с помощью его инструментов можно оценить формальные и неформальные правила поведения внутри предприятия, мнения стейкхолдеров, а также предложить условия функционирования, которые были бы благоприятны для усиления менеджмента качества и развития человеческих ресурсов. Кроме того, социальный аудит также, как и внутренний финансовый, требует понятной, строго определенной и ясной постановки критериев обследования, сведений о том, каких результатов стремится достичь организация, а также информации о мнении различных групп заинтересованных сторон, влияющих на работу и результаты деятельности бизнес-структуры [18, с. 116].

В общем виде технология проведения такого аудита включает в себя три основных стадии:

1) теоретическая – установление цели и объекта проверки, выявление внутренних и внешних связей в управлении предприятием;
2) методологическая – определение методов и средств получения информации, а также способов ее обработки и анализа;
3) процедурная – формирование плана устранения недостатков, включающего ряд определенных мероприятий с их делением на фазы, этапы и периоды реализации [19].

Таким образом, основной задачей проведения социального аудита является выявление несоответствий поведения корпорации (поведения ключевых наемных менеджеров корпорации или принятых ими управленческих решений) интересам основных участников корпоративных отношений (стейкхолдеров, к которым относятся владельцы предприятия, его работники, клиенты, бизнес-партнеры, контролирующие органы, представители будущего поколения и др.) [20]. Кроме того, при проведении социального аудита должна быть выявлена связь социально ответственного поведения с финансовыми результатами предприятия, которая показала бы, насколько эффективны те или иные решения.

Социальный аудит, как и обычный, направлен на повышение эффективности функционирования предприятия. Проведение такой независимой проверки может дать следующие положительные результаты:

1. Сократить операционные расходы.
2. Улучшить имидж и репутацию корпорации, которая по средним оценкам экспертов только на треть определяется рыночной стоимостью компании, а в остальном зависит от общественного мнения, популярности, безопасности производства, имеющихся технологий и похожих позиций.
3. Повысить лояльность клиентов и объемы сбыта.
4. Добиться лояльности сотрудников организации.
5. Увеличить мотивацию персонала.
6. Позволить быть более подготовленными к осуществлению контроля со стороны уполномоченных проверяющих органов.
7. Эффективнее использовать финансовые потоки и, как следствие, – увеличить финансовые показатели корпорации [21].

[6] Там же.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-427-434

Выступая одним из инструментов оценки практик реализации КСО, социальный аудит все же только частично дает представление о том, как организовывать и поддерживать эффективную систему корпоративной ответственности. Обусловливается это тем, что на практике не всегда понятно, какое из решений даст наибольший эффект. Отсюда только совмещение реальной практики, способов оценки, механизмов функционирования и финансирования социальных программ в совокупности с системой контроля и предложенной в работе схемой интеграции финансирования программ ответственного бизнеса может дать наиболее прогнозируемые и эффективные результаты.

Заключение

Представленная в работе схематичная модель по интеграции финансирования программ КСО в общую финансовую систему коммерческих предприятий может стать способом не только понятного и предсказуемого регулирования финансовых потоков компании, но эффективной мерой снижения нагрузки по системному введению на предприятии социально ответственных и экологических практик. Важность управления финансовыми процессами в области социальной ответственности не вызывает сомнений. Однако такая работа должна проводиться на системной основе и включать в себя три базовых компонента:

- наличие общей стратегии управления КСО с учетом специфики ведения бизнеса компании;
- формирование и корректировка структуры фондов финансирования практик социальной ответственности с учетом параллельного проведения социального аудита;
- взаимосвязь всех процессов обеспечения с системой мониторинга и прогнозирования экономических, социальных и экологических показателей, а также оценкой эффективности такой работы, в т. ч. с учетом оценки мнения не только внутренних (акционеров компании, персонал), но и внешних (потребителей, партнеров по бизнесу, местных жителей, органов власти и др.) сторон.

Предложенные в статье положения в части интеграции и управления финансовыми процессами, включающими в себя социальные и экологические компоненты, позволят максимально снизить нагрузку на введение в систему менеджмента предприятия программ КСО. Более того, процессы финансирования социально ответственных и экологических практик могут быть внедрены в стратегию развития не только отдельных корпораций, но и быть использованы в рамках государственно-частного партнерства с целью развития отдельных районов или даже целого региона, где ведут свою деятельность корпорации. На муниципальном и государственном уровнях многие территории в России используют социальные паспорта, которые уже стали привычным элементом аналитического материала органов власти. Их интеграция с программами финансирования КСО, осуществляющимися со стороны коммерческих предприятий, может стать еще одним способом развития территорий посредством государственно-частного партнерства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Мальцев В. А. Финансовое право. Ростов н/Д: Феникс, 2016. 426 с.
2. Попова Е. В. Инструментарий развития социальной ответственности промышленного предприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2015. 24 с.
3. Савина Т. Н. Ответственное финансирование как ключевая инициатива финансового сектора в практике реализации социальной ответственности и устойчивого развития // Финансы и кредит. 2014. № 30. С. 18–25.
4. Савина Т. Н. Концептуальные основы методологии исследования социально ответственного инвестирования // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 9. С. 52–62.
5. Карсакович К. А. Корпоративная социальная ответственность крупных компаний как инструмент финансового обеспечения социального обслуживания населения // Инновации и инвестиции. 2015. № 1. С. 24–28.
6. Хазалия И. Д. Управление и виды источников финансирования // Стратегии бизнеса. 2019. № 6. С. 3–6.
7. Анашкина Ю. А. Подходы к определению корпоративной социальной ответственности и ее роли в решении социальных проблем // Молодой ученый. 2009. № 9. С. 43–45.
8. Товма Н. А. Экономическая эффективность от внедрения элементов КСО в систему управления компанией // Вестник КазАТК. 2009. № 4. С. 239–246.
9. Waddock S. A., Graves S. B. The corporate social performance – financial performance link // Strategic Management Journal. 1997. Vol. 18. № 4. P. 303–319. https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-0266(199704)18:43.0.CO;2-G
10. Шлихтер А. А. Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 104 с.
11. Muirhead S. A. Corporate contributions: the view from 50 years. N. Y.: The Conference Board, 1999. 67 p.
12. Клинков А. В. Успешный бизнес – социально ответственный бизнес, поддержанный государством // Вестник университета. 2008. № 4. С. 81–83.

13. Orlitzky M., Schmidt F. L., Rynes S. L. Corporate social and financial performance: a meta-analysis // Organization Studies. 2003. Vol. 24. № 3. P. 403–441. https://doi.org/10.1177/0170840603024003910
14. Никитина Л. М., Борзаков Д. В. Корпоративная социальная ответственность. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.
15. Эскиндаров М. А., Беляева И. Ю., Беляев Ю. К., Плотицына Л. А., Столяров Н. С., Цыгалов Ю. М., Батаева Е. Ю., Большаков А. В., Бутова Т. В., Винников В. С., Полунин К. А., Панина О. В., Пухова М. М., Сычева Е. А. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект. М.: КноРус, 2008. 504 с.
16. Перекрестов Д. Г., Поварич И. П., Шабашев В. А. Корпоративная социальная ответственность: вопросы теории и практики. М.: Академия Естествознания, 2011. 215 с.
17. Мельник А. И., Перевозова О. В. Сущность, основные функции и задачи социального аудита // Инновационная наука. 2017. № 7. С. 113–115.
18. Социальный аудит / под ред. А. А. Шулуса, Ю. Н. Попова. М.: ИД АТИСО, 2008. 620 с.
19. Емелин В. Н., Скворцова Ю. Н. Социальный аудит как метод повышения эффективности деятельности предприятия // Молодой ученый. 2013. № 7. С. 161–163.
20. Freeman R. E. Strategic management: a stakeholder approach. Boston: Pitman, 1984. 276 p.
21. Галиев Г. Т. Роль социального аудита в оптимизации социально-трудовых отношений // Евразийский юридический журнал. 2012. № 3. С. 146–147.

original article

Development of the Financing Structure of Corporate Social Responsibility Practices

Oleg O. Chudinov
Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Russia, Krasnoyarsk; https://orcid.org/0000-0002-8401-8456; shevo29@rambler.ru

Received 18 Aug 2021. Accepted after peer review 14 Sep 2021. Accepted 20 Sep 2021.

Abstract: The article features the concept of corporate social responsibility and its financing. Russian publications usually focus on theory. However, such practices and the related profit depend on how the company allocates its financial resources. By solving this matter, commercial organizations can solve many issues of inefficient or unsystematic spending of funds. Modern business needs verified mechanisms for financing corporate social responsibility in order to develop corporate management. The article introduces various issues related to social and environmental activities that are new to domestic business. The author proved the relevance of the availability of financing mechanisms for these areas, thus distinguishing the system of corporate social responsibility from unsystematic environmental or social spending, as well as from one-time charity events or promotions.
Keywords: responsible business, corporate management, corporations, funds, stakeholders, financial mechanism, financial tools, non-financial reporting

Citation: Chudinov O. O. Development of the Financing Structure of Corporate Social Responsibility Practices. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 427–434. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-427-434

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Maltsev V. A. *Financial law.* Rostov-on-Don: Feniks, 2016, 426. (In Russ.)
2. Popova E. V. *Tools for the development of social responsibility of an industrial enterprise*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2015, 24. (In Russ.)
3. Savina T. N. Responsible financing as a key initiative of the financial sector in practice of social responsibility and sustainable development. *Finansy i kredit*, 2014, (30): 18–25. (In Russ.)
4. Savina T. N. Conceptual foundations of the research methodology of socially responsible investment. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2015, (9): 52–62. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

5. Karsakovich K. A. Corporate social responsibility of large companies as a tool for financial support of social services for the population. *Innovations and investments*, 2015, (1): 24–28. (In Russ.)
6. Hazalia I. D. Management and types of funding sources. *Strategii biznesa*, 2019, (6): 3–6. (In Russ.)
7. Anashkina Iu. A. Approaches to the definition of corporate social responsibility and its role in solving social problems. *Molodoi uchenyi*, 2009, (9): 43–45. (In Russ.)
8. Tovma N. A. Economic efficiency from the introduction of CSR elements into the company's management system. *Vestnik KazATK*, 2009, (4): 239–246. (In Russ.)
9. Waddock S. A., Graves S. B. The corporate social performance – financial performance link. *Strategic Management Journal*, 1997, 18(4): 303–319. https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-0266(199704)18:43.0.CO;2-G
10. Shlikhter A. A. *Directions and mechanisms of interaction of socially responsible business with the non-profit sector of the USA*. Moscow: IMEMO RAN, 2010, 104. (In Russ.)
11. Muirhead S. A. *Corporate contributions: the view from 50 years*. N. Y.: The Conference Board, 1999, 67.
12. Klinkov A. V. A successful business is a socially responsible business supported by the state. *Vestnik universiteta*, 2008, (4): 81–83. (In Russ.)
13. Orlitzky M., Schmidt F. L., Rynes S. L. Corporate social and financial performance: a meta-analysis. *Organization Studies*, 2003, 24(3): 403–441. https://doi.org/10.1177/0170840603024003910
14. Nikitina L. M., Borzakov D. V. *Corporate social responsibility.* Rostov-on-Don: Feniks, 2015, 445. (In Russ.)
15. Eskindarov M. A., Belyaeva I. Y., Belyaev Y. K., Plotitsyna L. A., Stolyarov N. S., Tsygalov Y. M., Bataeva E. Y., Bolshakov A. V., Butova T. V., Vinnikov V. S., Polunin K. A., Panina O. V., Pukhova M. M., Sycheva E. A. *Corporate social responsibility: management dimension.* Moscow: KnoRus, 2008, 504. (In Russ.)
16. Perekrestov D. G., Povarich I. P., Shabashev V. A. *Corporate social responsibility: issues of theory and practice*. Moscow: Akademiia Estestvoznaniia, 2011, 215. (In Russ.)
17. Melnik A. I., Perevozova O. V. The essence, main functions, and tasks of social audit. *Innovatsionnaia nauka*, 2017, (7): 113–115. (In Russ.)
18. *Social audit*, eds. Shulus A. A., Popov Iu. N. Moscow: ID ATISO, 2008, 620. (In Russ.)
19. Emelin V. N., Skvortsova Iu. N. Social audit as a method of increasing the efficiency of an enterprise. *Molodoi uchenyi*, 2013, (7): 161–163. (In Russ.)
20. Freeman R. E. *Strategic management: a stakeholder approach*. Boston: Pitman, 1984, 276.
21. Galiev G. T. The role of social audit in optimization of social and labor relations. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2012, (3): 146–147. (In Russ.)

16+

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
morea@inbox.ru
Митько Наталья Викторовна, ответственный редактор
+7(3842)58-13-01; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru
Natalia V. Mitko, Executive editor
+7(3842)58-13-01; vk-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:
Митько Н. В., Печёнкина Е. А., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 11.10.2021.
Дата выхода в свет 19.11.2021.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 18,75. Уч.-изд. л. – 16.
Тираж 500 экз. Заказ _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, https://kemsu.ru
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000,
г. Кемерово, пр. Советский, 73.